ISSN 3034-6975 (print)

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

№ 2(6) 2026

- Теоретические и методологические проблемы ономастики
- Региональные ономастические исследования
- Имя в пространстве художественного текста
- Прагматический аспект имятворчества
- Онимная периферия
- Ономастика в лицах
- События, обзоры, рецензии

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

№ 2(6) 2026

- Theoretical and methodological problems of onomastics
- Regional onomastic studies
- Name in the literary text space
- Pragmatic aspect of name creation
- Onym periphery
- Onomastics in faces
- Events and reviews

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Журнал выходит четыре раза в год.
Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук
Заместитель главного редактора – Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук
Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:
М.Р. Багомедов – доктор филологических наук – Махачкала, Россия; **М.Ю. Беляева** – доктор филологических наук – Славянск-на-Кубани, Россия; **В.Л. Васильев** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **Н.В. Васильева** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Борисоглебск, Россия; **В.В. Вязовская** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Дамбуев** – кандидат филологических наук – Улан-Удэ, Россия; **З.М. Дударева** – доктор филологических наук – Стерлитамак, Россия; **Г.А. Заварзина** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.М. Калинкин** – доктор филологических наук – Донецк, Россия;**В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Меркулова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **С.А. Мызников** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **Ф. Пашаева**– доктор филологических наук – Карс, Турция; **С.А. Попов** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Попова** – доктор филологических наук – Липецк, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Р.В. Разумов** – кандидат филологических наук – Ярославль, Россия; **И.Э. Ратникова** – доктор филологических наук – Минск, Республика Беларусь; **О.А. Селеменева** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В.И. Супрун** – доктор филологических наук – Волгоград, Россия; **А.С. Щербак** – доктор филологических наук – Тамбов, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».
Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

12+

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology
Deputy chief editor – N.B. Bugakova, doctor of philology
Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:
M.R. Bagomedov – Doctor of Philology – Makhachkala, Russia; **M.Yu. Belyaeva** – doctor of philology – Slavyansk on the Kuban, Russia; **V.L. Vasiliev** – Doctor of Philology – Veliky Novgorod, Russia; **N.V. Vasilyeva** – doctor of philology – Moscow, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Borisoglebsk, Russia; **V.V. Vyazovskaya** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Dambuev** – PhD in philology – Ulan-Ude, Russia; **Z.M. Dudareva** – doctor of philology – Sterlitamak, Russia; **G.A. Zavarzina** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.M. Kalinkin** – doctor of philology – Donetsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Merkulova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **S.A. Myznikov** – Doctor of Philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopie, Northern Makedonia; **F. Pashayeva –** Doctor of Philology – Kars, Turkey; **S.A. Popov** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **E.A. Popova** – doctor of philology – Lipetsk, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **R.V. Razumov** – PhD in philology – Yaroslavl, Russia; **I.E. Ratnikova** – Doctor of Philology – Minsk, Republic of Belarus; **O.A. Selemeneva** – doctor of philology – Yelets, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V.I. Suprun –** doctor of philology – Volgograd, Russia; **A.S. Shcherbak** – Doctor of Philology, Tambov, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».
Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

12+

© Voronezh State Technical University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Скуридина С.А. Вступительное слово главного редактора…… 6

Теоретические и методологические проблемы ономастики
Климкова Л.А. Оним в тексте: сопряжение единиц…… 7

Региональные ономастические исследования
Запольских Е.В. Типизированные модели трансформации личных имен старообрядцев Пермского Прикамья XIX – первой четверти XXI вв. в аспекте системности…… 14
Шаталова О.В. Историко-культурный потенциал годонимов в аспекте краеведческих исследований… 19
Леванцевич Л.В. Региональная микротопонимия как репрезентатор диалектной картины мира…… 25

Имя в пространстве художественного текста
Чарина О.И. Основные образы в сказках династии Киселевых в с. Русское Устье…….. 35
Скуридина С.А., Канищев Д.Н. Лексема «мост» как элемент библионимов…….. 42
Попов С.А., Лавлинская В.Э. Имена персонажей как элемент языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»…….. 48
Алиева Т.И. Ономастическая система романа Т. Толстой «Кысь»: от культурного кода к цифровому симулякру……. 53
Узолина Н.В. Ономастика в произведении Терри Брукса MAGIC KINGDOM FOR SALE – SOLD! (цикл LANDOVER)……. 62
Попов С.А., Шемонаева А.В. Функционирование и значимость собственных имён в формировании художественного пространства повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»…… 66
Пашаева Юнус Ф.Ш. Безымянность и философия имени в романах Жозе Сарамаго: ономастический и философско-литературный анализ (на материале романов «Перебои в смерти» и «Евангелие от Иисуса»)…… 72
Бугакова Н.Б. Семантический потенциал антропонима Петер Крейцкопф…….. 79

Прагматический аспект имятворчества
Замальдинов В.Е., Замальдинова В.В. Наименования заведений красоты Приволжского федерального округа: лингвокреативный аспект…….. 84
Егорова Е.В., Чечетка В.И. Прагматический подход к изучению мифонимов в рекламе……... 88
Батанова У.С. Эргонимы образовательных учреждений российской империи начала XX века (на примере Вологодской и Ярославской губерний)…… 92

Онимная периферия
Абдулова В.Р. Нарушение лексической сочетаемости в ономастике деловых объектов города Бишкека…… 98
Маслихова Л.И. Происхождение названий археологических культур: российская традиция и примеры Центрального Черноземья……... 105

Ономастика в лицах
Попов С.А. Преемственность и новаторство: научное служение профессора В.М. Калинкина в контексте развития отечественной ономастики……... 111

Правила оформления статей…… 115

CONTENTS

Skuridina S.A. Opening remarks of the chief editor ……..... 6

Theoretical and methodological problems of onomastics
Klimkova L.A. Proper names in text: linking units…… 7

Regional onomastic studies
Zapolskikh E.V. Typical nransformation models of the old believers' personal names in Perm Prikamye in the XIX – first quarter of the XXI centuries in the aspect of systemacity…….. 14
Shatalova O.V. Historical and cultural potential of godonyms in the aspect of local history research…… 19
Levantsevich L.V. Regional microtoponymy as a representative of a dialectic worldview…….. 25

Name in the literary text space
Charina O.I. Main images in the fairy tales of the Kiselev dynasty in the village of Russkoe Ustye…….. 35
Skuridina S.A., Kanischev D.N. The lexeme «bridge» as an element of biblionyms…… 42
Popov S.A., Lavlinskaya V.E. The names of the characters as an element of the language game in the novel "The twelve chairs" by I. Ilf and E. Petrov…… 48
Aliyeva T.I. Onomastic system of T. Tolstaya's novel "Kys": from cultural code to digital simulacrum…….. 53
Uzolina N.V. Onomastics in Terry Brooks's MAGIC KINGDOM FOR SALE – SOLD! (THE LANDOVER cycle)…….. 62
Popov S.A., Shemonaeva A.V. The functioning and significance of proper names in the formation of the artistic space of A. and B. Strugatsky's novella "Monday begins on Saturday"…….. 66
Pashayeva Yunus F. Sh. Namelessness and the Philosophy of the Proper Name in the Novels of José Saramago: An Onomastic and Philosophical–Literary Analysis (Based on the novels Death with Interruptions and The Gospel According to Jesus Christ)…….. 72
Bugakova N.B. Semantic potential of the anthroponym Peter Kreitskopf……. 79

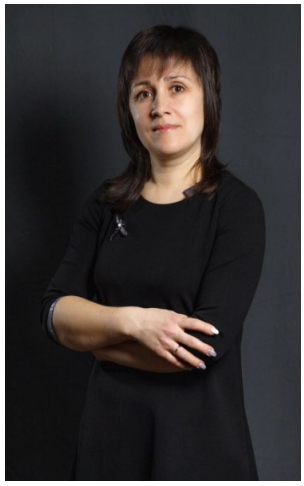
Pragmatic aspect of name creation
Zamaldinov V.E., Zamaldinova V.V. Names of beauty establishments of Volga Federal District: the linguistic and creative aspect……. 84
Egorova E.V., Chechetka V.I. A pragmatic approach to the study of mythonyms in advertising……. 88
Batanova U.S. Ergonyms of educational institutions in the Russian Empire by the early 20th century (based on Vologda and Yaroslavl governorates)…….. 92

Onym periphery
Abdulova V.R. Lexical collocational violations in the onomastics of commercial urban objects in the city of Bishkek…….. 98
Maslikhova L.I. The origin of archeological culture names: Russian scholarly tradition and case studies from the Central Black Earth region…….. 105

Onomastics in fasec
Popov S.A. Continuity and innovation: scholarly service of professor V.M. Kalinkin in the context of the development of Russian onomastics…….. 111

Layout of the articles……..……..……..……... 115

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей 2(6) выпуск научного журнала «Ономастический вестник» Воронежского государственного технического университета, который включает работы, посвященные актуальным проблемам ономастики, прозвучавшие на II Всероссийской ономастической конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» 18 февраля 2026 года.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Теоретические и методологические проблемы ономастики», II – «Региональные ономастические исследования», III – «Прагматический аспект имятворчества», IV – «Имя в пространстве текста», V – «Онимная периферия», VI – «Ономастика в лицах».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 18 научных работ.

Раздел «Теоретические и методологические проблемы ономастики» включает статьи, рассматривающие употребление онимов в тексте в статусе художественного средства (поэтонимов) с целью выполнения ими функции воздействия на читателя (*И.А. Климкова*).

Раздел «Региональные ономастические исследования» содержит статьи, выявляющие основные показатели системности антропонимии прикамских старообрядце (*Е.В. Запольских*), обосновывающие принцип семантического и социально-культурного анализа годонимов как основы для историко-краеведческих исследований (*О.В. Шаталова*), представляющие региональную микротопонимию как репрезентатора диалектной картины мира (*Л.В. Леванцевич*).

В разделе «Имя в пространстве текста» представлены работы, анализирующие в ономастическом ключе основные образы в сказках династии Киселевых в с. Русское Устье (*О.И.Чарина*), рассматривающие лексему «мост» как элемент библионимов (*С.А. Скуридина, Д.Н. Канищев*), имена персонажей как элемент языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (*С.А. Попов, В.Э. Лавлинская*), ономастическую систему романа Т. Толстой «Кысь» (*Т.И. Алиева*), ономастику в произведении Терри Брукса MAGIC KINGDOM FOR SALE – SOLD! (циклLANDOVER) (*Н.В. Узолина*), функционирование и значимость собственных имён в формировании художественного пространства повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (*С.А. Попов, А.В. Шемонаева*), безымянность и философию имени в романах Жозе Сарамаго на материале романов «Перебои в смерти» и «Евангелие от Иисуса») (*Ф.Ш. Пашаева Юнус*), семантический потенциал антропонима Петер Крейцкопф в рассказе А. Платонова «Лунная бомба» (*Н.Б. Бугакова).*

Раздел «Прагматический аспект имятворчества» содержит работы, выявляющие в лингвокреативном аспекте специфику наименования заведений красоты Приволжского федерального округа (*В.Е. Замальдинов, В.В. Замальдинова*), использующие прагматический подход к изучению мифонимов в рекламе (*Е.В. Егорова, В.И. Чечетка*), рассматривающие эргонимы образовательных учреждений российской империи начала XX века (на примере Вологодской и Ярославской губерний)

(*У.С. Батанова*).

В разделе «Онимная периферия» представлено нарушение лексической сочетаемости в ономастике деловых объектов города Бишкека (*В.Р. Абдулова*), происхождение названий археологических культур (*Л.И. Маслихова*).

В разделе «Ономастика в лицах» рассказано о научном служении профессора В.М. Калинкина в контексте развития отечественной ономастики (*С.А. Попов*).

Содержащиеся в выпуске 2 (6) научные работы затрагивают проблемы современной ономастики, рассматриваемые на основе анализа разноплановового материала, что обусловлено особым положением имен собственных в языке. Данное издание может быть интересно специалистам-ономатологам, историкам, географам, преподавателям русского языка, литературы и краеведения, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кого интересует имя как знаменательный элемент лингвокультуры.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук С.А. Скуридина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF ONOMASTICS

УДК 81.373.2

Л. А. Климкова
(Арзамас, Российская Федерация)
e-mail: dialekt_arz@mail.ru

ОНИМ В ТЕКСТЕ: СОПРЯЖЕНИЕ ЕДИНИЦ

В статье после констатации некоторых сведений об объёме русского онимического пространства и характере семантики имени собственного в его исконной языковой среде рассматривается употребление онимов в тексте в статусе художественного средства (поэтонимов) с целью выполнения ими функции воздействия на читателя. Усиливает эту функцию приём разноаспектного (эксплицитного или имплицитного) сопряжения онимов с их дериватами, модификатами, ассоциатами, контаминатами, семантическими, фонетическими, историко-этимологическими параллелями, что продемонстрировано на многих примерах из текстов разносубъектных, разновременных, разножанровых произведений, в том числе на библионимах в публицистике, при использовании сопоставительного, ассоциативного методов. Обращено внимание также на совмещение разных приёмов использования, употребления онимов – своеобразный художественный синкретизм. Осуществлённый в русле текстоцентризма, системно-структурной, антропоцентрической парадигм знания анализ, подробная, более или менее развёрнутая экспликация речевых фактов употребления онимов и так или иначе связанных с ними единиц свидетельствует о том, что имя собственное обладает мощным, многомерным потенциалом как художественное средство, подтверждая тем самым статус имени собственного как поэтонима. Это обстоятельство обусловливает мотив, стимул к использованию имени собственного как эффективного и эффектного художественного средства в рамках разных текстовых приёмов – как поэтонима, рассчитанного на восприятие текста активным, любознательным читателем, соответственно – на воспитание такого креативного читателя.

Ключевые слова: оним, поэтоним, сопряжение, дериват, ассоциат, художественное средство, функция, художественная литература, публицистика, библионим.

L. A. Klimkova
(Arzamas, Russian Federation)
e-mail: dialekt_arz@mail.ru

PROPER NAMES IN TEXT: LINKING UNITS

The article, after offering information about the volume of the Russian onymic space and the nature of the semantics of the proper name in its original language environment, discusses the use of onyms in the text as a stylistic device (poetonyms) in terms of its impact on the reader. This function is enhanced by the technique of diverse (explicit or implicit) linking of onyms with their derivatives, modifiers, associates, contaminants, semantic, phonetic, historical and etymological parallels, which is demonstrated in many examples from texts of diverse, different-time, different-genre works, including biblionyms in journalism, when using comparative, associative methods. Attention is also paid to the combination of different methods of using onyms – a kind of literary syncretism. Analysis is carried out in line with textocentrism, system-structural, anthropocentric paradigms of knowledge, a detailed, more or less comprehensive explication of speech facts of the use of onyms and units related to them, which indicates that the proper name has a powerful, multidimensional potential as a stylistic means, thereby confirming the status of the proper name as a poetonym. This circumstance determines the motive, the incentive to use the proper name as an effective and impressive stylistic means within the framework of various text techniques – as a poetonym designed to be perceived in the text by an active, inquisitive reader, and thus, to educate such a creative reader.

Key words: onym, poetonym, linking, derivative, associate, stylistic means, function, fiction, journalism, biblionym.

© Климкова Л.А., 2026

Русский язык имеет очень объёмное, огромное онимическое пространство, гораздо более объёмное, нежели апеллятивное. Имя собственное, оним, – слово (эквивалент слова), которое называет объект (реалию), выделяя его из ряда ему подобных, индивидуализируя, идентифицируя его и тем самым отграничивая от других объектов того же ряда, иначе говоря, – это индивидуальное наименование элемента действительности, выполняющее номинативно-выделительно-дифференцирующую и идентифицирующую функции, выражая при этом так называемое энциклопедическое значение, то есть всю информацию о называемом объекте (подробно об этом [см.: Климкова 2007: 58-72]). При перенесении, включении онима в иную сферу, сферу художественной речи, на эти функции наслаиваются и другие, соотносительные со спецификой художественного пространства. См. свидетельство одного из исследователей этого пространства: «<...> входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащённым и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определённых ассоциативных значений. Их можно считать локальной семантической структурой, закрепляющейся за данным именем в данном контексте, – индивидуально-художественным значением имени собственного» [Кухаренко 1988: 106]. Получается, что войдя в художественный текст, оним начинает новую жизнь. Именно это индивидуально-художественное значение придаёт ониму иной статус, превращая его в художественном тексте в поэтоним [См.: Калинкин 2016: 18-27; 2023: 203-206]. Это превращение углубляется за счёт использования определённых текстовых приёмов. Один из них – сопряжение (связь, соположение, соединение, объединение) единиц в тексте.

В целом сопряжение является многомерным [см.: Климкова 2021], прежде всего оно может быть эксплицитным и имплицитным. В первом случае оним и сопрягаемые с ним единицы используются в тексте вместе. См. пространный фрагмент текста: «Помню как-то в кружке на Дмитровке была лекция академика ***Овсянико -Куликовского***. После лекции были объявлены прения. Мы все во главе с Маяковским пришли, когда прения уже начались. Маяковский взял слово: / – Наш уважаемый лектор, – начал он, – господин ***Лаппо-Данилевский***... / Председатель отчаянно зазвонил в колокольчик: / – не ***Лаппо-Данилевский***, а ***Овсянико-Куликовский***! – строго поправил он. / – Простите, – извинился Маяковский, – но я не могу согласиться с мнением академика ***Семёнова-Тяньшанского***. Он сказал, что поэзия... / Снова яростно зазвонил колокольчик. Часть публики негодовала, многие смеялись. / Маяковский перекрыл негодующие крики и смех: / – А поэзия, многоуважаемый господин ***Новиков-Прибой***, это... / Зал буквально взорвался: / – Балаган! Долой! Вон их отсюда! / Но Маяковский не успокоился. Академик был переиначен ещё в ***Муравьёва-Апостола***, ***Сухово-Кобылина*** и наконец в ***Кулика-Овсяновского***... Это было последней каплей: трясущегося от возмущения ***Овсянико-Куликовского*** унесли в кресле за кулисы. / Диспут был сорван. Что и требовалось доказать!» [Вертинский 1991: 81]. Здесь сопряжение дважды употреблённого онима с параллелями-ассоциатами к нему и модификатом служит средством речевой игры с ними, средством эпатажа публики, причём ассоциация основана на характере структуры имени-прецедента. Ср. с этим: «Назывался я по-прежнему ***Брат Пьеро***, или попросту ***Пьероша***, а фамилии моей почти никто не знал. <...> Вы знаете, ***Вертиша***, со мной сегодня был такой ужас! <...> Вскоре у меня появился греческий паспорт, купленный Кирьяковым за сто лир, на имя греческого подданного, рождённого в городе Киеве, – **Александра *Вертидиса*** (так переделал мою фамилию [*Вертинский* – Л.К.] предприимчивый Кирьяков для большего сходства с Грецией)» [Вертинский 1991: 82, 114, 137]. Здесь происходит сопряжение дериватов соответствующего онима-прецедента.

Оним может сопрягаться с расшифровкой его структуры через производящие слова (основы), через экспликацию внутренней формы, трансформации, ассоциаций или этимологии, историко-этимологических сведений. Например: «Салон назывался ***"Ирфе"*** – по начальным буквам ***"Ир"*** – ***Ирина*** и ***"Фе"*** – ***Феликс***. Салон имел успех. <...> Для русского

лагеря отвели место на земле какого-то турецкого полковника. Называлось оно ***Долина Роз и Смерти***, потому что хотя над речкой, в расселинах гор, рос *дикий шиповник*, но *москиты, скорпионы и змеи* подстерегали на каждом шагу. <...> ***Галиполи*** в переводе с греческого ***"Город красоты"***. Трудно себе представить, почему так назвали *пустынное, выжженное место*. Наши солдатики называли его ***"Голополе"*** – это название больше подходило. Солнце. Синие горы вокруг. Жара. Раскалённый камень. Ящерицы. Очень мало зелени. Так выглядел ***Галиполи***, когда из чёрных закоптелых транспортов там высадилась тридцатитысячная армия усталых, разочарованных, отвоевавших людей – без родины, без будущего и даже без настоящего» [Вертинский 1991: 190, 134]. «В Германии, на юге земли ***Бранденбург***, простирается область ***Лаузиц***, по-славянски – ***Лужица***. Места эти издревле были населены не только немцами, но и людьми славянской крови – ***лужичанами***. Да и сам город ***Бранденбург*** был когда-то ***Бранибором***, получив своё название по одноимённому славянскому племени, основавшему его» [Насибов 1993: 428-429].

В тексте происходит и произвольное авторское соположение онимов, перечисление на основе некой идеи, определённого признака, общего впечатления, что приводит к сближению, сопоставлению или противопоставлению соответствующих объектов. Ср.: «Каждая страна имеет свой особый запах, который вы ощущаете сразу при въезде в неё. ***Англия***, например, пахнет дымом, каменным углем и лавандой, ***Америка*** – газолином и жжёной резиной, ***Германия*** – сигаретами и пивом, ***Испания*** – чесноком и розами, ***Япония*** – копчёной рыбой. Запах этот запоминается навсегда, и, когда хочешь вспомнить страну, вспоминаешь её запах. И только ***наша родина***, необъятная и далёкая, оставила на всю жизнь тысячи ароматов своих лугов, полей, лесов и степей... / Итак, ***Париж*** пах духами. <...> Вы знаете, какое сравнение прежде всего пришло мне в голову, когда я попал в ***Голливуд***? Он показался до странности похожим на какой-нибудь захолустный русский ***Пинск*** или ***Двинск***, глухую провинцию, отличающуюся только своим географическим положением и населением» [Вертинский 1991: 219, 542]. Здесь и запах стран, и провинциальность городов воспринимаются и оцениваются автором через призму тоски по своей Родине, России, в разлуке с ней.

Просматривается в текстах неодномерная организация сопряжения единиц, связанных с тем или иным онимом. Например:

Раскручу запылившийся глобус.
Прошепчу: "До свиданья, ***Москва***..."
И примчит меня чинный автобус
прямиком в ***Шереметьево-2***.

Стюардесса проверит билеты,
оживёт маячок на крыле...
Но окажется, что, кроме этой,
нет ***земли*** для меня на ***Земле***.

Путь на ***Север*** заступят деревья,
и, как мама, взойдёт на порог
горевая тверская деревня:
"Ты почто нас бросаешь, сынок?" (Е.А. Артюхов. Себя не потерять...)

В этом тексте выстраивается соотношение онимов: *Москва – Шереметьево-2* (по принципу включённости объектов); *Москва, Север – Шереметьево-2* (по принципу макро – микро); *Земля – Москва, Север – Шереметьево-2* (по принципу мега – макро – микро); *Земля – земля – деревня* (планета – отечество – отчина).

Сопряжение может исходить и от употреблённого в тексте апеллятива, апеллятивного деривата, соотнесённого с онимом, в том числе имплицитно. Яркий пример тому видим в есенинском тексте:

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твоё звенит,
Словно ***августовская*** прохлада? (С.А. Есенин."Ты такая ж простая,
как все...")

За атрибутом *августовская* здесь неодномерное сопряжение: ***августовская*** – ***август*** ʻмесяцʼ, ʻпредосенье в жизни поэтаʼ, ***Августа*** ʻженское имяʼ. За ним ситуация в жизни С.А. Есенина, на последнем её отрезке: в августе 1923 года, вернувшись на родину после длительного заграничного путешествия, он знакомится с актрисой Московского Камерного театра Августой Леонидовной Миклашевской. «Созвучие её редкого имени с месяцем знакомства, всколыхнувшее в его душе тихую нежность "осенней" любви к ней, отзовётся в его пленительных строчках» [Воронина 2012: 55].

В текстах происходит сопряжение не только единиц, но и приёмов их использования. Так, например, в стихотворении А.А. Харчикова «Помнишь, Родина-мать...» налицо четырёхкратный повтор номинанты ***Родина-Мать*** в строке, вынесенной в том числе в абсолютно сильную позицию, заглавие; номинативный параллелизм: ***Родина-Мать*** = ***Россия*** (дважды употреблённое) = ***Русская Земля*** = ***Наша Держава*** (в дважды повторённой строке ***Незабвенная Наша Держава***); соположение с ассоциатами – географическими, историческими, идеологическими – по принципу включённости: ***Чёрное*** рыдающее ***море***, ***Крым*** *для* ***России*** вернули, ***Севастополь***, ***Цусимская*** волна, ***Советская*** отвага, под высоким ***Андреевским флагом***, ***Победа*** и др.: соположение с онимоидами – единицами, появившимися в результате онимизации, деапеллятивации*:* В самых дальних морях ***Океана****;* Боевая советская ***Слава****; Ты* с ***Победой*** героев встречала; И напутствуешь их ***Ты***, и помнишь о них, / *Незабвенная* ***Наша Держава***. См. также: «И ждали ***Россию***, Верили в свою миссию, в своё предназначение <...> Конечно, они проиграли. Они – то есть вся эмиграция, оторвавшаяся от ***родины***, посмевшая поднять меч свой против ***НЕЁ***!» [Вертинский 1991: 136]. Здесь сопряжение онима (*Россия*) – апеллятива (*родина*) – онимоида, созданного онимизацией и графодеривацией (*НЕЁ*).

С той же целью воздействия на читателя используется сопряжение единиц, в том числе вкупе с другими приёмами, в публицистике, в частности в газетных материалах, в том числе в их заглавиях [см.: Климкова 2023: 227-230]. (В данной статье оперируем материалами газеты «Советская Россия»). См.: «Помнится, как гладил он [Смоктуновский – Л.К.] с любовью и прилюдно только что полученную ***Звезду Героя Социалистического Труда***, приговаривая перед телекамерами, зная, что злопыхатели именуют эту награду ***"гертрудой"***: "мне нравится, что я – ***Герой***. И *Герой* – ***Труда***. И *Труда* – ***Социалистического***. У него здоровье стало ухудшаться во многом оттого, что время настоящих ***героев*** уходило. <...> Помню, как Дима Афанасьев полушутливо, полусерьёзно стал прилаживать Иннокентию Михайловичу грим, напоминающий ***ленинские*** черты, пиджак, кепку отыскал, которую сейчас называют ***"ленинка"***». (Шевелёв Э. «Я душой и сердцем ушёл в работу над образом» // СР. 27.03.2025. № 33. С.3). В этом тексте многомерное сопряжение: *Герой Социалистического Труда* (как составная номинанта, а также при своеобразном синтаксическом рассечении на отдельные слова как своеобразном виде парцелляции) – ***героев***, ***"гертруда"*** (аббревиатура смешанного типа) – имплицитно ***Гертруда*** (женское личное имя немецкого происхождения – виртуальная омонимия); дериваты ***ленинские***, ***"ленинка"*** – имплицитное ***Ленин***. См. ещё: «И вот 23 марта 2024 года экспертная комиссия во главе с человеком с очень говорящей фамилией ***Брехуненко*** (слово ***"брехать"*** (укр.) значит *"лгать"* (русск.), т.е. буквально значит *"лжец"*)

вынесла "приговор" известному писателю Михаилу Булгакову <...>» (Швыдкая Ж. Если слушать ***Брехуненко***...// СР. 11.04.20214. № 38 // Отечественные записки. С.14).

В публицистических текстах, как и в художественных, используется сопряжение единиц на уровне деонимизации (апеллятивации), т.е. онимов и апеллонимов, типа: «Западные профессионалы "точнее понимают то, что мы сами сделали", понимают "шедевр политической дипломатии" ельцинских лизоблюдов – ***бурбулисов***, ***гайдаров***, ***козыревых***, ***шахраев***. <...> Но это именно тот внутренний стержень, характерный не только для ***Г. Бурбулиса***, но и для многих других недемократов-***бурбулисов***» (Воронин Ю. Беловежское предательство // СР. 10.12.2024. № 139. С. 4). «Сколько же у них ненависти к Русскому миру, у всех этих ***зеленских***, ***парубиев***, ***аваковых***, ***турчиновых***, ***яценюков***, ***юлек*** *с косой*. Правда, ***Юлька*** что-то приумолкла. Как и *Коломойский*» (Кириллов В. Жажда справедливости. Взгляд из русской провинции // СР. 26. 04. 2022. № 44. С.2). [См. также: Климкова: 227-228].

Активен приём соположения единиц в библионимии, в газетных заголовках. Здесь также проявляется разнообразие оснований сближения: повтор (слов, морфем), тезоимённость, деривация, ассоциативность и др. Ср.: «***Тайна тайного*** советника» (Красильников Б.Н. // СР. 05. 04. 2025. № 37. С.2). Статья о книге В.Д. Успенского «*Тайный* советник вождя» [И.В. Сталина – Л.К]. «***Красная*** пионерия на ***Красной*** площади» (// СР. 20. 05. 2025. № 54). «***Соловья*** России провожали ***"Соловьи"***...О судьбе и творчестве *Алексея Ивановича Фатьянова*» (// СР. Отечественные записки. 14. 11. 2024. № 22. С. 12-16). Здесь метафорическая номинация поэта, соотнесённая с названием песни на его стихи. «Вырастет ***Орешник*** и в лесах Беларуси» (// Ср. 07. 11 2024. № 138. С. 2). «Президент Белоруссии Александр Лукашенко попросил президента России Владимира Путина разместить системы ***"Орешник"*** на территории Белоруссии».

«***Светлый*** ли "***Свет*** в окне"?» (Зосимова А. // СР. 09. 07.2024. № 72. С. 4). «*Свет в окне*» – это телефильм, анализу которого и посвящена статья; основная мысль автора о фильме: «<...> персонажи современного кино, не увлечённые ни своей профессией, ни общественно-полезными делами, целиком отключённые от жизни страны и народа, озабоченные лишь личными переживаниями, живут и чувствуют боли только в своём замкнутом индивидуальном мирке – *"окне",* куда до поры до времени и солнце не проникает. И это понятно: индивидуализм – порождение буржуазно-рыночного века, им и приветствуемый, не предполагает никаких высоких, общественно-значимых порывов и таких устремлений, которые были присущи советским людям, а значит, и героям фильмов, где раскрывается высота человеческого духа, смысл дел и трудовых свершений, просторы познания, больших чувств». В этом пространно выраженном мнении содержится отрицательный ответ на вопрос, заключённый в интригующем заглавии. **«*Унесённые "баблом"*»** (А. Синенко // СР. 20. 12 2025. № 142. С.4). Статья имеет подзаголовок «О проблемах профессионального и любительского спорта». Статья посвящена явлению изменения цели и характера профессионального спорта в современной России, когда спортсмен-профессионал «бьётся исключительно за своё имя и деньги, которые он зарабатывает своими победами и рекламой. По большому счёту Родина, её проблемы, чаяния, да и болельщики ему до лампочки». Заголовок ассоциативен, частично эксплицитный его прецедент – название романа Маргарет Митчелл «***Унесённые ветром***». Эта ассоциативность наряду с использованным жаргонизмом обусловливает выразительность заглавия статьи и тем самым вызывает интерес читателя. Ассоциативность данного заглавия в восприятии креативного читателя может и расширяться: отмеченный признак, явление соотносятся им не только со спортсменами-профессионалами, но и с другими группами, социумами, приобретая тем самым не только социальное, поведенческое осмысление, но и политическое, идеологическое, мировоззренческое.

Выразительность заголовка статьи «СВО подбирается к ***Нью-Йорку***» основывается на тезоимённости астионимов: посёлок *Нью-Йорк* на Украине – город *Нью-Йорк* в США и усиливается созвучием апеллятивов в подзаголовке этой статьи «Русские, как *боги*, на маши-

нах *багги*» (см.: Крамер Э., Ведерникова М. // 04. 07. 2024. № 70. С.3). Вместе то и другое сопряжение вызывает особенный интерес читателя и желание прочесть информацию.

Сопряжение, основанное на деривации, можно проиллюстрировать такими примерами: «Пассаж ***Бо Джо***. Как лучше назвать книгу ***Бориса Джонсона***?» (Чикин М. // СР. 15. 10. 2024. С. 3). Речь идёт о выходе автобиографической «книги *Бориса Джонсона "Unleahed":* «давайте переведём её как *"Освобождённый"*, хотя можно было бы и "*Развязанный*". На семи с лишним сотнях страниц ***Джонсон*** обрушивается на своих критиков. <...> ***Бо Джо*** придумал так». Здесь сопряжение, использованное в заглавии статьи, повторяется в самом тексте при участии соположения иноязычного библионима и его переводных параллелей. Ср. дериват *Джо-Деменция* (= Джо Байден) и его сопряжение, повтор в тексте: *Трамп* дал *США* энергетическую независимость. ***Джо-Деменция*** уничтожил её в первый же месяц. <...> *Трамп* удерживал *США* от войн. ***Джо-Деменция*** и его слабоумие вполне могут привести нас к третьей мировой войне!» (Вокруг события. Американцы говорят // СР. 25. 06. 2014. № 66. С.3).

Яркое, художественно нагруженное сопряжение единиц проявляется, выражается в контаминатах, в том числе в ассоциатах-графодериватах, графоконтаминатах, типа: ***МОДИфикация*** = сближение России с Индией во главе с президентом *Моди (модификация + Моди)*; ***СВОих*** не бросаем (*своих + СВО*) и в колорографодериватах, типа ***СВОих*** не бросаем (СВО выделяется и прописными буквами, и цветом), а также др. под.

Художественно значимо в заглавиях явление сопряжения единиц (онима и не-онима) на базе их созвучия, полного или частичного фонетического сближения в режиме языковой, речевой игры, то есть создания своеобразных эхо-конструкций. Например: «Диктатор ***МОК*** всё превоз***мог***» (Чикин М. // СР. 06. 08. 2024. № 84. С.4). В статье дана информация о конкретных фактах того, что «МОК уже много лет навязывает странам, принимающим Игры, свою концепцию понимания авторских прав». «***НАТО*** нам *не* ***надо***!» (Кожевников А. // СР. 26. 10. 2024. № 119. С. 1). В статье говорится о том, что исполнитель TRIKSTER, автор нашумевшего трека "Русский танк", известный своим острым политическим рэпом, выпустил новый трек под названием «*НАТО* нам не *надо*!», в котором выразил своё отношение к происходящим международным событиям и призвал слушателей задуматься о собственной позиции. «Не дуйте на ***воду***, доверившись ***Броду***» (Головкина Т. В. // СР. Голос народа. 05. 12. 2024. С. 7). В статье речь идёт о публикации А. Брода, правозащитника, ярого антисталиниста. Заголовок статьи ассоциативно соотносится с известной русской пословицей «Кто на молоке ожёгся, тот и на воду дует». «Зачем столице ***осколки "Сколкова"***?» (Платова Г. // СР.19. 10. 2024. № 116. С. 2). "Сколково" – инновационный центр, действующий в Москве научно-технологический инновационный комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий. См. также: «Когда в ***ЕС*** сидит балб***ес***» (Чикин М. // СР. 10. 10.2024. № 112. С. 3). «***МИД*** теряет ***вид***» (СР. 25.05. 2024. 54. С. 3). «***Белый дом*** превратится в дур***дом***» (СР. 27. 07 2024. № 80. С. 3) и др.

Как явствует из приведённых примеров, сопряжение проприальных и апеллятивных единиц, активно используемое в библионимии в режиме языковой игры, воздействует на читателя, вызывает у него интерес к тексту и желание ознакомиться с ним. [Ср.: Васильева 2021: 102-105].

Рассмотренный текстовый материал из художественных произведений и публицистики (в том числе библионимия) свидетельствует о том, что имя собственное как языковой знак, входя в текст, предстаёт семантически и функционально иным, обогащённым, выполняя роль изобразительно-выразительного средства, превращаясь в поэтоним. Усиливают эту функцию, это преобразование различные приёмы употребления онимов, в частности, разноаспектное (эксплицитное и имплицитное) сопряжение их с дериватами, модификатами, контаминатами, ассоциатами, с семантическими, фонетическими, этимологическими, историко-этимологическими параллелями. Действенно также совмещение разных приёмов использо-

вания онимов – своеобразный художественный синкретизм. Всё это несомненно убеждает в том, что имена собственные обладают мощным, многомерным потенциалом, являются эффективным и эффектным средством воздействия на читателя, приобщая его к восприятию силы, эстетики Слова, воспитывая у читателя языковое чутьё, эстетический вкус.

Библиографический список

1. Васильева Н.В. Список библионимов как «текст в тексте» в зеркале языковой игры // С любовью к Слову: сб. статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции (9-10 февраля 2021 г.) / отв. ред. О.В. Никифорова; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 102-105.

2. Вертинский А.Н. Дорогой длинною.../ Сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского; Послесловие К. Рудницкого; Оформл. Г. Саукова. М.: Правда, 1991. 576 с.

3. Воронина О. «Словно августовская прохлада» (Есенин и Миклашевская) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2012. № 23. С. 55-63.

4. Калинкин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология-2016. Т. 2. № 4 (8). С. 18-27.

5. Калинкин В.М. Похвальное слово нескольким понятиям поэтонимологии // Имя в пространстве культуры: Коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалёва / под общ. ред. С.А. Скуридиной и С.А. Попова. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2023. 372 с.

6. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

7. Климкова Л.А. Текст как функциональная среда онимов (на материале одного романа) // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора, писателя В.И. Даля (11-12 ноября 2021 г.) / науч. ред. Е.Н. Бекасова, В.И. Супрун; сост. П.А. Якимов. Оренбургский гос. пед. ун-т. Оренбург: Изд-во "Оренбургская книга", 2021. С. 320-327.

8. Климкова Л.А. Онимия в современной русской речи: ассоциативно-деривационный и художественный потенциал // Имя в пространстве культуры: Коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалёва / под общ. ред. С.А. Скуридиной и С.А. Попова. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2023. С. 224-232.

9. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Изд. 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.

10. Насибов А.А. Долгий путь в лабиринте: роман. М.: Воениздат и советско-канадское СП «Панас» 1999. 544 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Климкова Людмила Алексеевна
Доктор филологических наук
Профессор
Независимый исследователь
SPIN–код: 3538–8490
e-mail: dialekt_arz@mail.ru

Klimkova Lyudmila Alekseevna
Doctor of Philological Sciences
Professor
Independent researcher
SPIN–code: 3538– 8490
e-mail: dialekt_arz@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
REGIONAL ONOMASTIC STUDIES

УДК 279.99(470.53)+392.143+81'373.231

Е.В. Запольских
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь, Российская Федерация)
e-mail: zapolskih.ev@mail.ru

ТИПИЗИРОВАННЫЕ МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНЫХ ИМЕН СТАРООБРЯДЦЕВ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВВ. В АСПЕКТЕ СИСТЕМНОСТИ

Статья посвящена исследованию основных показателей системности антропонимии прикамских старообрядцев, которая была выявлена из метрических книг с записями рождений за XIX – первую четверть XXI вв. Исследуемый именослов насчитывает 6948 личных имен с повторами и вариантами (или 385 личных имен без повторов и вариантов). Регион исследования – это Пермское Прикамье, где хранители старорусской православной традиции, оформившиеся в отдельную конфессиональную группу после книжных реформ патриарха Никона и раскола русской церкви в середине XVII в., расселялись с самого начала раскола и проживают до сих пор. Установлено, что в основе понимания системности в антропонимии лежит концепция модели. Поэтому к основным показателям системности отнесены взаимодействия личных имен по типизированным моделям трансформации: имена трансформируются по адаптационным моделям, сокращаются по моделям аллегроформ, фонетически трансформируются по диалектным моделям, выравниваются по моделям полных личных имен, смешиваются по моделям контаминации агиоантропонимов. Серийный и взаимозависимый характер данных трансформаций свидетельствует об устойчивости системных связей между антропонимами на уровне их функционирования в языке и антропосистеме.

Ключевые слова: антропонимы, антропонимическая система, типизированные модели трансформации, старообрядцы, Прикамье.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-00314 «Ономастический портрет современного промышленного региона».

E.V. Zapolskikh
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
(Perm, Russian Federation)
e-mail: zapolskih.ev@mail.ru

TYPICAL TRANSFORMATION MODELS OF THE OLD BELIEVERS' PERSONAL NAMES IN PERM PRIKAMYE IN THE XIX – FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURIES IN THE ASPECT OF SYSTEMACITY

The paper is devoted to the research of the key indicators of systemacity in the anthroponymy of the Old Believers in Perm Prikamye, as identified from the birth registers of metric books from the 19th to the first quarter of the 21st centuries. The studied anthroponymicon contains 6948 personal names including duplicates and variants (or 385 personal names without duplicates and variants). The study region is Perm Prikamye, where the guardians of the Old Russian Orthodox tradition formeded in a separate confessional group after Patriarch Nikon's revision of books and the schism of the Russian Church of the mid-17th century, settled from the very beginning of the schism and continue to reside. It has been established that the concept of model underlies the understanding of systemacity in anthroponymy. Therefore, the key indicators of systemacity include the interactions of personal names according to typical transformation models: names are transformed according to adaptation models, reduced according to allegroform models, phonetically transformed according to dialect models, aligned according to full personal names models, and mixed according to contamination models of hagioanthroponyms. The serial and interdependent nature of these transformations testifies to the stability of systemic connections between anthroponyms at the level of their functioning in language and the

© Запольских Е.В., 2026

anthroponymic system.

Key words: anthroponyms, anthroponymic system, typical transformation models, Old Believers, Prikamye.
Acknowledgments: The study is funded by the Russian Science Foundation, project No 25-28-00314.

Системность по-разному проявляется в разных классах онимии. В топонимии – в единстве построения топонимов определённой территории, что связано с общностью мировосприятия населяющего её языкового коллектива; в наличии топонимических моделей, круга часто повторяющихся топооснов [ТМОИ: 51], набора семантических полей, которые находятся во взаимосвязи [Березович 2007: 72]. На уровне зоонимии черты системности связывают с видовыми классами, в которых выявляются номинативные модели [Боброва 2020, Подюков, Свалова 2025]. В исследовании системных связей антропонимов применяются разные подходы: анализ формул именования [Наумова 2004, СЛИНМ] и адаптационно-трансформационных процессов [Смольников 1996, Хазиева-Демирбаш 2017] (в том числе дериваций [Полякова 2010]), определение семантических мотивов номинации [Голомидова 1998, СЛИНМ] и ономастических пластов по их происхождению [СЛИНМ]. Однако к настоящему времени системность в антропонимии исследована недостаточно, что говорит об актуальности статьи. Целью нашей работы является определение основных показателей системности антропонимии старообрядцев Пермского Прикамья (Пермского края), которая была выявлена из метрических книг с записями рождений за XIX – первую четверть XXI вв. [ГАПК. ф. 37, 352, 420, 719, КПОГА. ф. 19, 21]. Полный список личных имен насчитывает 6948 имен с повторами и вариантами (или 385 имен без повторов и вариантов). Объект исследования – именослов хранителей старорусской православной традиции, которые оформились в отдельную конфессиональную группу после книжных реформ патриарха Никона и раскола русской церкви в середине XVII в. На территории Пермского Прикамья они расселялись с самого начала раскола и проживают до сих пор.

Антропонимическая система – это определенным образом организованную совокупность антропонимов [Подольская 1988: 35]. Ее организация проявляется в наличии системных связей между ее элементами (антропонимами) и их группами. Исследователи выделяют системные связи разного рода. В.А. Никонов выявляет антропонимические модели – формулы именования (например, русская трехчленная модель: имя + отчество + фамилия; исландская двухчленная: имя + отчество и т.д.). Их различия у разных народов обусловлены историческим и социальным развитием, особенностями языка [СЛИНМ: 6–7]. В нашей работе данные об отчествах и фамилиях не включены в объект исследования, поэтому такие признаки системности мы не рассматриваем. Е.Н. Полякова считает необходимым условием признания антропонима активным системным элементом его способность образовывать дериваты – производные формы имен, образованные с помощью специальных онимических элементов: префиксов, суффиксов, финали и т.п. [Полякова 2010: 68, 109]. Соответственно внутрисистемное взаимодействие личных имен осуществляется по определенным моделям дериваций – типам морфологических преобразований, различающихся словообразовательными аффиксами. На нашем материале образование дериватов рассмотреть невозможно, поскольку мы исследуем старообрядческие имена официальной записи метрических книг. Производные формы имен типа *Миш-ута*, *Андриян-ко*, *Марь-ица* и т.п. нужно исследовать на материалах бытовой письменности и устной речи. М.В. Голомидова называет архетипы именования – изначальные модели номинации, универсальные для антропосистем: индикативы (характеризующие имена), дезидеративы (имена-пожелания), дедикативы (имена-посвящения) [Голомидова 1998: 198–209]. Однако в нашей работе выделение различных мотивов номинации не актуально. В старообрядчестве мотивировка наречения именем продиктована не «первичной» семантикой (собственно этимологическим значением имени), а религиозно обусловленной (тезоименностью со святым), поскольку имя традиционно выбирается по дням памяти святых календаря.

Как видим, в основе понимания системности в антропонимии лежит концепция модели – определенным образом выстроенной структуры, механизмов ее формирования или типа взаимодействия системных элементов. Мы применим концепцию модели при определении механизма взаимодействия системных элементов. Нами установлено, что исследуемые старообрядческие

имена влияют друг на друга, выравниваясь по моделям полных личных имен, смешиваются, сближаются фонетически, развиваясь в общем потоке исторических языковых процессов, которые предопределяют похожие результаты адаптации имен (см. [Запольских 2025]). На основании этого механизм взаимодействия элементов системы нами определяется **типизированными моделями трансформации личных имен**:

1. Имена трансформируются по **адаптационным моделям** в общем потоке исторических языковых процессов, что обуславливает их серийный и взаимозависимый характер. Адаптация обусловлена тем, что используемые в наречении христианские имена являются иноязычными заимствованиями: греческие, латинские, еврейские и пр. имена. Они встраивались в систему принимающего языка, подчиняясь его законам и нормам. Приведем адаптационные модели, трансформации по которым наиболее частотно представлены в прикамской старообрядческой антропонимии. К примеру, при устранении нехарактерного для славянских языков зияния гласных и упрощении нехарактерных для структуры древнерусского слога групп согласных происходило следующее:

1. Контракция (стяжение) тождественных фонем – в группе имен *Аврамъ–Аврамій* (<*Авраамъ*), *Гаврило* (<*Гавриилъ*), *Исакія* (<*Исаакия*), где устранено зияние гласных [a]<[aa] / [i]<[ii]; а также в группе имен *Агей–Агѣй* (<*Аггей*), *Генадий* (<*Геннадий*), *Йоанъ–Иванъ* (<*Йоаннъ*), *Калистратъ* (<*Каллистратъ*), *Кирилъ–Кирило* (<*Кириллъ*) и т.д., где упрощены группы согласных [g’]<[g’g’] / [n]<[nn] / [l’]<[l’l’] / [l]<[ll].

2. Диэреза (выпадение) нетождественных фонем – в группе имен *Денисъ* (<*Деонисъ*<*Дионисий*), *Димитъ* (<*Диомидъ*), *Семенъ* (<*Семеонъ*), *Федоръ–Ѳедоръ* (<*Ѳеодоръ*), *Федосія–Федосья–Ѳедосья* (<*Ѳеодосия*) и т.д., где устранено зияние гласных [e]<[eo] / [i]<[io], а также в группе имен *Аксентий* (<*Авксентий*), *Алексадръ–Алесадръ* (<*Александръ*), *Евлапій* (<*Евлампий*), *Ксенефат* (<*Ксенофонтъ*) и т.д., где упрощены группы согласных [ks’]<[fks’] / [s]<[ks] / [dr]<[ndr] / [p’]<[m’p’] / [t]<[nt].

3. Эпентеза (вставка) интервокального согласного – в группе имен *Гегорьгий* (<*Георгий*), где [ego]<[eo], *Иванъ* (<*Иованъ*<*Иоаннъ*), где [iva]<[iova]<[ioa], *Ивойло* (<*Иоиль*), где [ivoj]<[ioi], а также в группе имен *Андриянъ* (<*Андрианъ*), *Доментиянъ* (<*Доментианъ*), *Емильянъ–Емельянъ–Емеліянъ* (<*Емелианъ*), *Ульянія–Їульянія–Иулияния* (<*Иулиания*) и т.д., где произошла йотация [ija]<[ia].

Следующие примеры описывают трансформации финали, связанные с историческим процессом падения редуцированных гласных. Они осуществлялись по разным моделям в зависимости от типа изменений сверхкратких гласных и пола антропонимов:

1.Трансформация финали -ей (-ея)<-ий (-ия) в связи с изменением напряженного редуцированного [ĭ] в положении перед [j] в группе мужских имен проявляется как -ей<-ий ([ej]<[ĭj]): *Афанасей–Афонасей* (<*Афанасий*), *Василей* (<*Василий*), *Евгеней* (<*Евгений*), *Прокопей* (<*Прокопий*), *Сергей* (<*Сергий*) и т.д., а в группе женских имен – как -ея<-ия ([eja]<[ĭja]): *Аскитрея* (<*Аскитрия*), *Пелагея* (<*Пелагия*), *Соломея* (<*Соломия*). Также в группах *Афанасѣй*, *Прокопѣи*, *Сергѣй* и *Ефимѣя*, *Клавдѣя*, *Марѣя*, *Наталѣя* – при смешении е//ѣ.

2.Трансформация финали -ья<-ия в связи с утратой редуцированного [ĭ] – в группе женских имен *Огафья–Агафья* (<*Агафия*), *Настасья–Анастасья* (<*Анастасия*), *Лукирья–Гликирья–Гликерья* (<*Гликерия*), *Зиновья* (<*Зиновия*), *Аксинья–Ксенья* (<*Ксения*) и т.д., где [ja]<[ĭja].

2. Имена сокращаются по **моделям аллегроформ** (форм имен в быстрой речи). Необходимость быстрого произнесения полного имени в живой речи обусловила выпадение фонем и их групп в трех различных позициях – в начале, середине и финали имени:

1) Аферезис (усечение начала) произошло в группе имен *Ларіонъ* (<*Иларионъ*), *Настася–Настасья–Настасія* (<*Анастасия*), *Сидоръ* (<*Исидоръ*), *Стафей* (<*Евстафей*), *Ѳилактъ–Филактъ* (<*Ѳеофилактъ*).

2) Синкопа (стяжение середины) – в группе имен *Евсей–Евсій* (<*Евсевий*), *Секлитія* (<*Секлитикия*).

– Апокопа (усечение финали) – в группе имен *Антонъ* (<*Антоний*), *Евѳимъ–Ефимъ–Евфимъ* (<*Евфимий*), *Епифанъ* (<*Епифаний*), *Ермъ* (<*Ермий*), *Макаръ* (<*Макарий*), *Назаръ* (<*Назарий*), *Парфенъ* (<*Парфений*), *Пахомъ* (<*Пахомий*), *Потапъ* (<*Потапий*), *Софронъ* (<*Софроний*).

3. Имена фонетически трансформируются по **диалектным моделям**. Диалектные особенности произношения, отразившиеся на русской антропонимии времен еще «до раскола», сохраняются в старообрядческом именослове Пермского Прикамья:

1) Древнерусское оканье, которое сохранилось в севернорусских говорах, проявляется в группе имен *Аностасия* (<*Анастасия*), *Афонасей–Афонасий–Авонасій* (<*Авонасий*), *Елисовѣта–Елизовета* (<*Елисавета*), *Никоноръ* (<*Никаноръ*), *Огафья* (<*Агафия*), *Огрофена* (<*Агрипина*), *Поросковья* (<*Параскева*) и т.д., где произошла замена [о]<[а].

– Старорусское аканье, которое сохранилось в южнорусских говорах, проявляется в группе имен *Автаномъ* (<*Автономъ*), *Антанида* (<*Антонида*), *Евдакія* (<*Евдокия*), *Ирадион–Радионъ* (<*Иродионъ*), *Капеталина* (<*Капитолина*), *Фамаида* (<*Фомаида*), *Якав* (<*Иаковъ*), где произошла замена [а]<[о].

4. Имена выравниваются по **моделям полных личных имен**, морфологически изменяясь под влиянием антропонимных основ и формантов:

1. Выравнивание по форманту финали произошло у имени *Антанида–Антонида* (<*Антонина*), которое сменило финаль -ида<-ина по типу имен *Зинаида*, *Ираида*, *Стефанида* и т.д.; у имени *Домнина* (<*Домника*), которое сменило финаль -ина<-ика по типу имен *Агрипина*, *Марина*, *Ирина* и т.д.; а также у имен, в которых флексии были восприняты как антропонимные форманты: *Валентинья* (<*Валентина*), *Христинья* (<*Христина*), где произошла замена -ья<-а; *Клеметеи–Климентій* (<*Климентъ*), *Кондратій* (<*Кондратъ*), *Силантей* (<*Силанъ*<*Силуанъ*), *Фокій* (<*Фока*), где произошла замена -ий/-ей<-ъ/-а.

2. Выравнивание по основе произошло у имен, в которых группы согласных нт/нд/ндр были восприняты как структурно опорные, спровоцировав вставку «недостающих» согласных: *Андріанъ–Андреянъ* (<*Адрианъ*), *Арсентей* (<*Арсений*), *Внифантій* (<*Внифатий*), *Мелентий* (<*Мелетий*), *Плантонида* (<*Платонида*) и т.д.; а также у имен, в которых группы фонем евф/еф/ев были восприняты как эквивалентные, обусловив варьирование: *Евтефій–Евфтихій–Ефтихій* (<*Евтихій*), *Евросиния–Ефрасинія–Ефросинья–Ефросинія–Евфросинья* (<*Евфросинія*), *Ефрасія* (<*Евфрасія*), *Ефимья–Ефимѣя–Ефимія* (<*Евфимія*), *Ефимъ–Ефимѣй–Ефимій–Евфимъ* (<*Евфимій*) и т.д.

5. Имена смешиваются по **моделям контаминации агиоантропонимов** (имен святых). В старообрядческой традиции господствует календарный принцип имянаречения, поэтому антропонимическая и агиоантропонимическая системы находятся в прямой зависимости. Результатом их взаимодействия являются контаминированные имена, в которых смешиваются личные имена святых и компоненты их именных формул:

- Контаминация личных имен святых – в имени *Евпроксинія*: вследствие почитания святой Евфросинии Полоцкой, в житии которой упоминается имя ее двоюродной сестры и ближайшей соратницы *Евпраксии*, произошло смешение агиоантропонимов *Евпраксія* и *Евфросинія* по схеме Евпрок- (<Евпрак-сія) +-синія (<Евфро-синія). Имя сестры святой могло быть воспринято и как имя отдельной святой, и как второе имя Евфросинии Полоцкой.

– Контаминация компонентов именной формулы святого – в имени *Марковей*: личное и родовое имя святого Маркелла Маккавея сомкнулись в одно имя по схеме Марк- (<Марк-еллъ) + -вей (<Макка-вей).

Таким образом, к основным показателям системности антропонимии старообрядцев Пермского Прикамья XIX – первой четверти XXI вв. мы относим взаимодействие личных имен по типизированным моделям трансформации: имена трансформируются по адаптационным моделям, сокращаются по моделям аллегроформ, фонетически трансформируются по диалектным моделям, выравниваются по моделям полных личных имен, смешиваются по моделям контаминации агиоантропонимов. Серийный и взаимозависимый характер данных трансформаций свидетель-

ствует об устойчивости системных связей между антропонимами на уровне их функционирования в языке и антропосистеме.

Библиографический список

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

2. Боброва М.В. Зоонимы Троельжанского сельского поселения Пермского края: производящая лексика / М.В. Боброва, Ю.Ю. Посохина // Филология в XXI веке. 2020. № 2(6). С. 141–148.

3. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. 232 с.

4. Запольских Е.В. Типологическое описание вариантов личных имен старообрядцев Пермского Прикамья XIX – первой четверти XXI вв. // Социо- и психолингвистические исследования. 2025. Вып. 13. С. 70–79.

5. Наумова О.В. Антропонимическая система Тамбовской области (на материале деловой письменности XVIII–XIX вв.): автореф. дисс. … канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 22 с.

6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

7. Подюков И.А., Свалова Е.Н. Отантропонимические зоонимы в живой речи Пермского края // Евразийский гуманитарный журнал, 2025. №4. С. 6–13.

8. Полякова Е.Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках: Монография. Пермь: ПГУ, 2010. 280 с.

9. СЛИНМ – Системы личных имен у народов мира / Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов, А.М. Решетов; отв. ред. М.В. Крюков. М.: Наука, 1989. 383 с.

10. Смольников С.Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVII в. (на материале памятников местной деловой письменности): автореф. дисс. … канд. филол. наук. Вологда, 1996. 22 с.

11. ТМОИ – Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская и др.; отв. ред. А.П. Непокупный. Изд. 2-е. М: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

12. Хазиева-Демирбаш Г.С. Западноевропейский и славянский пласты личных имен в современной татарской антропонимической системе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68). Ч. 1. С. 161–163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Запольских Евгения Владимировна,
младший научный сотрудник Центра этнолингвистики народов Прикамья кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
SPIN-код: 7189-1816
E-mail: zapolskih.ev@mail.ru

Zapolskikh Evgeniya Vladimirovna,
junior researcher, Center of Prikamye Populations Ethnolinguistics in the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages, Perm State Humanitarian-Pedagogical University
SPIN-code: 7189-1816
E-mail: zapolskih.ev@mail.ru

УДК 81’373.21

О.В. Шаталова
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Российская Федерация)
e-mail: shat_o_v@mail.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОДОНИМОВ В АСПЕКТЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На основе анализа ключевых тенденций развития урбатопонимики объективируется возможность универсальной методики исследования годонимов в современном геополитическом и культурном пространстве (с привлечением территориальных данных городов России и других стран). Также в статье обосновывается принцип семантического и социально-культурного анализа годонимов как основы для историко-краеведческих исследований. На примере названий микрорайона города Липецка (*Опытная станция*) и составляющих его улиц (*Агрономическая, Ботаническая, Новотепличная, Опытная, Селекционная, Совхозная*) демонстрируются возможности выявления этапов развития микрорайона как части города, принципов формирования города, его инфраструктуры в соответствии с задачами роста региона и стратегией социально-экономического развития страны. Сопоставление годонимов с «сельскохозяйственной» семантикой и названий улиц, связанных с развитием Трубного завода (*улица Трубная, поселок Трубный, улица Поселок Трубного завода*) позволяет выявить тесное соотношение сельскохозяйсвенного и промышленного сегмента развития государства и общества в советский период. Соотношение названий улиц с расположенными на них современными объектами инфраструктуры объективирует уникальную функциональность годонимов как исторических маркеров, позволяющих не только обнаружить связь исследуемой территории с событиями истории, с социально и экономически значимыми тенденциями развития региона, но и проанализировать особенности духовно-нравственного развития общества через отношение к промышленным и природным объектам.

Ключевые слова: ономастика, урбатопониика, годоним, семантика, краеведение, Липецк.

O.V. Shatalova
I.A. Bunin Yelets State University
(Yelets, Russian Federation)
e-mail: shat_o_v@mail.ru

HISTORICAL AND CULTURAL POTENTIAL OF GODONYMS IN THE ASPECT OF LOCAL HISTORY RESEARCH

Based on the analysis of key trends in the development of urban understanding, the possibility of a universal methodology for the study of godonyms in the modern geopolitical and cultural space (involving the territorial data of cities in Russia and other countries) is objectified. The article also substantiates the principle of semantic and sociocultural analysis of godonyms as a basis for historical and local history research. Using the example of the names of the Lipetsk microdistrict (Experimental station) and its constituent streets (Agronomic, Botanic, Novoteplichnaya, Experimental, Breeding, Sovkhoznaya), the possibilities of identifying the stages of development of the microdistrict as part of the city, the principles of forming the city, its infrastructure in accordance with the objectives of the region's growth and the strategy of socio-economic development of the country are demonstrated. A comparison of godonyms with «agricultural» semantics and street names related to the development of the Pipe Factory (Trubnaya Street, Trubny settlement, Trubny Zavod Settlement Street) reveals a close correlation between the agricultural and industrial segments of the development of the state and society during the Soviet period. The correlation of street names with modern infrastructure facilities located on them objectifies the unique functionality of place names as historical markers, allowing not only to identify the connection of the studied territory with historical events, with socially and economically significant trends in the development of the region, but also to analyze the features of the spiritual and moral development of society through the attitude to industrial and natural objects.

Key words: onomastics, urbanistics, godonym, semantics, local history, Lipetsk.

В рамках канонической лингвистики установлена и обоснована функциональная

© Шаталова О.В., 2026

значимость топонимов в языке и культуре: онтологически топонимы ориентированы на помощь в ориентации в пространстве и на сохранение исторической памяти. Также можно объективно утверждать, что в топонимах отражаются социокультурные характеристики региона. Такой вид топонима, как годонимы (названия улиц) наиболее тесно связан с мышлением и ментальностью человека, поскольку отражает восприятие пространства и представление о мире [Бондалетов 2012]. Е.М. Поспелов отмечает, что интерес к названиям, стремление понять их скрытый смысл и связь с именуемым объектом наблюдается со времен Древней Греции и Рима, причем с развитием образования и культуры этот интерес постоянно растет [Поспелов 1993: 3], а годонимы привлекают все большее внимание исследователей в связи с урбанизацией, укрупнением городов и – как следствие – детализацией жизненного пространства.

Улицы играют важную роль в формировании городской среды и определяют пространственную организацию населённых пунктов. Годонимы подвергаются влиянию разнообразных факторов, включая исторические события, экономические изменения, культурные традиции и политическую конъюнктуру, и фиксируют различные аспекты жизни города, а также отдельных районов. Исследование семантики, истории возникновения и функционирования годонимов определенного района позволяет выявить особенности его развития и функционирования.

Традиционные, характерные для наименования улиц в населенных пунктах России типы годонимов представлены в ономастическом пространстве города Липецка. Это названия, связанные с географическим положением и рельефом местности (ул. Верхняя, Крайняя, Лесная, Луговая и др.), с персоналиями (обозначаемые также термином «мемораливы») – улицы, названные в честь героев истории или деятелей науки и культуры (ул. Гусева, Литаврина, Семашко, Степанищева, Мусорского, Чайковского и др.), с историческими событиями или социально-политическими идеями (30 лет Октября, 30 лет ВЛКСМ, 40 лет НЛМК, 4-ой Пятилетки и др.). (Обозначенные годонимические тенденции проявляются в пространстве влияния русскоязычной культуры, обусловленного историко-политическим и социально-культурным форматом развития территорий Советского Союза: легко прослеживаются в урбатопонимике Беларуси и Узбекистана [Одинаев 2022; Токарчук, Полячок 2020 и др.] или являются универсальными, обнаруживающимися как основа для региональной годонимики в рамках функционирования разных языков и культур [Данг 2023]).

Одно и актуальных направлений науки и педагогики, поддерживаемое языкознанием, это краеведение, позволяющее объективировать социально и культурно значимые реалии на примере формально приближенных к повседневным условиям бытования и развития личности, что обозначено и как аспект государственной политики. Краеведческие исследования, построенные на основе изучения годонимов, становятся продуктивной формой познания не только конкретного социально-географического пространства, но и истории страны в целом, соотношения аспектов развития региона с особенностями истории и культуры страны, а также мира [Региональные… 2014; Сивцева 2025 и др.].

Особенности развития социально-культурной сферы города, его инфраструктуры, как правило, отражаются в названиях улиц и соотносятся с конкретными объектами, что позволяет оценить особенности исторического развития и современного состояния города. При этом в XX веке актуализируются в качестве основы для формирования годонимов не только факты социально-политической жизни мира и государства, но и региональные реалии [Аксенов, Яролян 2012; Муфазалова, Уразметова 2023 и др.]. Примеры подобных годонимов в Липецке многочисленны: ул. Лесопарковая располагается в Левобережном округе рядом с лесопарком, ул. Литейная – в Правобережном округе недалеко от Сокольского металлургического завода, ул. Металлургов – Левобережный округ, район Новолипецкого металлургического комбината, ул. Политехническая – рядом с Липецким государственным

политехническим университетом и т.д. Связь данных годонимов с объектами инфраструктуры Липецка, их непосредственная этимологическая зависимость от конкретных событий в истории города подтверждается историко-краеведческими данными, широко представленными в различных источниках [Есть… 2025].

Однако далеко не все районы города представлены полно и широко в открытых источниках по вполне объективным причинам: акцентирование металлургического контекста развития Липецка на десятилетия определило интересы историков и краеведов. Так, функционально к Правобережному округу относится район Опытной станции (исторически обозначаемая территориальная единица). Сегодня Опытная станция – это территориальное и социальное объединение, в которое входят несколько микрорайонов: микрорайон Звездный, микрорайон Взлетный, условно выделяемые район улицы Опытной, район улиц Пришвина-Степанищева, район коттеджного поселка, район привокзальных улиц. Данные районы в целом могут быть охарактеризованы как спальные с достаточно развитой социальной инфраструктурой: имеются школы, детские сады, магазины, социально-бытовые учреждения (парикмахерские, почта, отделения банков, учреждения административного управления – ЗАГС, суд, прокуратура и др.). Часть наименований улиц данного района последовательно вписывается в контекст общероссийских тенденций развития урбатопонимики XX века. Однако названия ряда улиц, расположенных в «исторической» части района, не соотносятся ни с современным состоянием и функционированием района, ни с обозначенными выше тенденциями развития города: название района – Опытная станция, ул. Агрономическая, Ботаническая, Новотепличная, Опытная, Селекционная, Совхозная.

Наименование данных улиц этимологически связано со словами с нарицательным значением сельскохозяйственной социально-тематической ориентированности:

1. ул. Агрономическая ← агрономический – «сельскохозяйственный» [МАС I: 25];
2. ул. Ботаническая ← ботанический – «прил. к «ботаника» – «наука о растениях». *Ботанический сад*» [МАС I: 110];
3. ул. Новотепличная ← [новый] + тепличный – «относящийся к выращиванию растений в теплице. *Тепличное хозяйство*» [МАС II: 355];
4. ул. Опытная ← опытный – «2. предназначенный для ведения опытов. *Опытная сельскохозяйственная станция*» [МАС II: 635];
5. ул. Селекционная ← селекционный – «относящийся к селекции = отрасли сельскохозяйственного производства, занимающейся выведением сортов и гибридов сельскохозяйственных культур и животных» [МАС IV: 72];
6. ул. Совхозная ← совхозный – «связанный с ведением хозяйства совхозами – крупными сельскохозяйственными предприятиями в Советском Союзе» [МАС IV: 177-178].

Анализ семантики данных номинативов объективирует их несоответствие принципам формирования годонимов в русскоязычной культурно-исторической среде. Обращение к стилистическим и историко-культурным словарям выявило историко-функциональные особенности бытования исследуемых годонимов. Так, слово «совхоз(ный)» характеризуется в современных словарях [https://gramota.ru/meta/sovkhoz] как соотносимое с конкретной эпохой – СССР, т.е. сегодня может квалифицироваться как историзм. Это позволяет допустить возможность глобальных изменений инфраструктуры района в связи с изменением направлений функционирования, что требует проверки историко-культурных аспектов развития исследуемого района.

Семантический анализ годонимов в данном случае становится основой для проведения социально-культурного исследования. В результате полевых (практических) исследований района было обнаружено наличие таких объектов инфраструктуры микрорайона, как Всероссийский научно-исследовательский и проектно-технологический институт рапса и Станция защиты растений – экспертно-исследовательское многопрофильное учреждение.

Обзор истории развития микрорайона включает следующие этапы:

1930-е годы: к северо-западу от Липецка (на тот момент незаселенная территория, поля) с целью системного (регламентированного государством, не зависящего от индивидуальных пригородных сельских хозяйств) обеспечения города продуктами сельского хозяйства был образован «Овощесовхоз», достаточно быстро вошедший в состав города, так как расширение городской площади началось именно в обозначенном направлении.

1950-е годы: 14 февраля 1956 года на базе овощесовхоза была создана Липецкая государственная областная сельскохозяйственная опытная станция, что определило название микрорайона – ***Опытная станция***.

Основным функциональным учреждением стала станция селекции и защиты растений. Специалистов привлекали из других регионов, обеспечивая жильем: активно строились одноэтажные двухквартирные (по принятой в то время характеристике, «дома на два хозяина») дома с центральным отоплением. Улица получила название ***Селекционной***.

1960-е: практическая апробация работ по селекции требовала развития собственной исследовательской площадки. Так на невозделываемых полях восточнее улицы селекционной появились коровники и свинарники, в западном направлении от нее появились теплицы и улица ***Новотепличная***, а параллельно протянулась улица ***Совхозная***.

В создании данных улиц, население которых было задействовано в функционировании соответствующих производственных объектов, отражается в определенной степени тенденция общинного строя, характерная не только для крестьянского (деревенского) уклада, но и для советского социального устройства. (Во многих городах в качестве социально-культурных и профессиональных явлений можно обнаружить имеющие формальные территориальные границы или не имеющие таковых следующие территориальные единицы: военный городок, студенческий городок, улица транспортников, металлургов и т.п.,– в зависимости от специфики города, а также, например, театральный, писательский, учительский, железнодорожный дом – в основном многоквартирный – не как учреждение, а место жительства специалистов). Такая форма функционирования улиц, закрепляемая в номинации, способствовала общего бытового пространства, объединяло людей не только в рабочее время, но и на досуге.

1970-е: в связи с увеличением населения микрорайона появляется улица ***Агрономическая*** – в соответствии с тенденциями данного периода образующаяся пятиэтажными домами с квартирами типа «хрущевка». Улица располагалась на одной линии со зданием станции защиты растений и напротив здания будущего института рапса.

1980-е: 15 августа 1986 года станция селекции и защиты растений стала базой для создания Всероссийского научно-исследовательского и проектно-технологического института рапса. В ведении института рапса находятся поля, предназначенные для апробации научно-практических исследований по выведению новых сортов.

Первым (хронологически) было опытное поле, располагавшееся на территории вдоль Лебедянского шоссе перед улицей ***Опытной***. Начиная с середины XX века, с момента основания сельскохозяйственной станции селекции и защиты растений, у местных жителей данное место обозначалось номинативом «Поле». (На наш взгляд, в данном случае можно говорить о явлении региональной / городской / местной топонимики как основе локальной фразеологии [Шаталова 2022] или своеобразном контенте «городского диалекта». Естественно, что предполагаемый семантический формант будет очень незначителен по своему объему, однако его наличие – свидетельство культурно-языковой общности представителей определенного микросоциума, информационной преемственности поколений, что предельно важно для сохранения традиционных народных ценностей). В настоящий момент данная территория полностью заселена – это микрорайон Звездный, однако старожилы Опытной станции в неформальном общении пользуются номинативом «поле», обозначая им в совокупности появившиеся в последнее десятилетие дома улицы Опытной, а также улицы Сергея Казьмина,

Виктора Музыки, названные в соответствии с каноническими принципами урбатопонимики в память о сотрудниках правоохранительных органов, погибших при исполнении служебного долга в горячих точках.

Институту рапса при реорганизации Липецкой областной сельскохозяйственной опытной станции был придан и ботанический сад, созданный и разработанный специалистами станции. Ботанический сад располагался позади здания института рапса, соприкасаясь с опытно-селекционной территорией средней школы №14 и сельскохозяйственными угодьями. Однако в 1999 году решением администрации г. Липецка вдоль внешнего периметра Ботанического сада была проложена шоссейная дорога и основана улица ***Ботаническая***, которая сегодня имеет частную застройку и частично застроена двухэтажными домами типа «таунхаус». Застройка и заселение данной улицы носит исключительно коммерческий характер, население улицы профессионально не связано с функционирующими ныне научно-сельскохозяйственными учреждениями, т.е. наименование улицы носило сугубо формальный характер – по расположению, тогда как прочие улицы (*Селекционная, Совхозная, Новотепличная*) отражали непосредственную связь жителей улицы с производственными объектами.

В Липецке полностью сопряженно по времени и активности развития Опытной станции проходило строительство и масштабное расширение производства Трубного завода, что нашло отражение в появлении улиц, первоначально заселяемых работниками данного промышленного предприятия: улица ***Трубная*** (располагается параллельно Селекционной и Совхозной), поселок ***Трубный,*** улица ***Поселок Трубного завода*** (располагается вдоль территории ныне не существующих теплиц). Такое тесное соотношение сельскохозяйственного и промышленного сегмента на предельно малой площади убедительно иллюстрирует один из принципов советской внутренней политики.

В связи с реконструкцией 1990-х годов Трубный завод полностью прекратил свое существование, часть производственных площадей используется сторонними организациями. Связь микрорайона с историей данной территории, помимо сохранившихся годонимов, объективируется наличием торгового центра «Трубный». Однако для большинства жителей данного микрорайона, возраст которых составляет менее 30 лет, как свидетельствуют данные опроса, существование наименований, содержащих компонент «трубный», является парадоксом и воспринимается как некий социально-культурный нонсенс. На наш взгляд, подобное положение дополнительно акцентирует необходимость проведения краеведческой и просветительской работы.

Таким образом, исследование годонимов, выходящее за собственно лингвистические рамки, становится основой для краеведения, позволяет не только охарактеризовать формально-номинативные и объектные параметры того или иного пространства, но и выявить социально-политические, культурно-этические и морально-нравственные тенденции развития социума.

Библиографический список

1.Аксенов К.Э., Яралян С.А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1(35). С. 3-11.
2.Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: URSS, 2012. 223 с.
3.Данг Т. Т. Ф. Русские и вьетнамские региональные годонимы (на материале названий улиц Г. Владивостока и Г. Дананга) // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: материалы XIV Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 21 апреля 2023 года. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2023. С. 98-105.
4.«Есть улицы центральные…». Липецк: Липецк-Плюс, 2025. 323 с.
5.Муфаздалова Э.Р., Уразметова А.В. Мемориальные годонимы города Уфы // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-3. С. 56-59. DOI 10.18411/trnio-04-2023-131.

6.Одинаев Т.Н. Годонимы отантропонимного происхождения в урбанонимном пространстве современного узбекского и белорусского города (на материале названий улиц городов Термеза и Гродно) // Сучасныя праблемы анамастыкі. Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом “Белорусская наука”». Минск, 2022. 404 с. С. 220-227.
7.Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1993. 250 с.
8.Региональные аспекты географических исследований и образования: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 28 ноября 2014 года / Под редакцией Н.А. Симаковой, С.Н. Артёмовой, кандидата географических наук, доцента кафедры географии ПГУ. Пенза: Автономная некоммерческая научно-методическая организация «Приволжский Дом знаний», 2014. 88 с.
9.Сивцева И.М. Изучение топонимики родного города как средство патриотического воспитания школьников // География и краеведение в Якутии и регионах России : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти преподавателей кафедры географии БГФ ЯГУ (к 95-летию картографа А.Н. Добронравовой и 75-летию гидролога, д.г.н. С.К. Аржаковой), Якутск, 01–02 ноября 2025 года. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2025. С. 445-450.
10.Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Инт-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т.1. А – Й. 1985. 696 с. (МАС I)
11.Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Инт-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т.2. К – О. 1986. 736 с. (МАС II)
12.Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Инт-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т.4. С – Я. 1988. 800 с. (МАС IV)
13.Токарчук С.М., Полячок Т.С. Годонимы города Бреста: общая характеристика,типизация и особенности пространственногораспространения // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2(42).
14.Шаталова О.В. Региональная топонимика как основа для формирования локальной фразеологии // Карповские чтения: Сборник статей участников X Всероссийской научно-практической конференции, Арзамас, 20–21 октября 2022 года / Отв. редактор Ю.А. Курдин. – Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2022. С. 151-155.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаталова Ольга Васильевна,
Доктор филологических наук, доцент,
Профессор кафедры русской филологии и журналистики Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
SPIN-код: 3437-7793
e-mail: shat_o_v@mail.ru

Shatalova Olga Vasilyevna,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Philology and Journalism at I.A. Bunin Yelets State University,
SPIN-code: 3437-7793
e-mail: shat_o_v@mail.ru

УДК 811.161.3’373.21(476.7)

Л.В. Леванцевич
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина
(Брест, Беларусь)
e-mail:lewalena@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАТОР ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматриваются микротопонимы Брестско-Пинского Полесья как репрезентанты отличительного в языковом и культурно-историческом плане региона Беларуси. Региональной диалектной системой обусловлен диапазон функционирования, сфера употребления, неофициальность, малоизвестность, отсутствие письменной фиксации микротопонимов. Автором статьи отмечается, что региональность в микротопонимах как части диалектной лексики в целом проявляется не только на лексическом уровне, но и на фонетическом и словообразовательном. Благодаря микротопонимическим названиям, сегодня можно возобновить исторические факты экономической, социальной, религиозной и политической жизни на территории современного Брестско-Пинского Полесья. Микротопонимы с «исторической» мотивацией создают ассоциативные поля, которые соотносятся с историческими фактами региона. Такие единицы репрезентируют языковую картину мира диалектоносителей. Микротопонимы отражают региональные духовные и аксиологические представления; роль территории в формировании пространства именований; ландшафтные и природно-климатические особенности Брестско-Пинского Полесья; особенности обжитости территории; значительные фонетические диалектные отличия.

Ключевые слова: микротопоним, мотивация, ассоциативное поле, региональная картина мира, репрезентация.

L.V. Levantsevich
A.S. Pushkin Brest State University
(Brest, Belarus)
e-mail: lewalena@mail.ru

REGIONAL MICROTOPONYMY AS A REPRESENTATIVE OF A DIALECTIC WORLDVIEW

This article examines the microtoponyms of Brest-Pinsk Polesie as representatives of a linguistically, culturally, and historically distinctive region of Belarus. The regional dialect system determines the range of their usage, sphere of usage, informality, obscurity, and lack of written documentation. The author states that regionality in microtoponyms, as part of dialect vocabulary as a whole, manifests itself not only at the lexical level but also at the phonetic and word-formational levels. Thanks to microtoponymic names, it is possible today to reconstruct the historical facts of economic, social, religious, and political life in the territory of modern Brest-Pinsk Polesie. Microtoponyms with "historical" motivations create associative fields that correlate with the historical facts of the region. Such units represent the linguistic worldview of dialect speakers. Microtoponyms reflect regional spiritual and axiological beliefs; the role of territory in shaping the naming space; the landscape and natural-climatic features of the Brest-Pinsk Polesie; the characteristics of the area's habitation; and significant phonetic dialectal differences.

Key words: microtoponym, motivation, associative field, regional worldview, representation.

Осмысление структурно-семантических и коммуникативных особенностей наименований, отличительность их формирования и функционирования, когнитивно-прагматическая мотивация позволяют определить сущность микротопонима как единицы региональной языковой картины мира (РЯКМ). При исследовании микротопонима как части РЯКМ структурно-системное и коммуникативно-прагматическое описание дополняют друг друга и выступают в единстве и взаимодействии.

Микротопонимы вместе с прозвищами и безэквивалентной лексикой выражают мировидение диалектоносителя, содержат этническое, национальное самосознание, ориентируют

© Леванцевич Л.В., 2026

человека в восприятии окружающей среды. Л.А Климкова отмечает, что «Микротопонимия тесно связана с окружающей действительностью, с человеком, его сознанием, его духовно-практической деятельностью. Она репрезентирует мир таким, каким видит его сельский житель, труженик, тот мир, в котором он живет, который созерцает, ощущает, осмысливает, познает, отражает и отображает, – погруженность сельского жителя в конкретные условия жизнедеятельности. При этом микротопонимия – средство вербального кодирования того, что играет важную роль в жизни человека, является ценностным для него» [Климкова 1991 : 13]. Микротопонимы отражают региональные особенности языка, истории и культуры. Мотивацию наименования помогают определить и фоновые знания, которые сопровождают микротопоним, аккумулирующий географическую, историческую и национально-культурную информацию.

Микротопонимы отражают картину мира в двух аспектах – статическом, который определяет физическое пространство жизнедеятельности жителей конкретного региона и содействует образованию номенклатуры, и динамическом, который раскрывает виды высказывания об объекте, или определяет функционирование единиц в дискурсе. При прагматическом подходе более значимым становится динамический аспект, при когнитивном – статический.

Микротопонимы исследуются в синхронно-диахроническом аспекте. Синхрония позволяет соотнести наименование с объектом, зафиксировать микротопоним, определить его структуру, словообразование и семантику, его национальное своеобразие. Диахрония даёт возможность определить этимологию микротопонима, показать связь между поколениями через процессы языковой преемственности. О.И. Копач обращает внимание на то, что «Диахронические и синхронические исследования – традиционные направления изучения топонимии. В них накоплен значительный материал, важный и необходимый как для решения вопросов об уточнении этноязыкового и количественного состава лексики, использованной в именах той или иной территории, и о расселении разного рода этнических общностей на территории (диахрония), так и для определения структуры самих имен, комплекса основ и формантов, встречающихся в именах определенной территории (синхрония, хотя в отношении топонимов это и будет несколько условный термин)» [Копач 2006].

В сознании каждого носителя диалекта складывается представление о микрообъекте: его местонахождение; обстоятельства, при которых объект был выделен из ряда других; события, которые стали толчком для номинации; условия номинации; мотивация; события и люди, которые связаны с микрообъектом и др. Все названные условия и причины номинации хорошо известны и живут в памяти старшего поколения сельских жителей. Наименование объекта, которое репрезентирует эти знания, получает название «концепт». Е.С. Щербак вводит термин «топонимический концепт», который имеет значение “единица ономастического знания о пространственных, географических характеристиках” [Щербак 2008 : 12].

В традиционной лингвистике региональные онимы исследуются со стороны этимологии, лексико-тематической классификации, структуры и словообразования. А.С. Щербак анализировала оним как ономастический знак, который отображает комплекс знаний о собственном имени и служит для формирования ономастических знаний в сознании человека. Автор вводит понятие «ономастическая репрезентация», под которой понимается “передача ономастических знаний в виде концептов (единиц знаний) и языковых единиц (единиц языка)” [Щербак 2008 : 9].

Чтобы микрообъект зафиксировался в сознании диалектоносителя, нужны определенные причины. Среди них нужно назвать следующие: ценность объекта для общественной жизни коллектива; важность событий, которые произошли на объекте или возле него; ценность объекта для ориентации в пространстве жителей региона; особенность конфигурации объекта. Микротопонимы аккумулируют ценностные для общества сведения об экологической системе, политической жизни, материальной и духовной культуре. При именовании

микрообъектов диалектоносители учитывают ценностные понятийные составляющие объекта. Репрезентация в языке зависит от важности объекта для сельского жителя. Е.Л. Березович отмечает, «В настоящее время установившимся в лингвистической науке можно считать положение о существовании трех принципов номинации, т. е. в названии могут быть отражены: 1) собственные свойства объектов, 2) связь объектов с человеком, 3) отношение к другим объектам» [Березович 1991 : 80].

Региональность в микротопонимах как составляющей диалектной лексики проявляется не только на лексическом уровне, но и на фонетическом, морфологическом и словообразовательном. Региональной диалектной системой обусловлен и диапазон функционирования, сфера употребления, неофициальность, малоизвестность, отсутствие письменной фиксации микротопонимов.

Микторотонимы, как и прозвища, и безэквивалентная лексика, содержат особенности живого народного языка определенного региона. Названные единицы репрезентируют языковую картину мира диалектоносителей. Духовные ценности вербализуются в номинации микрообъектов, ценностных для носителей диалекта; человеческие качества – в прозвищах; значимые предметы быта – в лексемах. Картина мира познаётся, осознаётся, осмысляется каждым человеком фрагментарно и, в какой-то мере, обособленно, частично. Поэтому возобновить и достоверно описать диалектную языковую картину мира (ДЯКМ) сложно, мы можем говорить о восстановлении только ее отдельных частей. Передавая особенности мировидения, духовно-практической деятельности человека, микротопонимы как неотъемлемая часть диалектной лексики помогают дать ответ на вопрос о предопределенности этнического мировосприятия языком.

В статье анализируются микротопонимы, которые собирались нами на территории Брестско-Пинского Полесья с 2007 по 2021 гг. Также использованы результаты диалектологических экспедиций за последние 10 лет, проведенных со студентами филологического факультета БрГУ имени А.С. Пушкина во время летних учебных практик. Автор исследования руководил этими экспедициями. В статье примеры микротопонимов приводятся по словарю «Мікратапанімія Брэстчыны» [Мікратапанімія Брэстчыны 2022].

Особого внимания заслуживают микротопонимы, в основе которых лежат антропонимы, в первую очередь прозвища и неофициальные имена. Большинство отпрозвищных микротопонимов не соотносятся с диалектным словом, которое существует в живом народном языке: слово вышло из употребления и стало архаизмом для данного говора: *Дыды́чышына* (*Ды́дыч*), *Гачуко́ва Стэ́пка* (*Гачу́к*), *Гілючко́ва По́ле* (*Гілючо́к*), *Гміро́ва Ву́лыца* (*Гмір*), *Да Ха́бара* (*Ха́бар*), *Джума́цька Гора́* (*Джума́к*), *Дзяўбако́ва* (*Дзяўба́к*). Своеобразие региональному ономастикону придают и микротопонимы, образованные от неофициальных имен. Часто образовательной основой становятся гипокористические формы имен или те имена, которые были активными в белорусском именослове XIX – начала XX вв. Некоторые из них сегодня возвращаются в официальный именослов, но пока единично и считаются необычными, редкими: *Ме́шкіна, Са́жалка, Габрусёва Ольшы́нка, Я́ськов Рог, Я́ново Боло́то, Гаўры́ловэ Боло́то, Гарасы́мовськый Погны́й, Гры́цова Гора́, Кли́мова Ны́ва, Кондра́тоў Груд, Каля Пана́са, Пара́нькіна По́ле* и др.

Сложную семантику имеют микротопонимы, которые называют микрообъект, что изменил свою географическую сущность. В сознании носителей диалекта содержатся ономастические знания о двух географических объектах: *Боло́тцэ* (пастбище), *Болу́то* (поле), *Бэ́рнікаў Ху́тар* (сенокос), *Глыбо́кій Брід* (луг), *Гэ́люшчын Трыб* (дорога), *За́дні Корчі́* (поле), *Смоло́вый Лужо́к* (поле), *Смугуры́нскый Кана́л* (урочище) и др.

Диалектосители, живущие в разных регионах Беларуси со своими историческими, климатическими, культурными, экономическими и хозяйственными условиями, имеют и лингвистические отличия в языке. По сравнению с официальными кодифицированными топонимическими названиями репрезентация региональных микротопонимов Брестско-Пинского

Полесья осуществляется за счет значительного количества средств диалектного языка как словообразовательных, так и фонетических. Например, от апеллятива *гаць*‘настил из бревен, веток, валежника для проезда через болото или топкое место’ в исследуемом регионе зафиксированы следующие наименования: *Га́тка*, *Га́ткі*, *Гатно́е*, *Гато́к*, *Га́тца*, *Гатчасо́вское*, *Га́тчэ*, *Га́тыські*, *Гать*, *Гатэ́шча*, *Га́цішча*, *Га́цка Ку́па*, *Га́цково*, *Гаць*, *Гача́нка*, *Га́чкі*, *Гачкы́*, *Гачуко́ва Стэ́пка*, *Га́ччэ*, *Га́чы*, *Га́чышча*, *Зага́ткы*, *Зага́тте*, *Зага́тье*, *Зага́цце*, *Зага́ць*, *Зага́цье*, *Зага́цькіЛес*, *Зага́ч'е*.

Использование различных словообразовательных средств, обычно суффиксов, позволяет выразить как понятийное, так и коннотативное значения: *Пасовы́ско* (пастбище), *Ха́тніцко* (хата), *Кошэ́лышчэ* (лукошко), *Ива́ношнывка* (Иван + нива), *Зэлэнэ́ця* (зелёный), *Дубэнскэ́ Плёсо* (дуб), *Дорожу́ўскый Лужо́к*(дорога), *Гусэ́льыця* (гусь), *Голодзіе́вка* (голодный), *Гарасы́мовськый Погны́й* (Герасим), *Мосты́шча* (мост), *Молоча́рня* (молоко), *Му́та*, *Му́цьвіца* (мутный).

Брестско-Пинский регион выделяется наличием многочисленных групп, подгрупп, микрогрупп говоров со своими лексическими, грамматическими и особенно фонетическими отличиями. Понятно, что это повлияло на звуковое (языковое) оформление микротопонимов. Значительное фонетическое варьирование наблюдается особенно в реализации гласных звуков в ударной и безударной позиции, в реализации твёрдости/мягкости согласных, протетических согласных: *Бэро́за*, *Бeróзова*, *Берёзкі*, *Бэрэ́зынка*, *Бірэ́знік*, *Бэры́зінка*, *Бэрэ́за*, *Бяро́за*, *Бярэ́зіна*, *Бераза́к* (береза); *Брод*, *Бріdкы́*, *Брадо́к*, *Бруд*, *Брыды́* (брод); *Дваро́к*, *Дваро́чак*, *Двір*, *Дві́рна Постоло́ва*, *Дві́рскэ*, *Двор*, *Дворакі́*, *Дво́рня*, *Дво́рыска*, *Дво́рышча*, *Дво́рышчы*, *Дво́рышчэ*, *Двыр* (двор); *Кэле Пэ́чы*, *Куло Гру́да*, *Коло Тэне́тышч*, *Кай Бро́ду*, *Каля Барысса* (каля/возле); *Лес Ко́за*, *Ліс На Горі́* (лес); *Гуро́дышчэ*, *Горо́ды*, *Гарады́*, *Огоро́дцы*, *Агаро́д* (огород); *Пад Бало́тцам*, *Під Ву́льку*, *Под Вы́гары*, *Пуд Мажы́ластню*, *Пыд Ліпка́мі* (под); *Вели́ка*, *Вели́кая*, *Вылы́кі*, *Вылы́кы*, *Вылы́кый*, *Вылэ́кый*, *Вэли́кі*, *Вэли́кы*, *Вэли́кэ*, *Вэли́кэе*, *Вэлы́кі*, *Вэлы́кы*, *Вэлэ́кэ*, *Вялікі* (великий); *Долы́на*, *Дали́на Сме́рці*, *Забэ́та Дулэ́на*(долина); *За́йцав*, *За́йцёв*, *Зайцов*, *Зайцув Ровэ́ц*, *Зайцюв Бір* (заяц); *Ма́довэ*, *Мады́стэ По́лэ*, *Мі́днэ*(мёд).

Ценностными не только для регионального микротопонимикона, но и для лексической системы в целом являются узколокальные диалектные слова, ставшие апеллятивами для микротопонимов. Это лексемы, имеющие в соседних говорах другое фонетическое оформление, или слова, вышедшие из активного словарного запаса диалектоносителей, и их значение помнят только пожилые коренные жители населенного пункта, или слова, имеющие другое значение в литературном языке: *Ло́нцэ* (ло́нцэ ‘луг’), *До́ўгая Маро́чля*(маро́чля ‘зелье’), *Зажы́тнікі* (зажы́тны ‘зажиточный’), *Го́жый Баго́н*(го́жы ‘красивый, баго́н ‘багульник’), *Гомх* (гомх ‘мох’), *Ла́пніца*, *Лапа́льня* (ла́пна ‘мел’), *Грабо́ватэ* (грабіна ‘рябина’), *Ло́мы* (ло́ма ‘ветка’), *Грану́чка*(гра́на ‘бороздна’), *Гульша́нный* (гульшы́на ‘ольха’), *Дэркану́ўка*(дэрканы ‘крикливые люди’), *Заграда́* (загра́да ‘граница’), *Заклова́та* (за́кло ‘клин, выступ, который врезается во что-нибудь’), *Кра́сны Боро́к*(бор ‘бугор’).

Диалектные словоформы служат средством репрезентации ономастических знаний. В диалектных микротопонимах и их апеллятивах содержатся знания о регионе, материальной и духовной культуре, живом народном языке. Например, в Малоритском районе сохранилось название дороги в деревню Заозерная *Га́нна Спа́ская* Здесь до 1964 г. существовала деревня *Ганна-Спаская*, которая была переименована в Заозерную. Название поселения возникло в XIX в. после брака князя Спасского и Анны Порошиной, получившей в приданное поместье, которое назвали Анна-Спаск [Кавалёва 2013 : 36].

Благодаря микротопонимическим названиям, сегодня можно возобновить исторические факты экономической, социальной, религиозной и политической жизни на территории современного Брестско-Пинского Полесья.

Микротопонимы с «исторической» мотивацией группируются в ассоциативные поля, соотносящиеся с теми «историческими» темами, на которые реагировало языковое сознание

номинаторов, диалектоносителей.

I. Ассоциативное поле “Законодательство”.

В микротопонимах *Альша́ніцкі Сервіту́т* (поле), *Сэрвэ́тут* (лесная поляна) и *Сорвіту́т* (поле) сохранился факт существования сервитутного права. Сервитуты начали формироваться на наших землях в то время, когда крестьяне не владели земельными наделами и домашние животные паслись на помещичьих лугах. Сервитутное право было закреплено специальными грамотами еще царскими властями. На территории Западной Беларуси сервитутное право как пережиток феодализма в границах аграрной реформы было ликвидировано после присоединения этих земель к Польше. Современные словари приводят следующее значение слова: ‘земля, купленная крестьянами для общего пользования’; ‘пастбище на панских угодьях’; ‘ограниченное право пользоваться чужим имуществом’.

Наименования *Аса́дніцкае* (поле, на котором когда-то жили осадники), *Оса́да* (окраина деревни, где жили осадники, поле), *Оса́дде* (поле) свидетельствуют о существовании осадницких хозяйств в Западной Беларуси. Осадники – «ваенныя і цывільныя каланісты, якіх польскі ўрад у перыяд з 1920 па 1939 г. перасяляў з раёнаў карэннай Польшчы ў Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну, даваў ім на льготных умовах або дарма ўчасткі зямлі для ўмацавання сваіх інтарэсаў» [Струкава 2007 : 46]. Осадники имели участки земли в основном вдоль советско-польской границы. Они имели оружие и выполняли полицейские и административные функции.

Надатки – ‘надбавки земли (до приусадебных участков)’: *Нада́нне* – низина, где раньше было болото на месте высохшего озера; *Нада́ткі* – лес; луг; сенокос; поле; *Нада́ткы, Прыда́ток, Прыді́лок* – поле; *Нада́ток* – луг, поле; *Нада́цькый Луг* – луг, где раньше были надатки.

II. Ассоциативное поле “Постройка, жильё”.

Курная хата – основной тип жилья крестьян в прошлом. Представляло собой постройку срубной конструкции с курной печью без дымохода. Курные хаты начали вытесняться начиная с XVIII в. так называемыми «белыми хатами с дымоходами». На Полесье курная печь ещё изредка встречалась в сельских домах в начале XX в. Название сохранилось в микротопониме *Ку́рна Ха́та* – лес.

Адрына – ‘хозяйственная постройка для хранения снопов ржи, сена, соломы, а также орудий труда’. Возможно, сегодня мы можем говорить о историзме. Раньше *адрыны* в зависимости от региональных традиций строились разных размеров и форм, часто делились на несколько помещений для отдельного хранения каждого вида запасов: *Одры́нішча* – пастбище; *Одры́нка* – поле на месте былых островов; *Одрынкі́, Одры́нышчэ* – поле; *Одры́нне* – поле; сенокос.

Избица – в деревянном зодчестве Беларуси и соседних стран XVI–XVII вв. это была срубная надстройка над замковой башней, завершенной шатром. Строилась обычно на деревянных замковых стенах и использовалась как оборонительное помещение. Зафиксированы микротопонимы *Ізбі́цкі Бо́р* – сосновый лес получил название из-за церкви, которая находилась на этом месте и имела “ізбіцу”; *Ізбы́цы* – часть леса.

III. Ассоциативное поле “Социальное положение”.

Пан – ‘владелец поместья, помещик’, ‘личность, принадлежащая к привилегированным слоям общества’ [Струкава 2007 : 377], ’употреблялось как вежливое обращение’; пани – ‘использовалось в отношении замужних женщин’; панна – ‘жена или дочь пана; молодая девушка, принадлежащая к привилегированным слоям общества’ [Струкава 2007 : 380]. Как обращение на территории Западного Полесья слова активно употреблялись в общении до 1939 г.: *Па́нашча* – поле, которое продавалось панами; *Панітво́ўскэ По́лэ, Панёва́та, Па́нськый Бо́к, Па́нюво* – поле; *Паніма́тка* – сенокос; *Па́ніна* – болото за деревней. Согласно местной легенде, в этом месте когда-то утонула молодая паненка; *Па́нінэ Мі́сцэ* – место на реке, где, как говорят, утонула паненка; *Па́нны* – хутор; *Па́нов Парк* – парк в деревне Поре-

чье, который посадил пан Роман Скирмунт: *Па́нска Дулы́на* – тропинка за огородами; *Па́нскае* – урочище, где раньше было поместье пана Зютэка; лес, принадлежащий пану; *Па́нскае По́ле*– поле, раньше принадлежавшее пану; *Па́нская Гора́* – возвышенность, место народных гуляний; *Па́нская Шьы́я* – поле, мелколесье; *Па́нскі Двор*– поле, на котором когда-то был панский двор; *Па́нскі Ле́с* – лес; *Па́нскі* – лес, когда-то принадлежавший панам; *Па́нскі Млы́н* – участок земли, где раньше находилась мельница, принадлежащая пану; *Па́нскі Са́д*– колхозный сад, раньше принадлежавший пану и др.

Кулак – в дореволюционной России кулаками называли сначала богатых граждан, а затем и крестьян, разбогатевших не со своего труда. Так, В.И. Даль в своём словаре определяет значение слова следующим образом: «Скупец, скряга, жидомор, кремень, крепыш. Перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером» [Даль 2002 : 354]. После революции, в 20–30-х годах XX в. кулаками стали называть всех тех жителей СССР, кто не хотел вести коллективное хозяйство и жил, благодаря своему труду. Толковый словарь белорусского языка конца 70-х годов XX в. подаёт дефиницию следующим образом «багаты селянін-уласнік, які эксплуатаваў беднякоў; вясковы буржуа» [Тлумачальны слоўнік 1978 : 2 : 751]. С.М. Струкова приводит немного иное определение “багаты селянін-уласнік, які выкарыстоўваў наёмную працу беднякоў і быў залічаны савецкай уладай да ворагаў народа” [Струкава 2007 : 278]. Среди собранных микротопонимов Брестско-Пинского Полесья есть только одно название, соотносимое с лексемой *кулак*: *Кула́цкі Посёлок* – часть деревни, где жили зажиточные люди. Единичность наименований можно объяснить тем, что в Западном Полесье зажиточных людей называли панами (нами зафиксировано 57 объектов, в названии которых есть корень *пан*-), а не кулаками (название 1 объекта). Да и повсеместная коллективизация на этих землях была проведена только в 1949–1952 гг.

Батрак – наёмный сельскохозяйственный рабочий в частном, обычно помещичьем хозяйстве. Лексема *батрак* – заимствование с русского или украинского языка, которому в белорусском соответствует слово *парабак*. Лингвистические словари приводят разговорное значение ‘о том, кого заставляют выполнять чьи-нибудь обязанности, работать на кого-нибудь’. О былом социальном положении белорусов говорят микротопонимы *Батра́к* – озеро; *Батракі́* – неофициальное название улицы, на которой раньше жили батраки; *Батра́цке* – поле, поделенное между батраками; *Батра́цькы Кунэ́ць*, *Батра́цкі Кане́ц* – часть деревни возле озера, где жили батраки; *Батра́цькое* – поле; *Батры́шчына* – поле, на котором давали землю батракам.

Войт – староста в городах Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, основанных на магдебургском праве. С лексемой *войт* соотносится микротопоним *Войтовськэ́е* – сенокос.

Казаки – этносословная группа служащих (преимущественно православных русских и украинцев), члены военных формирований, которые несли пограничную службу. В Речи Посполитой были реестровые казаки, надворные казаки, охочекамонные казаки и лисовчики. Датой зарождения белорусского казачества считается июнь 1654 г. Нами зафиксированы следующие микротопонимы с компонентом *казак*-: *Коза́к* – сенокос; *Козако́вы Лучкі́* – луг; *Козако́вэе* – болото; *Козако́ў* – пастбище; *Козако́ўскіе* – часть леса; Коза́цке – поле: *Колысь тут булі козакі, татары, а тыпер зовуть гэтэе місце Козацкім*.

IV. Ассоциативное поле “Первопоселенцы”. В микротопонимах сохранились названия племен, которые каким-то образом были связаны с регионом. От этнонимов образованы названия некоторых микрообъектов.

Вятичи – ‘древнее восточнославянское племя, которое вошло в состав русской народности’. Возможно, название племени сохранилось в микротопониме *Вя́цкэ* – озеро.

Готы – ‘народ германского происхождения, который сыграл значительную роль в истории великого переселения народов’ во второй половине II в. Вероятно, приведенные микро-

топонимы соотносятся с апеллятивом *готы*: *Го́цке* – луг; *Го́тное* – часть леса; *Го́тына Пого́ня* – болото; *Го́тыскы* – поле.

Кривичи – ‘восточнославянское племенное объединение в VI–X вв., которое занимало территорию в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги’. Возможно, микротопоним *Кры́віч* ‘часть леса’ можно соотнести с названием племени.

V. Ассоциативное поле “Чужой народ”.

Жид – ‘еврей’. Первые жиды, пераселенцы с Западной Европы, появились в Бресте в середине XIV в. Апеллятив *жыд* стал основой для образования следующих микротопонимов: *Жыд* – озеро; *Жыдко́вске* – поле; *Жы́дов Грудо́к* – урочище; *Жы́довэ, Жыдо́ўка* – сенокос; *Жы́дув Луг* – луг, где раньше была земля пана; *Жыды́, Жыды́нне* – часть деревни, где до войны жили евреи; *Жыды́вскоє* – луг, на котором было хозяйство еврея; *Жыды́ўка* – канава, которую выкопал еврей; *Жыдэ́цкы Мо́х* – пастбище; *Жыдя́чэ* – урочище, где раньше было поместье жида.

Лях – ’поляк’, ’польский военнослужащий’. С этнонимом соотносятся микротопонимы: *Лях, Ля́хівка, Ля́ховатыца, Ляховэ́цькое Но́воє, Ляховэ́цькое Старое* – поле; *Ля́хув-Торо́к Ляхові́чы, Пыдля́шэ* – сенокос; *Ля́ховка* – лес; *Ляховы́цке* – часть леса; *Ля́ховычы* – хутор; сенокос.

Мазуры – ‘этнографическая группа поляков, которая населяла северо-восточную часть Польши; предки палабских славян’. Этноним сохранился в микротопонимах *Мазу́рка* – лес, где жил пан по прозвищу *Мазурок*; *Ма́зурова* – сенокос; *Мазуро́ва Гора́* – поле; *Мазу́рскае Уро́чышча* – урочище.

Поляк – ‘западнославянский народ’; этноним стал основой для образования названия страны. С апеллятивом *паляк*/*польшча* соотносятся следующие наименования объектов: *Полы́к* – поле; *По́льская Поса́дка, Польшчы́ца* – лес; *По́льске* – территория, на которой раньше жили поляки; *Польця* – сенокос.

Немец – ‘народ и нация германского происхождения’. С апеллятивом *немец* соотносятся следующие микротопонимы: *Неме́цке* – урочище; *Не́мцаў Во́страў* – возвышенность; *Не́мцоў О́строў* – пастбище, сенокос; *Немчэ́* – сенокос, хутор; *Немэ́цка Кана́ва* – канава, которую выкопали немецкие колонисты; *Ныме́цкы Мо́гылкы, Немэ́цкіе Мо́гілкі* – кладбище, на котором немцы хоронили своих солдат; *Німцевэ Мі́сто* – место в лесу, где еще до войны жил немец.

Татары – ‘тюркский народ’. На территории Беларуси народ тюркского происхождения проживает с XIV в., их родным языком стал белорусский, а вероисповедование осталось мусульманским. Существуют микротопонимы *Тата́рка* – пастбище; поле; место, где раньше находилось татарское поселение; возвышенность; *Тата́рская Бу́хта* – место на р. Шчара; *Тата́рське Го́зеро* – озеро: *Колісь ў школі казалі, шчо у дванаццатом году стоялі тут коні татар, воны і выбілі ёго*; *Тата́рчын* – сенокос: *Як ко́лісь була́ война́, то тата́рын там утопіўса на плава́х* (дрыгве); *Тата́ршчына* – часть деревни.

Турок – ‘житель Турции’. С апеллятивом соотносятся названия: *Ту́рцы, Ту́рцы, Турэ́йкы, Ту́рсько, Туре́цкы* – поле; *Ту́ркава Гара́* – возвышенность возле деревни; *Ту́рковэ* – болото; *Туровэ́на* – поле за деревней, где раньше жили турки; *Турськовэ́, Турэйськэ́е О́зеро* – озеро; *Туру́ўка* – поле на месте осушенного болота; *Турэйськэ́е* – сенокос. Вероятно, некоторые из микротопонимов нужно соотносить с лексемой *тур* в значении ‘первобытный дикий бык, буйвол’. В этимологическом словаре отмечается, что в качестве названия реального животного слово просуществовало дольше всего на территории, которая примыкает к Беловежской пуще, в том числе в Брестском районе.

Цыган – ‘этническая группа, или народ, который происходит их северной Индии’. Бытуют микротопонимы, соотносящиеся с лексемой *цыган*: *Цыга́н, Цыга́не, Цыгано́вэ Мі́сцэ* – урочище; *Цы́гані* – дорога, ведущая к табору цыган; *Цыга́нка* – кладбище; поле; пастбище; сенокос; *Цыга́нскі Мо́ст* – местность в урочище *Заричка*, где когда-то жили цыгане; *Цыганы́* – часть деревни, где жили цыгане; *Цыганы́вка* – возвышенность в лесу; *Цэгано́вый Лі́с* – лес,

где раньше жили цыгане.

Швед – ‘этническая группа, народ, нация’. Во время Северной войны боевые действия со шведами велись и на территории Брестчины. Память о этом времени сохранилась в микротопонимах: *Швэ́дска Грэ́бля* – часть дороги, говорят, что дорогу через болото вручную насыпали шведы во время Северной войны; *Швыдо́ў Острово́к* – пастбище; *Швэ́дскі Могі́лы* – курган; *Швэ́това* – поле.

VI. Ассоциативное поле “Промысел и ремесло”.

В микротопонимах зафиксирована трудовая деятельность населения Полесья. Онимы образованы от лексем, которые обозначают наименования хозяйственных занятий, промыслов и ремесел, реалий и предметов, связанных с промыслом. На Полесье еще в начале XX в. были развиты такие промыслы и ремесла, как *бортніцтва*, *ганчарства*, *цяслярства*, *плотніцтва*/бортничество, гончарство, плотничество. Полешуки добывали смолу, торф, руду, известь.

Бортничество – ‘примитивное лесное пчеловодство, добыча мёда диких пчел’ – сохранилось на Полесье до наших дней. Человек практически не вмешивался в жизнь пчел, поэтому такой мёд 100 % натуральный. Считается, что бортничеству на Беларуси более 1000 лет. Этот вид промысла упоминается в “Статуце ВКЛ”: “Тежъ уставуемъ, которые мають борти свои въ пущи нашой господарской, або тежъ князской, панской земянской, которимъ обычаемъ мають бортей своихъ уживати… а хто тежъ маеть борти въ чіей пущи, бортники, которые мають уходити къ ихъ бортямъ, не мають зъ собою псовъ братии ани рогаитнъ ани жадное стрѣльбы, чимъ бы мѣлъ звѣру шкоду вчинити, але бортники только мають мѣти секиру а пешню, чимъ борти робити…” [Статут Вялікага княства Літоўскага 2003 : 171] С XVIII в. бортничество начало вытесняться колодным и рамочным пчеловодством. О существовании бортничества в Западном Полесье свидетельствуют микротопонимы, в основном названия леса: *Бо́ртъ*, *Бо́ртні* – лес; *Бо́ртное* – лес, где собирали мёд; *Бо́ртнык* – поле.

Дегтярство – выгонка дегтя. Деготь (смола), продукт, который образуется из твёрдого топлива (уголь, торф, древесина и др.) при нагревании его без доступа воздуха. Существует профессиональный термин *курыць дзёгаць*, что значит заниматься перегонкой березовой коры в деготь и пепел. Место, где это происходило, называлось *дзягцярня,* а человека, занимающегося *дзягцярствам*, называли *дзягцяр.* Сегодня этот промысел на Полесье не существует, однако о нём напоминают микротопонимы: *Дехтеро́во* – сенокос, место, где когда-то варили деготь из березовой коры для князя; *Дехтя́рка* – урочище на месте былого хутора; часть леса; *Дзёгаць* – урочище, в этом месте жители деревни выгоняли деготь.

Гончарство – вид народного искусства, который имел характер промысла. Гончарством занимались целые поселения там, где были запасы хорошей глины. На Брестчине в XIX – начале XX вв. это прежде всего Городная и Ружаны. Современную деревню Городная Столинского района называют центром белорусского гончарства. Нами зафиксировано название хутора в Дрогичинском районе *Гончарі́* (*На гэтым хуторі лыпылы горшкы, займалыся гончарством*). Кроме гончарных нужд, глину использовали и как строительный материал. Это нашло отражение в микротопонимах, в названиях тех территорий (урочище, поле, кар’ер, сенокос, луг, пастбище, болото, лес), земля которых была глинистой: *Гле́нышчэ*, *Гліністэ По́лэ*, *Глы́нышчэ* – поле с глинистой почвой; *Гліна* – урочище, где берут глину; *Гліні́нскі Во́страў*, *Гліны́стка Га́ра* – поле на возвышенном месте с глинистой почвой; *Глы́нна*, *Глынкы́* – поле, где раньше копали глину; *Глы́нынскы* – посадка на месте глинистого поля; *Глы́ннэ* – лес возле поля, где копают глину и др.

Рудный промысел. Руда – ‘природное минеральное сырье, которое содержит в себе металлы и их соединения’. Добыча руды на территории современной Беларуси существовала издавна. До середины XIX в. кузнецы действовали только там, где раньше выплавляли железо из руды, а также в местечках. На территории Брестско-Пинского Полесья больше всего был развит рудный промысел. С апеллятивом *руда* соотносится значительное количество

названий мелких географических объектов: *Руда* – часть леса; место, где добывали руду; *Ру́давка* – часть леса; *Ру́давэ*, *Рудлі́ссе*, *Рудэ́цька Ло́тка* – сенокос; *Рудзе́ц* – речка за деревней, в которой вода тёмная, как руда; *Рудзі́цке*, *Руднікі́*, *Ру́дныкы*, *Ру́дныцькый Ліс* – лес; *Руді́евска*, *Ру́дныця* – луг; *Ру́дка* – поле с рудой почвой; *Рудлы́ п'е*, *Ру́дныцкы Крыж* – поле; *Ру́дныцька* – дорога; *Рудня́нская Кана́ва* – канава и др.

Смолярство – гонка смолы. Выгонка смолы была важным промыслом для многих жителей Полесья. До канца XIX в. на Полесье существовал древний ямный или майданный способ смолокурения. В XX в. майданы окончательно были вытеснены кирпичными печами или печами с железным котлом.

Лексема *смала* стала основой для образования следующих микротопонимов: *Сма́лік* – пруд, находящийся возле смолзавода; *Сма́ляна* – сенокос; *Смаля́нка* – лес, который горел; *Смаляно́е* – большой лес возле деревни, где брали смолу; *Сма́лянэ* – горелое болото; *Смаля́рня* – лес, сенокос в лесу; *Смі́лка*, *Смолі́гово*, *Смоло́вый Лужо́к* – поле; *Смілко́во* – часть леса; *Смілне́ця* – улица, где находилась смолокурня; *Смілні́ца*, *Смола́* – урочище; *Смі́лнык* – низина; *Смо́лныцкі*, *Смо́лныцькэ*, *Смолодёва Гора́* – пастбище; *Смо́лянка* – сосновый лес, в котором спускали смолу и др.

Микротопонимы отражают региональные духовные и аксиологические предствления жителей Брестско-Пинского Полесья, ландшафтные и природно-климатические особенности региона, степень его обжитости, что в первую очередь зависит от географических особенностей территории и места заселения, значительные фонетические диалектные отличия в языке. В названных факторах и заключается специфика региональных микротопонимов.

Основную часть региональных микротопонимов составляют наименования, образованные на основании лексикона белорусского национального языка с его общеславянскими, собственными белорусскими и заимствованными единицами, значительная часть принадлежит именованиям с диалектными элементами. Региональная ономастическая система состоит из различных диалектных языковых единиц, лексических и морфологических. Они принадлежат разным хронологическим периодам развития языка, разным вариантам языка. В наименованиях мелких географических объектов сохранились архаизмы и историзмы, что важно для анализа лексической системы языка в целом.

Региональный ономастикон не является закрытой системой, поэтому постоянно меняется: пополняется новыми единицами, теряет названия при исчезновении микрообъекта или уходе диалектоносителей. Основой для новых названий становятся слова с любой лексико-семантической или тематической группы и любые онимы (топонимы, фамилии, имена, прозвища, гидронимы). Однако, нужно отметить, что в XXI в. новые микротопонимы не появляются.

Библиографический список

1. Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации / Е. Л. Березович // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во Урал. ун- та, 1991. Вып. 19. Номинация в ономасттике. С. 75–90.

2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. 736 с.

3. Кавалёва А.В. Слоўнік перайменаваных паселішчаў Беларусі. Мінск: Права і эканоміка, 2013. 140 с.

4. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2008. 65 с.

5. Копач О.И. К вопросу о методике когнитивно-ономасиологического исследования топонимов // Актуальные вопросы славянской ономастики: Материалы III Международной

конференции «Славянская ономастика в этимологическом, хронологическом и ареальном аспектах». Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. С. 120–129 [Электронный ресурс]. URL: elib.bsu.by›handle/123456789/9054 (дата обращения – 06.02.2026).

6. Мікратапанімія Брэстчыны: слоўнік / склад.: Л.В. Леванцэвіч, Н.Р. Якубук, Т.А. Кісель. Брэст : БрДУ, 2022. 296 с.

7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхно [і інш.]. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.

8. Струкава С. М. Слоўнік архаізмаў і гістарызмаў (па творах беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі). Мінск: Беларус. навука, 2007. 655 с.

9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэд. тома А.Я. Баханькоў. Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1978. Т. 2. 768 с.

10. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2008. 319 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Леванцевич Лена Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусского и русского языкознания Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, докторант кафедры белорусского языкознания Белорусского государственного университета,
SPIN-код: 58997712
e-mail:lewalena@mail.ru

Levantsevich Lena Vasilyevna,
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Linguistics at A.S. Pushkin Brest State University, Doctoral student of the Department of Belarusian Linguistics at Belarusian State University,
SPIN-code: 58997712
e-mail:lewalena@mail.ru

ИМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
NAME IN THE LITERARY TEXT SPACE

УДК 398.221

О.И. Чарина
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Якутск, Российская Федерация)
e-mail: ochar@list.ru

*Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ «ЯНЦ СО РАН».
**Работа выполнена в рамках Госзадания НИР по проекту FWRS-2026-0074 – «Поэтика фольклора и литературы в словесной традиции народов Якутии»

ОСНОВНЫЕ ОБРАЗЫ В СКАЗКАХ ДИНАСТИИ КИСЕЛЕВЫХ В С. РУССКОЕ УСТЬЕ

Предметом исследования стали волшебные и героические сказки, зафиксированные в одной семье в селе Русское Устье. Тема статьи связана с уточнением некоторых особенностей именования в сказках, бытовавших в семье Киселевых в первой половине XX века. Целью работы считаем уточнение сказочного репертуара, когда на примере образов прослеживаются особенности проявления специфики, связанной с локальным характером бытования фольклора. Использовались тексты сказок, опубликованные в сборниках: «Фольклор Русского Устья» 1986 г., «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» 1991 года. Мы опирались на труды ученых: В.Я. Проппа, Н.В. Соболевой, Р.П. Матвеевой. Применялись методы выборки, описания, сравнительно-сопоставительный. Были рассмотрены образы волшебных и героических сказок, бытовавших в прозе в разных местах Сибири. Исследования показывают, что текст произведений фольклора, зафиксированный от двух представителей одной семьи, имеет некоторые различия, отразившие индивидуальные особенности, утрату некоторых образов и мотивов. При сравнении текстов видно, что после записи сказки от отца (1946 год) фиксация варианта от сына (1982 год), текст, рассказанный сыном, больше отражает местный ландшафт, особенности речи. Область применения результатов связана с уточнением бытования русского фольклора, зафиксированного в местах локального проживания старожилов в Якутии, послужат уточнению в описании русского фольклора региональных мест бытования. Считаем необходимым дальнейшее изучение текстов эпической поэзии с. Русское Устье на основе ономастики: уточнение имен других персонажей, гидронимы, ойконимы.

Ключевые слова: русский фольклор, волшебные, героические сказки, сюжеты, образы, именование, онимы, локальная особенности эпоса

O.I. Charina
Institute of Humanitarian Research
and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russian Federation)
e-mail: ochar@list.ru

*The study was conducted using the scientific equipment of the Central Computer Center of the Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
**The work was carried out as part of the State Research Task for the FWRS-2026-0074 project "The Poetics of Folklore and Literature in the Verbal Tradition of the Peoples of Yakutia"

MAIN IMAGES IN THE FAIRY TALES OF THE KISELEV DYNASTY IN THE VILLAGE OF RUSSKOE USTYE

The subject of this study is the magical and heroic tales recorded in one family in the village of Russkoye Ustye. The article seeks to clarify certain naming conventions in tales circulated by the Kiselev family in the first half of the

© Чарина О.И., 2026

20th century. The aim of this work is to clarify the fairy tale repertoire by tracing, through images, the manifestations of specific features associated with the local nature of folklore. The texts of the tales were published in the collections "Folklore of Russkoye Ustye" (1986) and "Russian Epic Poetry of Siberia and the Far East" (1991). We drew on the works of scholars V. Ya. Propp, N. V. Soboleva, and R. P. Matveeva. Sampling, description, and comparative methods were used. The images of magical and heroic fairy tales, which were common in prose in various parts of Siberia, were examined. The research shows that the texts of folklore works recorded from two members of the same family exhibit some differences, reflecting individual characteristics and the loss of certain images and motifs. A comparison of the texts reveals that after the father's version was recorded (1946), the son's version (1982) better reflects the local landscape and speech patterns. The application of these results is related to clarifying the existence of Russian folklore recorded in the local settlements of old-timers in Yakutia and will serve to clarify the description of Russian folklore in regional areas. We consider it necessary to further study the texts of epic poetry from the village of Russkoye Ustye based on onomastics: clarification of the names of other characters, hydronyms, and oikonyms.

Keywords: Russian folklore, magical and heroic tales, plots, images, naming, onyms, local features of the epic.

Русские старожилы Якутии сохраняли разнообразный по жанрам фольклор. Так, помимо традиционных сюжетов былин, эпических песен и сказок, в селе Русское Устье на Индигирке сохранялись героические сказки, основанные на сюжетах из былин. При рассмотрении данного вопроса становится ясно, что сказки, основанные на текстах русских былин, стали записываться уже в начале XX века, но публикации таких сказок редки.

Мы опирались на тексты сказок, вошедшие в следующие сборники: «Фольклор Русского Устья» 1986 г., «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» 1991 года [Фольклор Русского Устья 1986; Русская эпическая поэзия 1991].

Изучение сказок связано с именем В.Я. Проппа [Пропп 1969]. Восточно-сибирские сказки исследовали такие ученые, как: Н.В. Соболева [Соболева 1985 : 55–62], [16, с. 55-62]; Р.П. Матвеева [Матвеева 1988 : 20–39].

Также существуют исследования по характеру взаимодействия русского и иноэтнического языка и фольклора, это работы В.Л. Кляуса [Кляус 2006], С.П. Праведникова [Праведников 2011], С.В. Супряги [Супряга 2024 : 27–33]. Автор изучал тексты сказок об Илье Муромце, которые зафиксированы в селе Русское Устье на реке Индигирке в XX веке в рамках одной семьи [Чарина 2021 : 115–125].

Публикации текстов помогают раскрыть особенности бытования сказок в иноязычном окружении на Северо-Востоке Якутии, когда варианты текста фиксировались среди членов одной семьи. Известно о семье сказителей Киселевых следующее.

Мать Семена Петровича Киселева, Аграфена Семеновна, по рассказам очевидцев, была известной исполнительницей фольклора. Отец Петр Михеевич Киселев был приказчиком в магазине и также был известным рассказчиком [Фольклор Русского Устья 1986 : 304]. «С.П. Киселев относился к традиционному типу исполнителей, он, по словам Н.А. Габышева, категорически отрицает полезность нового элемента в фольклоре, так как основной функцией сказителя считает знание старого, канонического материала в том виде, в котором он дошел до сказителя [Там же : 304]. Его сын, Егор Семенович Киселев, «точно соблюдает всю сказочную обрядность, все общие места он повторяет, однако, проговаривает их скороговоркой, как бы по обязанности <…> Местами его речь ритмизована. Несомненно, он обладает артистизмом: у него богатая интонация, а за ней угадывается характер персонажа, о котором идет речь» [Там же : 308]. Прозаические тексты прокомментировал Г.Л. Венедиктов. В свою очередь, Н.В. Соболева писала об исполнителе: «Егор Семенович рассказывает сказки, как затверженные, отложившиеся с детства в памяти клише, и если где-то сбивается, то сразу ловит себя на этом» [Соболева 1985 : с. 59].

Ю.И. Смирнов, зная о творческой династии Киселевых, постарался разговорить Егора Семеновича Киселева и записал значительное количество былин и исторических песен [Русская эпическая поэзия 1991 : 80–81, 142, 221–222, 296–299, 302–306, 308, 329–330].

Уточним сказки, бытовавшие в семье Киселевых. В репертуаре сказителей Киселевых встречаются такие сюжеты, как «Арко Аркович», «Отставной солдат», «Из диво дивовес коробка», «Ивашко Пепелушко», «Подсолнешна красота», «Коток да кобелек», «Боба-

королевич», «Памфил-вор», «Колобок», «Хришьянин», «Принцеза», «Семь Симеонов», «Федор Бермятин» [Фольклор Русского Устья 1986 : 42–45; 45–50; 51–54; 54–58; 58–66; 66–69; 69–79; 84–87; 114–123;123–129; 129–136; 136–139; 140–144].

По названию сказок видно, что онимы встречаются редко. Однако, в сказке «Арко Аркович» по указателю СУС – 302_1 – «Смерть Кащея в яйце» имена имеют все основные герои, рассказана С.П. Киселевым. Герой этой сказки сначала именуется Арко Аркович, затем сказитель соединяет его имя как «Арко Аркович – Данило Игнатьевич». Он встречает Яковацаревича, помогает ему сосватать Елену-царевну, появляется Кащей Бессмертный, который похищает Елену-царевну. Затем путем сложных манипуляций Елену-царевну спасает Яковцаревич под руководством Арко Арковича [Фольклор Русского Устья 1986 : 43]. Как писал Г.Л. Венедиктов, «имя Арко (Марко?)» [Там же : 306]. Таким образом, сказка рассказана в период, когда утрачивались имена героев, некоторые ходы в развитии сюжета, но основные мотивы сказки оставались и пересказывались носителями текстов.

Сказка «Хришьянин» рассказана Е.С. Киселевым. Она имеет аналог по СУС – 530 А. Это – «сюжеты “Сивко-бурко” и “Свинка, золотая щетинка”» [Там же : 123–129; 309]. Имя имеет только младший брат – «Иван-дурак». Также имеет имя конь Ивана-дурака – «Шивко-бурко». Все остальные персонажи – «Сар», «Принцеза», «брачча – братья» – не имеют имен собственных [Там же : 123–129].

Сюжет сказки держится на мотивах, которые скрепляют текст: дежурство у могилы отца, получение Сивки-Бурки, выполнение условий дочери царя – Принцезы,

Далее рассмотрим сказки, перешедшие из былин. Например, сказки об Илье Муромце имеют несколько сюжетов: исцеление героя, «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Святогор», «Илья и Идолище», «Илья и сын» [Русская эпическая поэзия 1991 : 292–299].

Как показывают исследования, текст произведений фольклора, зафиксированный в речи двух представителей разных поколений одной семьи исполнителей, имеет некоторые различия, отразившие традиционность исполнения, индивидуальные особенности, утрату некоторых произведений, образов и мотивов.

В версии, записанной у Е.С. Киселева, имя героя варьируется следующим образом: Илья Муровец – Ильюшенька – Илья Муромец [Там же, 296–298].

В варианте, зафиксированном у С.П. Киселева, имя главного героя – Илья – Ильюшенька – Ильюшка [Русская эпическая поэзия 1991 : 292; 296].

Постоянны образы иных персонажей: родители героя, «странники», Святогор; антагонисты – Соловей-разбойник, Идолище Поганое. Как видим, некоторые имеют имена.

Родители героя – в обоих вариантах в силу перехода сюжета из былины в сказку – это «сар со сарицей» [Русская эпическая поэзия 1991 : 292], «сар», «жена», «отес с матерью», «свои» [Там же: 296].

Также встречаются некоторые другие образы и реалии сказки об Илье Муромце. Рассмотрим отражение предметов, которые встречаются в данном произведении.

В исследуемых вариантах сказки, бытовавшей в Русском Устье, редко встречается указание на наличие оружия у Ильи Муромца. Так, в варианте, зафиксированном от С.П. Киселева, Илья, встретившись с двумя богатырями, был изгнан ими из «шатра». Такое отношение со стороны других богатырей Илье Муромцу «показалось за досаду за великую. Он «видергивает свой тугой лук и калену стрелу». Важными предметами является оружие: «тугой лук», «калена стрела» [Русская эпическая поэзия 1991 : 293]. В варианте, зафиксированном от Е.С. Киселева, видим также указание на «лук», «стрелу», «калиную стрелу», «пустую стрелу» [Там же : 296– 297].

Особенности сюжета сказки об Илье Муромце

В Сибири и на Дальнем Востоке также зафиксированы варианты сказки, произведенные в прозаической форме: «Илья Муромец и Святогор», записанную в Красноярском крае;

«О старом казаке Илле Муровце», зафиксированном в Иркутской области; «Соловей Ворразбойник», «Про Илью Муровца», «Илья Муромец», записанные в Бурятии; «Повесть про Илью Муромца», зафиксированную в Амурской области [Русская эпическая поэзия 1991 : 274–287].

Таким образом, видим, что в семье Киселевых бытовала сказка, основанная на цикле былин об Илье Муромце, с указанием на царское происхождение героя [Русская эпическая поэзия 1991 : 292–299].

В Приленье, как писал Ю.И. Смирнов, «“Сказку про Илью Муромца” исполнитель [Ф.Е. Седых – *О.Ч.*] предложил сам, давая себе отдых после пропетых песен. Рассказывал он уверенно и без запинок, отчетливо произнося каждое слово. Сказку эту он слышал от старика ямщика на старой почтовой станции Бирюк незадолго до первой мировой войны» [Русская эпическая поэзия 1991 : 373]. В этом сюжете сообщается, что Илью Муромца вылечили «странники», он помог родителям на пашне.

Кроме указанных выше сказок, записанных на Северо-Востоке Якутии, примеров пересказа былин в прозе немного. Ю.И. Смирнов приводил запись об исцелении Ильи Муромца в Читинской области [Русская эпическая поэзия 1991 : 60–61]. Далее сказки с нанизыванием сюжетов записывали в Красноярском крае, Бурятии, в Амурской области [Там же : 274–287].

Еще один вариант сказки приведен в сборнике «Русские волшебные сказки Тункинской долины», Р.П. Матвеева привела текст сказки «[Илья Мурович и Сам Иванович]» [Русские волшебные сказки Тункинской долины 2001 : 170–172].

Относительно исследуемых вариантов, вначале приведем вариант сюжета 1946 года, записанный у С. П. Киселева:

Рождение Ильи у царя, исцеление Ильи, встреча с двумя богатырями, сражение с Соловьем-разбойником, встреча со Святогором-богатырем, бой на Калиновом мосту, сражение с Идолом Поганым. Воцарение Ильи [Русская эпическая поэзия 1991 : 292–296]. Текст насчитывает около 1200 слов.

Следующие эпизоды встречаются в варианте, зафиксированным у Е.С. Киселева, запись 1982 года.

Рождение у царской семьи сына, исцеление Ильи Муровца, встреча с двумя богатырями, победа над Соловьем-разбойником, сражение с Идолищем Поганым, бой на Калинов мосту, Святогор-богатырь. Приезд к жене [Там же : 296–299]. Этот вариант насчитывает около 1125 слов.

Там же, в Русском Устье, ранее Д.Д. Травин записал от Н.Г. Шкулева подобный сюжет: у хрестьянина рождается сын, исцеление Ильи, появление двух богатырей, богатырь едет к «сарю со сарицей», встреча со Шветогором-богатырем, встреча Ильи с сыном [Русская эпическая поэзия 1991 : 289–292].

Обращает на себя внимание тот факт, что построение сказки, рассказанной Е.С. Киселевым, представлено в иной последовательности, нежели текст сказки, зафиксированный от его отца, С.П. Киселева.

В версии, записанной у Е. С. Киселева, Илья Муровец – Ильюшенька – Илья Муромец [Там же, 296–298].

В варианте, зафиксированном у С.П. Киселева, имя главного героя – Илья – Ильюшенька – Ильюшка [Русская эпическая поэзия 1991 : 292; 296].

Постоянны образы иных персонажей: родители героя, «странники», Святогор; антагонисты – Соловей-разбойник, Идолище Поганое.

Родители героя – в обоих вариантах в силу перехода сюжета из былины в сказку – это «сар со сарицей» [Русская эпическая поэзия 1991 : 292], «сар», «жена», «отес с матерью», «свои» [Там же: 296].

Видим, что Е.С. Киселев сообщает об условном месте, где происходят сказочно-былинные события, – это тундра.

Относительно примеров записей из цикла об Илье Муромце, приведенных Ю.И. Смирновым, видно, что нет записей, которые бы встречались в европейской части России [Русская эпическая поэзия 1991 : 420–421].

Так, в примечании к сказке, записанной в Тункинской долине БурАССР, Ю.И. Смирнов сообщал: «Поскольку в сказках Д.С. Асламова и А.А. Шелеховой совершенно отсутствуют элементы былинного стиля, более чем вероятно, что эти сюжеты бытовали в Тункинской долине исключительно в сказочной форме» [Русская эпическая поэзия 1991 : с. 420]. Рождение богатыря в семье христианина, исцеление Ильи Муромца, встреча с двумя богатырями, «сар и сарица», «Шветогор-богатырь», встреча Ильи с сыном.

Основные мотивы, которые зафиксированы в первом варианте сказки про Илью. Так, в сюжете, рассказанном С.П. Киселевым, герой пленяет Соловья-разбойника. «Джэ Соловья-разбойника везет» [Русская эпическая поэзия 1991 : 292–294].

В сюжете, связанном с пленением Соловья-разбойника, Илья Муровец расправляется с Соловьем-разбойником: «Как яхал, и Соловья-разбойника сразу убил» [Там же : 297].

Вот момент встречи родителей после выздоровления в исполнении С.П. Киселева: «Этот Ильюша позадь их вышол, глде они ушли – очес-мать гулять, пошел за нима. Сарица отвечает: “Ласно, наш Ильюшка идет”. Сар отвечает: “Может ли буть, чтобы наш Ильюшка шел, когда двенадцать лет он не мог ходить?”» (*Ласно* – как будто, кажется [РЭП 1991 : 478]) [Русская эпическая поэзия 1991 : 292].

Этот же момент, рассказанный Е.С. Киселевым: «Он ждет своих, летит, бежит встречать. Вдруг выскакиват и видит – идут свои. Вот он побежал к ним встречу. Она говорит: “Вот, – говорит, – наш Ильюшенька!”

Он говорит: “Откуда наш? Он говорит. – Наш в зыбке, набежал другой”. – “Нет, – говорит, – наш Ильюшенька!” Сразу обдернул город алым бархатом». [РЭП, 1991 : 296].

Отметим, что С.П. Киселеву важно подчеркнуть эмоции родителей от неузнавания до признания, что это их выздоровевший сын: «Ласно, наш Ильюшка», «Может ли буть» [РЭП 1991 : 292].

В исполнении Е.С. Киселева обращает на себя внимание желание показать стремительность в действиях героев. Например: «Летит, бежит встречать. Вдруг выскакиват и видит». «Сразу обдернул город алым бархатом» [Там же, с. 296].

Также в тексте, записанном у Е.С. Киселева, важным мотивом предстает оборотничество, которое показано в эпизоде, где Илья Муровец «колочился там об жемлю – оборачивается восьмилетним мальчиком» [РЭП, 1991, с. 297].

В отличие от ритмизованных былин, где сохранялись свойственные жанру приемы и средства, мы видим, что в прозаических текстах отсутствуют важнейшие образы отдельных сюжетов. Приходят не «калики перехожие», а «двое, оба странники», или «двое, два старичка» [РЭП, 1991, с. 292, 296].

В красноярском варианте наблюдается уточнение имен «странников», которые оказываются «Миколаем-угодником, Игорием Храбрым и Ильей-пророком» [РЭП, 1991, 274].

Также встречаются местные особенности в сказках семьи Киселевых, они не касаются онимов. Однако, для прозаической речи сказителей вполне допустимо введение в русскую речь некоторых лексем из другого, в данном случае, якутского языка. Приведем примеры некоторых небольших вкраплений якутизмов.

Для прозаической речи сказителей вполне допустимо введение в русскую речь некоторых лексем из другого, в данном случае, якутского языка. Приведем примеры некоторых небольших вкраплений якутизмов.

Так, здесь, в исследуемом тексте С.Е. Киселев сообщал, что Илья лежал на «уруне» [Русская эпическая поэзия 1991 : 292]. В «Словаре», приводимом в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», объясняется, что по-якутски «урун» – якут., орон.

широкая низкая лавка, сплошь идущая вдоль стен юрты» [Русская эпическая поэзия 1991 : 481].

Изменения, связанные с проявлением местных особенностей. В тексте варианта сказки Е.С. Киселева, его сына, встречаются слова, показывающие северную местность. Например, «А я пока поеждю по тундре, один пока поеждю, потом приеду и женюся» [Русская эпическая поэзия 1991 : 298].

Как показывают исследования, текст произведений фольклора, зафиксированный у двух представителей одной семьи исполнителей, имеет некоторые различия, отразившие традиционность исполнения, индивидуальные особенности, утрату некоторых произведений, образов и мотивов.

При этом видно, что на Урале согласно текстам из сборника Кирши Данилова, видно, что из всего цикла былин об Илье Муромце зафиксирована былина «Калин-царь» [Древние российские стихотворения 1977 : 129–133].

Таким образом, можно заметить следующее.

Вполне правомерно, что при утрате стихотворных текстов былин цикла об Илье Муромце на Северо-Востоке Якутии сохранились и долго бытовали отдельные варианты прозаических текстов сказок об этом герое эпоса.

Имеется три варианта текста сказки о деяниях Ильи Муромца, бытовавших в селе Русское Устье. Два варианта сказки записывались у членов одной семьи – Семена Петровича Киселева и его сына, Егора Семеновича Киселева. Сравнение текстов показывает, что, несмотря на большой срок после записи сказки у отца (1946 год) и у сына (1982 год) – 36 лет, сказка, рассказанная сыном, Е.С. Киселевым, носит довольно последовательный характер, по объему почти соответствует варианту сказки. Если сравнить сюжеты волшебных сказок, где почти нет имен, и героических сказок, основанных на былинах, то имена героев остаются как показатель прежнего жанра. Онимы, которые представляют героев богатырской (героической) сказки, не изменяются.

Как показывают исследования, текст произведений фольклора, зафиксированный у двух представителей разных поколений одной семьи исполнителей, имеет некоторые различия, отразившие традиционность исполнения, индивидуальные особенности, утрату некоторых произведений, образов и мотивов. В тексте, записанном у Е.С. Киселева, наблюдается якутизмы, местные слова. Предстоит дальнейшее изучение текстов эпической поэзии с. Русское Устье на основе ономастики: уточнение имен персонажей, гидронимов, ойконимов других сказок.

Библиографический список

1.Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с.

2.Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустьинцев в Якутии и семейских Забайкалья. Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Издательство Регионального открытого социального института, 2006. 213 с.

3.Матвеева Р. П. Устойчивость и подвижность элементов в вариантах сказочного повествования // Творчество сказителей: традиция и импровизация. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 1988. С. 20–39.

4.Праведников С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора. / Автореферат диссертации… доктора филологических наук. Курск. 2011. [Электронный ресурс]. URL. http://www.twirpx.com/file/1328852/ (дата обращения – 12.1.2026).

5.Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Наука, 1969. 168 с.

6.Русские волшебные сказки Тункинской долины / Составление, вступительная статья, примечания, указатели д-ра филологических наук Р.П. Матвеевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 292 с.

7.Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Составитель Ю.И. Смирнов. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

8. Соболева Н.В. К характеристике сюжетного состава русских сказок низовьев Индигирки // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 55–62.

9. Супряга С.В. Заимствованная лексика в песенном фольклоре русского населения Якутии. Лингвофольклористика. 2024. № 2(39). С. 27–33.

10. СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников. Н. В. Новиков. Л., 1979. 437 с.

11. Фольклор Русского Устья / С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев. Ленинград: Наука, 1986. 384 с.

12. Худяков И.А. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова / Издание подготовили В.Г. Базанов, О.И. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1964. 301 с. (Памятники русского фольклора).

13. Чарина О.И. Сказки русских исполнителей Северо-Востока Сибири: Иноэтническое влияние // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4(37). С. 115–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чарина Ольга Иосифовна,
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН,
SPIN-код: 1470-0450
e-mail: ochar@list.ru

Charina Olga Iosifovna,
candidate Science (Philology),
Associate Professor,
Senior Researcher of the Department
of Folklore and Indigenous
Studies of the North SB RAS,

SPIN-код: 1470-0450
e-mail: ochar@list.ru

УДК 81

С.А. Скуридина
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Д.Н. Канищев
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: kanischevdanil@yandex.ru

ЛЕКСЕМА «МОСТ» КАК ЭЛЕМЕНТ БИБЛИОНИМОВ

В статье рассматриваются библионимы, включающие лексему *мост*. В статье представлена классификация библионимов, сформированная на основе жанровых признаков художественных произведений: фэнтези и магический реализм, в которых мост выступает порталом между реальностью и воображением; историко-приключенческий роман, в котором мост становится местом драматических событий и символом исторического вызова, и социально-психологическая проза, где мост актуализируется как декорация, улика или даже фамилия, подчёркивающая разрыв в человеческих отношениях. Также авторы рассматривают мост в поэтических произведениях. Делается вывод, что мосты, обозначенные в библионимах, оставаясь одним из устойчивых сквозных символов мировой культуры, демонстрируют потенциал как конкретной локации, так и абстрактной философемы.

Ключевые слова: библионим, архетип моста, фэнтези, магический реализм, историко-приключенческий роман, социально-психологическая проза.

S.A. Skuridina
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

D.N. Kanischev
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: kanischevdanil@yandex.ru

THE LEXEME «BRIDGE» AS AN ELEMENT OF BIBLIONYMS

This article examines biblionyms that include the lexeme "bridge." It presents a classification of biblionyms based on the genre characteristics of literary works: fantasy and magical realism, in which the bridge serves as a portal between reality and imagination; historical adventure novels, in which the bridge becomes the site of dramatic events and a symbol of historical challenge; and socio-psychological fiction, where the bridge is actualized as a setting, a clue, or even a surname, emphasizing the breakdown in human relationships. The authors also examine the bridge in poetry. It is concluded that bridges, as depicted in biblionyms, remain enduring symbols of world culture, demonstrating the potential of both a specific location and an abstract philosophical concept.

Keywords: biblionym, bridge archetype, fantasy, magical realism, historical adventure novel, socio-psychological fiction.

Мост является одним из древнейших архетипов мировой литературы, обозначающим переход, соединение миров, выбор или неизбежность. Лексема *мост* в современном русском языке рассматривается в двух значениях: в прямом как «сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь и т. п.», в переносном как «то, что соединяет что-

© Скуридина С.А., Канищев Д.Н., 2026

л., служит связующим звеном между чем-л.» [Словарь русского языка].

В связи с этим, начиная с мифологическими переправами в царство мёртвых и заканчивая урбанистическими пейзажами литературы XIX–XX веков, мост неизменно сохраняет за собой статус пограничного пространства, места встречи двух миров, зоны перехода. Соединяя два берега, мост придает пространству новый смысл, поскольку происходит творение нового ландшафта.

По мнению В.Н. Топорова, в мифопоэтической традиции мост выступает как образ связи между разными точками сакрального пространства [Топоров 1982]. Образ Калинова моста, являющегося, по мнению историка Н.И. Костомарова, символом «молодой, здоровой, веселой жизни», возникает в фольклоре: «В сказках поминаются *мосты калиновы*: это гать, мощёная хворостом, калиной, дорога по болоту», в связи с чем А.Т. Хроленко говорит о «семантической аккумуляции и компрессии», характерных для слова «калиновый»: «В прилагательном *калиновый* накопились семы, оставшиеся от обрядового использования этого растения, от символических представлений, связанных с водой и огнём, от этимологической связи с *калиной* как «раскалённым состоянием» [Хроленко 1997: 95]

Как указывают Е.О. Акишина, Н.И. Мартишина, «ключевыми в символике моста являются: идея стыка между различными мирами или сферами бытия; идея контакта, взаимодействия между этими сферами; идея перехода из одной сферы в другую; идея конструктивного преобразования пространства в антропоразмерное, организованное в соответствии с потребностями человека» [Акишина, Мартишина 2016]. О.В. Масловская и Н.Е. Богданова, анализируя мост в пространственной картине мира, выделяют следующие ипостаси данного вида сооружений: мост как путь, мост как узел, мост как район, мост как ориентир, мост как граница [Масловская, Богданова 2016]. В художественном тексте этот архитектурный объект приобретает особую смысловую глубину, становясь не просто элементом пейзажа, но активным участником повествования, носителем символического кода и инструментом авторской рефлексии.

В отличие от кинематографа, где мост часто показывается визуально, в литературе мост может быть как полноценной локацией, так и абстрактной метафорой. В настоящей работе, являющейся продолжением нашего исследования [Канищев 2026], нами рассмотрены библионимы – названия художественных произведений, в которых используется лексема *мост*. Одной из первых термин «библионим» был введен Н.В. Подольской, которая обозначила им «наименование любого письменного произведения» [Подольская 1988: 42],

В настоящее время библионимы активно исследуются учеными Воронежской ономастической школы [Скуридина, Карташова 2024]; [Устинова, Бугакова 2025], ориентирующимися на концепцию Л.А. Климковой, представленную в работе, посвященной творчеству С.А. Есенина [Климкова 2020].

Как указывает Л.А. Климкова, «библиониму свойственны многофункциональность, «сжатое выражение», «свертка» содержания – смысловая емкость, кумулятивность, поскольку он вбирает все содержание текста, не только фактуальное, но и концептуальное и подтекстовое (импликатуру), которое выявляется читателем ретроспективно, через возвращение к библиониму после прочтения текста. Так создается его смысловой синкретизм, взаимопроникновение смыслов в текстовом пространстве, концептуальность, превращение библионима в знак концепта произведения» [Климкова 2020: 18]. По мнению Г.Ф. Ковалева, заглавие художественного произведения и возможность его правильной интерпретации читателем способны повлиять на восприятие и понимание глубинных смыслов, заложенных автором [Ковалев 2014: 6]. Выявляя текстовые доминанты, Н.А. Николина отмечает, что «с доминантой текста (тематической, композиционной, концептуальной, эмоциональной), обычно связано заглавие художественного произведения, которое занимает сильную позицию и не случайно рассматривается исследователями как «аббревиатура смысла» всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации» [Николина 2003: 168].

Ниже представлена классификация сгруппированных по жанровому принципу литературных произведений, библионимы которых включают лексему *мост,* которая не просто обозначает сооружение, а выступает метафорой, настраивающей читателя на восприятие истории о переходе, соединении или преодолении препятствий.

Название произведения, автор	Происхождение названия	Значение моста в сюжете
Мост как портал между мирами в фэнтези		
«Мост в Терабитию» (Bridge to Terabithia), Кэтрин Патерсон (1977)	Название вымышленное, придуманное героями книги (Джесс и Лесли).	Мост – это обычная верёвка над ручьём, с помощью которой осуществляется буквальный и метафорический переход из скучной реальности в мир воображения. Произведение и его экранизация, известные своей шокирующей развязкой, делают образ моста символом преодоления горя и взросления.
«Ворона на мосту», Макс Фрай (2006)	В славянской мифологии ворон часто ассоциируется с потусторонним миром, а мост – с переходом.	Мост становится местом встречи реальности и магии, характерной для прозы Макса Фрая .
«Мост через вечность», Ричард Бах (1984)	Герой пытается найти путь, по которому ему идти дальше. « Мы – МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ, возвышающийся над морем времени, где мы радуемся приключениям, забавляемся живыми тайнами, выбираем себе катастрофы, триумфы, свершения, невообразимые происшествия, проверяя себя снова и снова, обучаясь любви, любви и ЛЮБВИ!	Метафора поиска любви и своего предназначения, мост, соединяющий земное существование с духовным бессмертием. Мост – это переход к новому уровню понимания мира
Исторический и приключенческий роман		
«Чёртов мост», Марк Алданов (1925)	Речь идёт о реально существующем Чёртовом мосту в Швейцарии (перевал Сен-Готард), через который переправлялась армия Суворова в 1799 году.	Название отражает эпизод штурма моста русскими войсками. В переносном смысле – «дьявольский», невероятно трудный путь, но одновременно мост – это символ исторического перелома, героического и одновременно трагического преодоления.

«Мост короля Людовика Святого», Торнтон Уайлдер (1927)	Путьинский мост в Перу, построенный в колониальную эпоху и названный в честь короля Людовика IX.	Мост – место пересечения человеческих жизней, в котором случайность и закономерность переплетены. После обрушения моста, унёсшего жизни пяти человек, монах задаётся вопросом о божественном промысле.
«Мост через реку Квай», Пьер Буль (1952)	Вымышленный мост через бирманскую реку Квай (прототипом является железная дорога «Смерти» Бирма-Сиам).	Психологическая драма о коллаборационизме и гордости. Мост становится символом абсурда войны .
Социально-психологическая проза		
«Мосты округа Мэдисон», Роберт Джеймс Уоллер (1992)	Реальные крытые мосты в округе Мэдисон, штат Айова (США).	Роман, породивший культовую экранизацию. Мосты здесь живописные декорации для истории о запретной любви .
«Загадка Торского моста» (из цикла о Шерлоке Холмсе, Артур Конан Дойл	Вымышленный топоним	Мост становится местом загадочного убийства, а его конструкция – ключом к разгадке преступления .
«Мост», Иэн Бэнкс (1986)	Два пласта романа связаны с мостом: 1) потерявший память человек живет на огромном мосту, ведущем непонятно куда неизвестно откуда, и рассказывает своему психоаналитику выдуманные сны; 2) биография некоего шотландца, который разбился в машине, лежит в коме, и мост ему как бы мерещится	Мост как связующее звено между мирами, мост как пройденный путь, мост как жизнь

«Мост» (*Die Brücke*), Ф. Кафка	Название было дано редакторами	Мост в притче является одушевлённым персонажем, от лица которого ведется повествование. «Комментаторы немецкого оригинала отмечают намеренную расшатанность кафковского вокабуляра в том, что касается подчеркивания у рассказчика качеств человека и моста: как если бы он пытался одновременно настаивать и на действительности, и на невозможности своего превращения» [Серебряков А. Веселье на «Мосту»: заметки о притче, игре и политике // Философско-литературный журнал «Логос». 2024. №5.С. 13-40. С. 21]
«Мистер и миссис Бридж», Эван С. Коннелл (1990)	Фамилия главных героев (Bridge), что является игрой слов.	В данном случае «мост» – это фамилия, символизирующая пропасть непонимания между супругами в респектабельном американском браке .
Поэзия		
«Мост» К. Бальмонт	Мост между Временем и Вечностью	Мост как метафора духовного состояния человека
«Мост Мирабо», Гийом Аполлинер	Мост является свидетелем уходящей любви и неумолимого течения времени	

Как видим, лексема *мост*, включенная в библионим, является его важным элементом, поскольку настраивает читателя на восприятие художественного произведения, поскольку реализует не только свое прямое, но и переносное значение, которое, уходя своими корнями в глубокую древность, способствует переходу образа моста в символ преодоления, соединения, поиска жизненного пути и встречи с судьбоносным выбором.

Библиографический список

1. Акишина Е.О., Мартишина Н.И. Мост как мифологема и философская метафора // Гуманитарные исследования. 2016. №4 (13). С. 10-14.

2. Канищев Д.Н. Названия мостов в мировом кинематографе // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции [Электронный ресурс] / отв. ред. Н. Б. Бугакова. Электрон. текстовые и граф. данные (8,0 Мб). Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 182-185.

3. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №3 (38). С. 17-27.

4. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика; Воронеж: Научная книга, 2014. 447 с.

5. Масловская О.В., Богданова Н.Е. Мост как элемент образа города и простран- ственной картины мира // Философия и культура. 2016. 6(102). С. 815-823.

6. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 195 с.

7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: «Наука», 1988. 187 с.

8. Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Библионимы в творчестве В.М. Шукшина // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 2 (53). С. 271-279.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

10. Супрун В.И. Гефиронимы в русском онимическом пространстве // Ученые запис- ки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. Том 25. С. 204–210.

11. Топоров В.Н. Мост // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Совет. эн- цикл. 1982. Т. 2. С. 176–177.

12. Устинова Н.Н., Бугакова Н.Б. Индивидуально-авторское своеобразие библионимов писателей-натуралистов // Filologos. 2025. № 1 (64). С. 40-46

13. Хроленко А.Т. Калиновый мост // Русская речь. 1997. №3. С. 91-95.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного техниче- ского университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language and Intercul- tural Communication,
Voronezh State Technical University,

SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Канищев Данил Николаевич,
аспирант кафедры русского языка и меж- культурной коммуникации
Воронежского государственного техниче- ского университета,
e-mail: kanischevdanil@yandex.ru

Kanischev Danil Nikolaevich
Postgraduate student in the Department of Russian Language and Intercultural Communi- cation at Voronezh State Technical University,
e-mail: kanischevdanil@yandex.ru

УДК 811.161.1`373.2

С. А. Попов
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: spo@bk.ru,

В. Э. Лавлинская
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: lavlinskaya.varya@bk.ru

ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

Статья посвящена исследованию системы имён собственных персонажей (поэтонимов) как ключевого элемента языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Актуальность работы обусловлена необходимостью детального анализа ономастического пространства классического сатирического текста, где антропонимы выходят за рамки простой номинации, становясь сложными семиотическими конструкциями и мощным инструментом авторской оценки. Цель исследования – систематизировать приёмы и выявить функции языковой игры, реализованной в поэтонимике романа. В работе применяются методы ономастического, семиотического и стилистического анализа, а также элементы интертекстуального подхода. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении антропонимов романа не как изолированных каламбуров, а как целостной системы, подчинённой общей задаче социальной сатиры и типологизации персонажей. В результате исследования выделены и проанализированы три основных механизма ономастической игры: 1) словообразовательный каламбур и мотивированность («Воробьянинов», «Коробейников»); 2) семантический оксюморон и стилистический диссонанс («Эллочка-людоедка», «Ляпис-Трубецкой»); 3) интертекстуальная и культурная игра («Остап Бендер»). Определены ключевые функции игры с именами: характеролого-оценочная, структурирующая, сатирико-гротескная и интеллектуально-игровая. Доказывается, что поэтонимы в романе служат «сжатыми сатирическими формулами», которые мгновенно задают тип персонажа, его место в художественном мире и вектор авторской критики. Статья вносит вклад в изучение поэтики сатиры И. Ильфа и Е. Петрова и может быть использована в исследованиях по ономастике, лингвостилистике и теории комического.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, поэтоним, языковая игра, сатира, И. Ильф и Е. Петров, «Двенадцать стульев», каламбур, речевая характеристика, семиотика имени.

S. A. Popov
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: spo@bk.ru,

V. E. Lavlinskaya
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: lavlinskaya.varya@bk.ru

THE NAMES OF THE CHARACTERS AS AN ELEMENT OF THE LANGUAGE GAME IN THE NOVEL "THE TWELVE CHAIRS" BY I. ILF AND E. PETROV

The article is devoted to the study of the system of proper names of characters (poetonyms) as a key element of the language game in the novel "The Twelve Chairs" by I. Ilf and E. Petrov. The relevance of the work is determined by the need for a detailed analysis of the onomastic space of a classical satirical text, where anthroponyms go beyond a simple nomination, becoming complex semiotic constructions and a powerful tool for author's assessment. The purpose of the study is to systematize the techniques and identify the functions of the language game implemented in the

© Попов С.А., Лавлинская В.Е., 2026

poetonymy of the novel. The work uses methods of onomastic, semiotic and stylistic analysis, as well as elements of an intertextual approach. The scientific novelty lies in the complex consideration of the novel's anthroponyms not as isolated puns, but as an integral system subordinated to the general task of social satire and character typologization. As a result of the study, three main mechanisms of onomastic play are identified and analyzed.: 1) word-formation pun and motivation ("Vorobyaninov", "Korobeynikov"); 2) semantic oxymoron and stylistic dissonance ("Ellochka the Ogress", "Lapis Trubetskoy"); 3) intertextual and cultural game ("Ostap Bender"). The key functions of the naming game are defined: characterological-evaluative, structuring, satirical-grotesque, and intellectual-playful. It is proved that the poetonyms in the novel serve as "concise satirical formulas" that instantly define the type of character, his place in the artistic world and the vector of the author's criticism. The article contributes to the study of the poetics of satire by I. Ilf and E. It can be used in research on onomastics, linguistic stylistics, and the theory of the comic.

Keywords: onomastics, anthroponym, poetonym, language game, satire, I. Ilf and E. Petrov, "Twelve Chairs", pun, speech characteristic, semiotics of the name.

Роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928) по праву считается энциклопедией языковой игры, одним из вершинных явлений русской сатирической прозы XX века. Если классическое понимание языковой игры как намеренного нарушения нормы для достижения эстетического или комического эффекта [1] нашло в романе всестороннее воплощение на всех уровнях языка, то система имён персонажей (поэтонимов) представляет собой особый, концентрированный пласт этой игры. Антропонимы в романе выходят за рамки простой номинативной функции, становясь сложными семиотическими конструкциями, которые программируют восприятие героя, выступают инструментом его мгновенной сатирической оценки и органично вплетены в общую игровую поэтику текста.

В контексте филологических исследований роман неоднократно становился объектом анализа с точки зрения комического, иронии и языковой игры в целом. Однако ономастический аспект, при всём его очевидном богатстве, часто рассматривался фрагментарно, как иллюстрация общего комизма. Настоящая статья ставит целью заполнить эту лакуну, рассматривая поэтонимикон «Двенадцати стульев» как целостную, системно организованную подсистему, подчиненную задачам социальной сатиры и художественной типологизации. Целью работы является анализ приёмов и функций языковой игры, реализованной в поэтонимной системе романа. Для её достижения решаются следующие задачи: 1) выявить и классифицировать основные механизмы создания ономастических каламбуров; 2) определить художественные и прагматические функции «говорящих» имён в структуре произведения; 3) показать взаимосвязь ономастической игры с общей сатирической картиной мира, созданной авторами.

Поэтоним как сжатая сатирическая характеристика: механизмы игры

Ономастическое пространство романа строится на нескольких базовых приемах, превращающих имя в «сжатую сатирическую формулу». Эти приёмы редко встречаются в чистом виде, чаще образуя сложные гибридные конструкции [5].

1. Словообразовательный каламбур и мотивированность. Наиболее распространенный прием – создание фамилии, внутренняя форма которой прозрачно указывает на ключевую черту персонажа, создавая комический эффект очевидности и мгновенной «расшифровки».

1. **Воробьянинов.** Фамилия, образованная от «воробей» (с суффиксом «-ин», традиционно отсылающим к дворянским фамилиям), сразу задает характеристику: мелкий, суетливый, жалкий «предводитель дворянства». Контраст между «птичьим» корнем и претензией на аристократизм (усиленный «благородным» греческим именем Ипполит) составляет основу сатирического образа. Это не просто смешная фамилия – это диагноз социальной и экзистенциальной несостоятельности.
2. **Коробейников.** Фамилия прямо указывает на род деятельности персонажа – бродячего торговца-остапщика, актуализируя архетип лубочного коробейника. Звуковая «тягучесть» и ударение на «-бей-» дополнительно создают образ навязчивого и грубоватого

дельца. В данном случае мотивированность почти буквальна, что усиливает сатирический эффект типизации.

Подобный механизм работает и в ряде второстепенных имен: фамилия **Щукина** для Эллочки, возможно, содержит отсылку к хищности.

2. Семантический оксюморон и стилистический диссонанс. Игра строится на столкновении в одном антропониме несовместимых смыслов или стилистических пластов, что рождает эффект абсурда и глубокой иронии.

1.**Эллочка-людоедка.** Уменьшительно-ласкательная форма имени «Эллочка» (суффикс «-очк-») вступает в шоковый конфликт со зловещим эпитетом «людоедка». Этот оксюморон емко формулирует суть героини: внешняя миловидность и социальные претензии скрывают духовное «пожирательство» культуры, символизируемое её знаменитым словарём в 30 слов [2]. Прозвище становится точным диагнозом, предваряющим и обобщающим её речевую характеристику.

2.**Ляпис-Трубецкой.** Двойная фамилия графомана построена на семантическом контрасте. «Ляпис» (от лат. *lapis* – камень; ляписный карандаш) фонетически сближается с глаголом «ляпать» (делать небрежно), характеризующим его творческий метод. Вторая часть – «Трубецкой» – отсылает к знатному княжескому роду. Имя-каламбур разоблачает социальную и культурную мимикрию, попытку прикрыть низкопробное ремесло (ляпничество) громкой исторической фамилией.

3. Интертекстуальная, культурная и звуковая игра. Имена могут отсылать к прецедентным текстам или культурным кодам, что углубляет характеристику и адресовано эрудированному читателю. Сюда же можно отнести игру с благозвучием и диссонансом.

1) **Остап Бендер.** Имя «Остап» актуализирует фольклорно-казачьи коннотации, наделяя героя аурой вольности, удали и народной хитрости. Фамилия «Бендер», особенно в её гротескно-развернутой версии «Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей» [2], представляет собой интернациональный коллаж, создающий образ авантюриста-космополита, «гражданина мира», свободного от национальных и социальных корней. Это имя не столько высмеивает, сколько характеризует его носителя как уникальную, протетическую фигуру [5].

2) **Авессалом Владимирович Изнуренков.** Имя библейского красавца-мятежника Авессалома сочетается с прозаическим отчеством и фамилией, образованной от причастия «изнурённый». Получается портрет замученного жизнью чиновника, чьи былые амбиции (на которые намекает имя) сведены на нет рутиной. Звуковая тяжеловесность фамилии фонетически передаёт ощущение усталости.

3) **Фёдор Востриков (отец Фёдор).** Простонародное имя и фамилия от слова «вострый» (острый) создают ироничный образ: «острый» ум священника направлен не на богословие, а на стяжание мирских благ, что подчёркивается его комически-нелепой предприимчивостью.

Функции ономастической игры в структуре романа

Языковая игра с именами выполняет в романе ряд системных функций, интегрируя поэтонимику в общий сатирический замысел и структурируя восприятие текста читателем.

1. Характерологическая и оценочная функция. Это базовая функция. Имя служит первым и часто исчерпывающим ключом к пониманию персонажа, неся в себе сжатую авторскую оценку. Так, «Воробьянинов» сразу маркирует героя как объект сатиры, чьи амбиции не соответствуют его истинному «мелкокалиберному» существу. Имя становится призмой, через которую читатель интерпретирует все последующие действия героя.

2. Структурирующая и классифицирующая функция. В романе-путешествии с десятками эпизодических лиц поэтонимы помогают читателю мгновенно ориентироваться в галерее типов, выступая их чёткими мнемоническими маркерами. Имя становится «визитной карточкой», по которой безошибочно опознается социальный и культурный статус: бюро-

крат (*Изнуренков*), интеллигент-дилетант (*Ляпис-Трубецкой*), духовное лицо (*отец Фёдор*). Это создаёт эффект «предустановленной карикатуры» и экономит автору пространство для детальной психологической разработки второстепенных персонажей.

3. Сатирико-гротескная функция. Игра с именами является мощным инструментом типизации и социальной критики. Через гротескно-преувеличенную, «говорящую» фамилию высмеивается не просто отдельный персонаж, а целый социальный слой или явление эпохи НЭПа: мещанское тщеславие и культурная деградация (*Эллочка-людоедка*), культурное дилетантство и приспособленчество (*Ляпис-Трубецкой*), деклассированное дворянство (*Воробьянинов*), бюрократический абсурд (*Изнуренков*). Ономастика становится микроязыком сатиры.

4. Интеллектуально-игровая функция. Расшифровка ономастического каламбура, распознавание интертекстуальных и культурных отсылок требуют от читателя определённой эрудиции и языковой чуткости. Понимание того, почему «Ляпис-Трубецкой» смешон, предполагает знание как просторечной лексики, так и русской истории и литературы. Эта функция превращает чтение в увлекательный диалог с автором, вовлекая читателя в совместное «разгадывание» смыслов и доставляя особое интеллектуальное удовольствие от декодирования имени. Она разделяет аудиторию на «посвящённых», оценивающих тонкость игры, и тех, кто воспринимает лишь поверхностный комизм.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что система имён персонажей в «Двенадцати стульях» представляет собой не вспомогательный, а центральный элемент языковой игры, подчиненный общей сатирической задаче. Поэтонимы в романе – это сложные художественные конструкты, работающие как микросюжеты или афоризмы, которые через словообразовательные каламбуры, семантические контрасты, стилистические диссонансы и культурные отсылки мгновенно задают тип персонажа, его место в сатирической иерархии и вектор авторской оценки.

Ономастическая игра выполняет комплекс взаимосвязанных функций: от базовой характерологo-оценочной и структурирующей, обеспечивающей ясность восприятия пестрой галереи типов, до вершинной интеллектуально-игровой, адресованной подготовленному читателю. Она является органичной и неотъемлемой частью игрового универсума романа, где слово в целом, и имя в частности, становится главным оружием критики социальных, культурных и экзистенциальных абсурдов эпохи нэпа.

Таким образом, исследование поэтонимов «Двенадцати стульев» подтверждает тезис о том, что языковая игра у И. Ильфа и Е. Петрова является системообразующим принципом их поэтики, а мастерское, многоуровневое использование ономастики – одной из ярчайших и наиболее эффективных черт их уникального сатирического стиля. Дальнейшие перспективы исследования видятся в сопоставительном анализе ономастических систем «Двенадцати стульев» и «Золотого телёнка», а также в рассмотрении функционирования поэтонимов в переводе на другие языки.

Библиографический список

1) Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 240 с.

2) Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Эксмо, 2021. 480 с.

3) Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 196 с.

4) Калмыкова И. Г. Категория комического и жанр комедии в литературном процессе: проблемы изучения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. Т. 10, № 4. С. 138-143.

5) Кузнецова Т.Б., Борисова Т.Г., Гурова Ю.Н. Антропонимы в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» как средство формирования сатирического начала в романе // Colloquium-Journal. 2019. Т. 20, № 4.

6) Кильдяева Ю. И. Поэтика комического в романе «12 стульев» (к проблеме смехового слова) // Интерактивная наука. 2017. № 6 (16). С. 52-55. (бывший №4).

7) Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. 547 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, доцент кафедры издательского дела Воронежского государственного университета,
SPIN-код: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

Popov Sergey Alexandrovich,
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Relations, Advertising and Design, Associate Professor of the Department of Publishing at Voronezh State University,
SPIN-код: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

Лавлинская Варвара Эдуардовна,
Студент 4 курса направления 42.03.03 «Издательское дело» филологического факультета Воронежского государственного университета,
e-mail: lavlinskaya.varya@bk.ru

Lavlinskaya Varvara Eduardovna,
4th year student of the 42.03.03 direction "Publishing" of the Philological Faculty of Voronezh State University,

e-mail: lavlinskaya.varya@bk.ru

УДК 81'(373.374.1)

Т.И. Алиева
Университет Докуз Эйлюль
(Измир, Турция)
e-mail: tamilla.aliyeva@deu.edu.tr

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»: ОТ КУЛЬТУРНОГО КОДА К ЦИФРОВОМУ СИМУЛЯКРУ

Исследование посвящено анализу трансформации функций и семиотического статуса имен собственных в романе Т. Толстой «Кысь». Его цель – проследить эволюцию онимов от носителей культурно-исторических кодов до элементов цифрового симулякра в рамках моделируемой постапокалиптической реальности. В основе работы лежит синтез методов литературной ономастики, интертекстуального и семиотического анализа. Методологическая рамка задана теорией культурных кодов Ю.М. Лотмана и концепцией симулякра Ж. Бодрийяра. Объектом анализа выступает ономастическое пространство романа (свыше 2000 единиц), исследуемое для деконструкции связей между аллюзивно-прецедентными именами и культурными претекстами, а также для описания механизмов их семиотической редукции. Установлено, что ономастикон «Кыси» представляет собой иерархическую систему, где антропонимы и библионимы, изначально выступая как «свернутые тексты» культурной памяти, подвергаются последовательной семиотической эрозии. В художественном мире романа они утрачивают референциальность, превращаясь в операционные знаки-симулякры, функция которых сводится к маркировке принадлежности к упрощенному и контролируемому культурному канону. Выявлена структурная аналогия этого процесса с логикой цифровой культуры XXI века, где культурные коды функционируют как теги и мемы, а идентичность редуцируется до цифрового профиля. Полученные выводы вносят вклад в развитие литературной ономастики, интертекстуальной теории и исследований цифровой культуры. Они предлагают новый аналитический инструментарий для изучения поэтики постмодернистского текста и механизмов репрезентации культурной памяти в художественной литературе. Научная новизна исследования заключается в интерпретации ономастической системы романа как прогностической модели перехода от традиционной семиозисы к симулякративной логике цифровой эпохи. Доказано, что Т. Толстая через стратегическую поэтику имен предвосхищает ключевой феномен современного медиапространства – трансформацию культурного наследия в набор отчужденных, циркулирующих знаков, лишенных онтологической укорененности.

Ключевые слова: литературная ономастика, Т. Толстая «Кысь», интертекстуальность, культурный код, симулякр, цифровая культура, постмодернизм, поэтоним

T.I. Aliyeva
Dokuz Eylül University
(Izmir, Türkiye)
e-mail: tamilla.aliyeva@deu.edu.tr

ONOMASTIC SYSTEM OF T. TOLSTAYA'S NOVEL "KYS": FROM CULTURAL CODE TO DIGITAL SIMULACRUM

This study aims to analyze the transformation of the functions and semiotic status of proper names in T. Tolstaya's novel Kys, tracing their evolution from carriers of cultural-historical codes to elements of a digital simulacrum within the framework of postmodern and post-apocalyptic reality. The object of the research is the onomastic space of the novel, comprising over 2000 onyms. The methodological framework is a synthesis of literary onomastics, intertextual and semiotic analysis, informed by the theory of cultural codes (Y.M. Lotman) and the concept of the simulacrum (J. Baudrillard). The analysis focuses on deconstructing the multi-layered connections between allusive-precedent names and cultural pre-texts, as well as describing the mechanisms of their semantic reduction and functional recoding. The research establishes that the novel's onomasticon is structured as a complex system where proper names (anthroponyms, biblionyms, mythonyms) initially function as 'condensed texts 'and markers of cultural memory. Within the fictional world of Kys, these names undergo semiotic erosion: losing their referentiality and historical depth, they transform into empty signs – simulacra – whose role is reduced to signaling belonging to a simplified cultural canon. A direct analogy is revealed between this transformation and the logic of 21st-century digital culture, where cultural codes function as tags, memes, or verified brands, and identity is reduced to a profile. The scientific novelty of the study lies

© Алиева Т.И., 2026

in considering the onomastic system of Kys as a model of the transition from traditional cultural semiosis to the simulacral logic of the digital age. It is demonstrated that, through her onomastic poetics, T. Tolstaya anticipates a key phenomenon of modernity: the transformation of cultural heritage into a set of alienated signs circulating in media space, devoid of ontological grounding. The results contribute to the development of literary onomastics, intertextual theory, and digital culture studies, offering a new perspective for analyzing postmodern texts.

Keywords: literary onomastics, T. Tolstaya, Kys, intertextuality, cultural code, simulacrum, digital culture, postmodernism, poetonym.

Роман Татьяны Толстой «Кысь» (1986–2000), признанный ключевым произведением русской постапокалиптической прозы, с момента публикации стал объектом пристального внимания критики, отмечавшей его интертекстуальную насыщенность и «подчеркнутую музейность» [Парамонов 2000:10]. Однако за внешними чертами постмодернистской поэтики скрывается глубоко традиционная для русской литературы проблематика: судьба культурной памяти, нравственная деградация общества и природа власти. В данной статье предлагается рассмотреть художественный мир романа через призму его ономастической системы, которая служит основным механизмом моделирования перехода от культуры как живого наследия к культуре как набору симулякров.

На рубеже XX–XXI веков литературная ономастика, выйдя за рамки классификации, превратилась в область, исследующую имя собственное как сложный семиотический узел на пересечении текста, культуры и идеологии [Суперанская 2007: 15; Топоров 1995: 37]. В этом контексте принципиально важно положение о том, что система персонажных имён является осмысленным и функционально нагруженным компонентом художественного моделирования мира [Пашаева 2021:177].

Ономастическое пространство «Кыси», насчитывающее свыше 2000 единиц, представляет собой структурированную систему, подвергающуюся семиотической эрозии. Имена собственные (Пушкин, Толстой, «Муму», «Красное и чёрное») изначально функционируют как классические культурные коды в лотмановском понимании – «свёрнутые тексты», аккумулирующие и транслирующие смыслы [Лотман 1981:3]. Однако в постапокалиптической реальности Фёдора-Кузьмичска они, оторванные от исходных контекстов, претерпевают кардинальную трансформацию. Их смысловая насыщенность редуцируется, и они начинают работать как пустые знаки-симулякры [Бодрийяр 2015:240]. Имя «Пушкин» утрачивает связь с творчеством, превращаясь в сакральный, но непонятный символ, за право владеть которым борются узурпаторы [Толстая 2000: 205].

Эта же логика проявляется в ономастической практике нового общества. Названия глав, данные буквами старого алфавита («Аз», «Буки», «Веди»), указывают на попытку сохранить внешнюю форму культурного кода при полной утрате его внутреннего содержания [Толстая 2000: 3]. Имена персонажей (Никита Иваныч, Бенедикт, Оленька) маркируют не уникальные личности, а социальные роли и степень сохранности культурной памяти.

Цель работы – проследить трансформацию имен собственных в «Кыси» от статуса культурных кодов, аккумулирующих исторический опыт, до статуса цифровых симулякров – пустых, циркулирующих знаков, чья функция сводится к маркировке принадлежности. Для достижения цели решаются следующие задачи: классифицировать аллюзивно-прецедентные имена в романе; выявить механизмы их интертекстуальной активации и последующей семантической редукции; проанализировать, как в романе моделируется переход от семиозиса (порождения смысла) к симуляции (воспроизведению знаков, лишённых референта).

Данная ономастическая модель оказывается пророческой для цифровой культуры XXI века. Имена-симулякры в романе функционально аналогичны тегам, мемам и брендам в современном медиапространстве: они циркулируют, набирают символический капитал, служат для маркировки, но лишены исторического контекста.

Гипотеза исследования состоит в том, что ономастическая система «Кыси» представляет собой целенаправленно сконструированную модель симулякрации культуры, в которой

наследие прошлого, будучи формально сохранённым, утрачивает связь с реальностью и начинает функционировать по законам медийного пространства.

Теоретико-методологическую основу составляют принципы литературной ономастики, теория интертекстуальности [Кристева 2004:95; Барт 1994:384], семиотическая концепция культурного кода и «семиосферы» [Лотман 2000: 48], а также философская теория симулякра [Бодрийяр 2015: 187]. Научная новизна работы заключается в применении аппарата теории симулякра для анализа литературного ономастикона и в рассмотрении постмодернистского текста как рефлексии о цифровой трансформации культурной памяти.

Таким образом, ономастическая система романа «Кысь» – это сложно устроенная модель распада традиционной культурной семиозисы и становления симулякративной логики. Анализ трансформации имён позволяет интерпретировать роман не только как антиутопию, но и как глубокое осмысление культурной динамики эпохи цифровых медиа, где наследие рискует превратиться в набор отчуждённых симулякров.

Настоящее исследование данной модели начинается с анализа её первичного, структурного уровня – ономастического кода, заложенного в алфавитных названиях глав романа «Кысь».

Алфавитный метакод как модель семиотической редукции

Алфавитные названия глав в романе Т. Толстой «Кысь» функционируют как имплицитные имена, восходящие к старославянской системе, но в художественном мире подвергаются семиотической редукции. Они трансформируются из носителей культурного кода в фрагменты операционного кода, становясь функциональными аналогами цифровых интерфейсов и метаданных, где форма преобладает над содержанием.

Анализ выявляет три системных вектора этой редукции, заложенных в алфавитном метакоде:

- деконструкция основ человеческого существования (идентичность, этика, социальность);

- девальвация инструментов познания и коммуникации (знание, слово, мышление);

- редукция культуры до формальных операторов, моделирующих логику цифровой среды (алгоритм, протокол, сбой).

Этот механизм является универсальным для всей ономастической системы романа. Его следующей мишенью становится уровень антропонимики, где имена персонажей претерпевают ту же трансформацию: от указания на индивидуальность к статусу операционного знака в иерархии Фёдора-Кузьмичска.

Редукция базовых антропологических и этических категорий

Первый вектор редукции затрагивает основы человеческого бытия. Глава «Аз» проблематизирует саму возможность устойчивой идентичности. Герой Бенедикт лишён цельности «я»; его сознание – поле для чужих текстов, а личность растворена в социальных ролях («голубчик», «зять»). Как он сам отмечает: «И выходит, что живёшь как бы не сам, а будто за тебя кто-то другой…» [Толстая 2000: 15]. Эта редуцированная субъектность коррелирует с цифровым профилем (user account) – конструируемым и управляемым набором данных, заменяющим целостное «я».

Глава «Добро» подвергает редукции этическую норму. Моральный выбор подменяется в мире романа ритуальным следованием указу или личной выгоде. Эта трансформация находит параллель в цифровой практике «лайка» – простейшего, автоматизированного жеста одобрения, лишённого рефлексивного этического содержания [Толстая 2000: 47].

Социальное измерение, обозначенное главой «Люди», редуцируется до обезличенной массы. Коллективное существование «голубчиков» пародийно изображено в сцене построения для пересчёта, где индивидуальность полностью нивелируется: «…надо ж знать, сколько у нас народу… Это вот и есть подход государственный» [Толстая 2000: 133]. Эта модель

напрямую соотносится с логикой агрегированной цифровой аудитории, обрабатываемой алгоритмами как однородный поток данных.

Таким образом, в первом векторе алфавитного метакода базовые антропологические категории (субъект, этика, социум) утрачивают свою содержательную глубину и превращаются в минимально функциональные симулякры, предвосхищая логику цифровых режимов репрезентации, основанных на обезличивании и операциональности. Этот процесс создаёт семиотический фундамент для последующей девальвации инструментов культуры.

Деградация инструментов познания и коммуникации

Второй вектор редукции демонстрирует распад ключевых инструментов культуры. Глава «Буки», символизирующая знание и письменность, редуцируется до фетишизации текста как материального объекта при утрате понимания [Толстая 2000: 21]. Книги собираются и переписываются, но не читаются для постижения смысла, что превращает их в контент – товарную единицу, чья ценность определяется наличием, а не глубиной. Эта логика воплощена в фигуре Бенедикта-переписчика и предвосхищает отношение к цифровому контенту, оцениваемому по метрикам потребления.

Познание («Веди») подменяется иллюзией знания: информация циркулирует в виде фрагментов и слухов, не образуя целостной картины. Это коррелирует с цифровым информационным шумом, где избыток данных приводит к когнитивной перегрузке и фрагментации опыта.

Особую роль играет девальвация слова как логоса («Слово»). Речь персонажей, насыщенная канцеляризмами и искажёнными цитатами, становится бессмысленным шумом, пародией на коммуникацию [Толстая 2000: 205]. Текст теряет сакральный статус, превращаясь в семантический шум, что находит параллель в феномене текстового спама – симуляции коммуникации, лишённой цели.

Следствием становится распад связности. Логические связи («Иже») размываются, а коллективная идентичность («Наш») деградирует до примитивного коллективизма, основанного на страхе перед «чужим». В цифровой проекции этому соответствуют пустые гиперссылки и замкнутые сообщества, культивирующие изоляцию.

Таким образом, роман моделирует системную трансформацию культурных инструментов в симулякры. Письмо, мышление и коммуникация сохраняются как формы, но утрачивают сущностные функции, что демонстрирует структурное предвосхищение логики цифровой культуры, где ускорение коммуникации приводит к редукции смысла.

От редукции смысла к редукции функции: алфавит как совокупность формальных операторов

Третий вектор знаменует переход от семантической редукции к операциональной. Культурные значения превращаются в чистые формальные операторы – элементы алгоритмической системы управления, где знак утрачивает связь с референтом и функционирует как техническая единица в структуре симулякра [Бодрийяр 2015: 90]. Алфавит эволюционирует в набор операционных команд, задающих протокол функционирования мира Фёдора-Кузьмичска, предвосхищая логику цифровых интерфейсов [Манович 2018: 145].

Так, глава «Како» (способ) редуцируется до схемы механического повторения, становясь готовой инструкцией, исключающей вариативность и отражающей алгоритмическую модель с элиминированным субъектом.

Глава «Твердо», связанная с законом, воплощает репрессивный порядок, где правило функционирует как абсолютный оператор. Это соответствует логике цифрового протокола, трактующего любое отклонение как системную ошибку.

Деструктивный потенциал кода раскрывается через знаки, связанные с запретом и сбоем (напр., «Ерь»), моделирующие процессы, аналогичные действию вируса в цифровой среде. Табуирование и цензура выступают как встроенные операторы контроля.

Ключевую роль играет квантификация реальности (напр., «Иже», «Мыслете» в контексте учёта). Мир подчиняется логике цифры и метрики, что приводит к утрате качественных различий: реальность становится измеряемой, но не осмысленной.

Финальные знаки алфавита («От», «Ижица») символизируют остановку семиотического процесса и нарастание энтропии, фиксируя культурный обрыв, после которого восстановление невозможно.

Таким образом, в третьем векторе осуществляется окончательный переход от редукции смысла к редукции самой функции культуры. Знак становится чистым оператором, завершая процесс симулякрации, в рамках которого культура существует как семантически опустошённая, но самовоспроизводящаяся система. Эта логика подготавливает анализ структурного синтаксиса распада, где формальные операторы организуются в необратимый сценарий коллапса.

Структурный синтаксис распада: алфавит как метасемиотический код

Помимо редукции значений на парадигматическом уровне, алфавитный метакод в романе организует строгий синтагматический сценарий культурного коллапса. Последовательность букв становится программным кодом, где порядок следования глав моделирует необратимую деградацию семиотической системы от «Аз» к «Ижице», задавая вектор движения от проблематизированного начала к энтропийному финалу [Лотман 2000: 257]. Если парадигматика отвечает на вопрос что опустошается, то синтагматика показывает, каким образом эта редукция инсталлируется в хронотопе текста, формируя нарратив энтропии [Бахтин 1975: 234].

Инициальная глава «Аз» выполняет функцию первичной проблематизации субъекта. «Я» ещё апеллирует к архаичной формуле самоутверждения, но уже помещено в систему, лишённую оснований для самопонимания, задавая исходные координаты для последующей деконструкции личности.

Основной массив глав (от «Буки» до «От») моделирует стадию распада эпистемы: деградацию знания, мышления и коммуникации. Мысль теряет рефлексивность, слово – связность, а письмо сводится к фетишизации материального носителя. Культурные практики сохраняются как пустые формальные оболочки.

Кульминацией этого процесса становится деградация социальности и кризис логоса. Социальное пространство редуцируется до примитивного коллективизма на основе отчуждения («голубчики»), а слово утрачивает связь с истиной, превращаясь либо в инструмент приказа, либо в пустую риторическую форму. Язык становится элементом симулятивного обмена, где важна не смысловая глубина, а перформативная действенность клише.

Финальные главы алфавитного ряда моделируют фазу иллюзорной стабилизации через насилие. Порядок, достигаемый исключительно репрессивными средствами («санитары»), не восстанавливает утраченные смыслы, а лишь маскирует их отсутствие.

Этап, ведущий к «Ижице», знаменует энтропийное завершение. Нарастает семантическая пустота, происходит окончательная хаотизация знаков и системный сбой. Алфавит, исчерпав организующую функцию, обнажает свою формальность: порядок букв сохраняется, но теряет способность структурировать смысл, символизируя торжество симулякра [Бодрийяр 2015: 78].

Таким образом, ономастический метакод функционирует как двухуровневая модель симулякрации. По вертикали (парадигматика) осуществляется редукция концептов; по горизонтали (синтагматика) выстраивается необратимая последовательность их распада. Этот структурный синтаксис создаёт семиотический фундамент для следующего этапа – редукции человеческой субъектности на уровне антропонимической системы.

Антропонимы как операционные знаки: редукция субъектности в иерархическом пространстве романа «Кысь»

Антропонимическая система романа представляет собой модель последовательной функциональной редукции имени собственного. Имена утрачивают функцию индивидуализации, превращаясь в операционные знаки, маркирующие позицию в иерархии Фёдора-Кузьмичска, где значение субъекта исчерпывается его социальной ролью [Гудков 2003: 115]. Это знаменует переход от классической антропонимики к ономастике симулякра, где имя выступает сменяемым идентификатором, предвосхищающим логику цифрового профиля [Бодрийяр 2015: 58].

Ключевым примером является имя главного героя – Бенедикт. Его этимология (лат. Benedictus – благословенный) в мире романа системно нейтрализована. Бенедикт – потребитель-фетишист, чья идентичность конструируется через внешние статусные обозначения («зять», «санитар»). Его антропоним функционирует как плавающий идентификатор, семиотически коррелирующий с логикой сменного логина или никнейма в цифровой среде [Манович 2018: 267], где имя обозначает не личность, а текущую операционную позицию.

Механизм функционализации раскрывается через противопоставление. Никита Иваныч – носитель культурной памяти, чьё имя выступает «ономастическим якорем» традиции. В оппозицию ему поставлен Кудеяр Кудеярыч – антропоним, маркирующий не индивидуальность, а тип власти, основанный на принуждении и хаосе.

Особый статус занимает имя Фёдора Кузьмича – верховного правителя. Соотносимое с историко-мифологической фигурой, оно функционирует как верховный операционный симулякр, «административный логин», закрепляющий власть за структурой, а не за личностью [Бодрийяр 2015: 124]. Его замещение именем Бенедикта в финале демонстрирует принцип системы: смену «пользователя» при неизменности «платформы».

Антропонимы женских персонажей также встроены в эту логику. Оленька (природная красота) маркирует торжество телесного начала, тогда как Варвара Лукинишна (отсылка к мученичеству) представляет нереализованную духовную альтернативу. Пародийным пределом редукции становится Терентий Петрович по кличке Тетеря, где прозвище окончательно замещает имя, превращая персонажа в «социальную заглушку».

Таким образом, антропонимическая система моделирует системный ономастический сдвиг: имя перестаёт обозначать уникальную личность, превращаясь в операционный знак иерархии. Если алфавитный метакод опустошал культурные смыслы, то антропонимы редуцируют саму человеческую субъектность. Закономерным следствием становится экспансия симулякра в область культурного наследия – сферу прецедентных имён и библионимов.

Ономастика культуры: прецедентные имена и библионимы как симулякры в романе «Кысь».

Ономастическое пространство романа Т.Н. Толстой «Кысь» формируется не только за счёт вымышленных антропонимов, но в значительной степени определяется функционированием прецедентных имён и библионимов, восходящих к общеизвестному культурному канону. В художественном мире Фёдора-Кузьмичска данные единицы подвергаются системной десемантизации и симулякрации, что влечёт радикальную трансформацию их семиотического статуса. Прецедентные имена писателей, философов и культурных деятелей, равно как и названия литературных произведений, утрачивают референциальную связь с историко-культурным контекстом и начинают функционировать как автономные симулятивные знаки, в основе чего лежит понятие симулякра [Бодрийяр 2015 : 12]. Их организация обнаруживает структурное сходство с логикой цифровой медиасреды, где ценность знака определяется не глубиной референта, а эффективностью его циркуляции и мгновенной узнаваемостью [Manovich 2001 : 45].

В традиционной культурной модели прецедентное имя выступает знаком-конденсатором, актуализирующим в сознании реципиента разветвлённый интертекстуаль-

ный тезаурус. В романе «Кысь» эта эпистемологическая функция целенаправленно дезавуируется. Имя Пушкина, например, для маргинальных носителей (как Бенедикт) сохраняет реликтовый статус символа утраченной культурной целостности. Однако в публичном, институциональном дискурсе Фёдора-Кузьмичска оно редуцируется до пустого сакрализованного знака-иконы, ритуальное употребление которого легитимирует власть, но не предполагает доступа к смысловому содержанию. Аналогично, библионимы вроде «Евгений Онегин» перестают отсылать к конкретному художественному тексту, превращаясь в метонимические маркеры «культуры вообще» – объекты символического накопления и обмена, лишённые функции интерпретации.

С точки зрения литературной ономастики, Т.Н. Толстая моделирует системную редукцию ономастического кода. Антропонимы классиков русской и мировой литературы – Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя – утрачивают связь с индивидуальной поэтикой и историко-литературным контекстом. Они превращаются в универсальные номинативные ярлыки, схематично обозначающие абстрактные категории («глубина», «классика», «критический реализм»). Их употребление служит не для актуализации интертекста, а выполняет прагматическую функцию символической легитимации высказывания или социального статуса говорящего.

Особый случай представляет собой симулятивное функционирование имён, связанных с философской и модернистской традицией. Антропоним «Кафка» редуцируется до производного ярлыка «кафкианщина», который функционирует как мемоним – знак для поверхностной номинации абсурда без погружения в философско-поэтический контекст творчества писателя. Имена Канта и Шопенгауэра используются как псевдоинтеллектуальные сигнификаторы, обслуживающие риторическую имитацию рефлексии. Таким образом, философские имена утрачивают роль концептуальных ориентиров, становясь элементами декоративного оформления дискурса.

Имена представителей авангарда и модернизма (Андрей Белый, Хлебников, Набоков, Платонов) в ономастиконе романа также подвергаются редукции. Они начинают функционировать как знаки-стереотипы, маркирующие «сложность», «эксперимент» или «языковую игру», при полном отсутствии требований к пониманию соответствующих художественных методов. Ономастическая единица, таким образом, исполняет роль культурного тега или символического «ника», обеспечивающего операциональную узнаваемость при семантической опустошённости.

Современные и советские литературные имена (Булгаков, Горький, Ерофеев) интегрируются в ономастическое пространство романа прежде всего как маркеры идеологизированных или контркультурных дискурсов. Их семиотический статус определяется не историко-литературной сложностью, а пригодностью к быстрому распознаванию в качестве символа определённой культурно-политической позиции. Эти антропонимы демонстрируют завершённый переход от имени как носителя культурной памяти к имени как инструменту ситуативного символического обмена.

Таким образом, в романе «Кысь» формируется специфический ономастикон симулякра. В нём прецедентные имена и библионимы утрачивают референциальную устойчивость и интертекстуальную глубину, приобретая статус самодостаточных, операциональных знаков. Этот процесс обнаруживает структурную корреляцию с логикой цифровой ономастики, где имена (логины, теги, хештеги) функционируют прежде всего как идентификаторы для навигации и маркеры принадлежности к сообществу, а не как носители содержательного культурного знания [Гудков 2003 : 78].

Проведённый анализ указывает на системный ономастический сдвиг. Извлечённые из историко-культурного контекста имена собственные теряют конденсативную функцию и обретают операционную и маркирующую функцию. Они становятся инструментами упрощён-

ного социального кодирования, средствами симуляции компетентности и атрибутами принадлежности к институционально контролируемому канону.

Кульминацией ономастической симулякрации в романе становится функционирование библионимов и имен литературных персонажей. Если имена авторов редуцируются до статуса брендов, то названия произведений и имена героев выступают как готовые текстовые формулы, окончательно разрывающие связь с исходным семантическим и нарративным полем. Они используются не для интертекстуального диалога, а для мгновенной идентификации культурных клише, эмоций или сюжетных шаблонов.

Так, названия классических произведений («Красное и чёрное», «Илиада») служат обобщёнными индексами канона, библионимы типа «Алых парусов» – маркерами абстрактных понятий (надежда), а связанные с исторической памятью («Дети Арбата») – знаками условной «историчности». Имена литературных персонажей также редуцируются, обозначая фиксированные семантические признаки («страдание» – «Муму», «трагедия власти» – «Макбет»).

Данная трансформация моделирует логику цифровой коммуникации, где сложные текстовые массивы замещаются номинативными сигналами-тегами. В романе ономастическая система воспроизводит полный цикл симуляции: на денотативном уровне имя автора становится знаком авторитета, на коннотативном – название превращается в тег, на референциальном – персонаж сводится к мему [Гудков 2003 : 112].

В итоге, культура в мире «Кыси» репрезентируется не как живая традиция преемственности, а как архив опустошённых, но высоколиквидных ономастических знаков. Однако, вопреки кажущейся тотальности этого процесса, стратегическое использование прецедентных имён самой Толстой выявляет их сохраняющуюся семиотическую плотность и способность функционировать на нескольких уровнях – как в качестве симулякра, так и в качестве метасигнала, указывающего на саму проблему утраты культурной памяти.

Таким образом, ономастическая система романа «Кысь» выполняет роль критического медиатора между классической текстуальной традицией и современными формами цифровой репрезентации культуры. Через процедуры редукции и симуляции имён собственных художественный текст осуществляет диагностику перехода от семиозиса, основанного на глубине и интерпретации, к семиозису, ориентированному на эффективность и циркуляцию знаков. Это позволяет рассматривать роман Т. Н. Толстой не только как сатиру на посткультуру, но и как проницательное аналитическое высказывание о механизмах симуляции культурной памяти в условиях медиатизированного общества.

Библиографический список

1.Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2.Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3.Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
4.Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 256 с.
5.Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. С.95-124.
6.Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
7.Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем, 2018. 400 с.
8.Парамонов Б. Застой как культурная форма (о Татьяне Толстой) // Звезда. №4. С. 10–18.
9.Пашаева Ю.Ф. Концепция имени в русской литературе // РУСАД, 2021. № 6. С. 177–191. DOI: [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.48068/rusad.937792 (дата обращения: 17.01.2026).
10.Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 2007. 368с.

11.Толстая Т.Н. Кысь: Роман. М.: Подкова; Иностранка, 2000. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kulichki.com/moshkow/PROZA/TOLSTAYA/kys.txt (дата обращения: 17.01.2026).
12.Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алиева Тамилла Исрафиловна
Кандидат филологических наук,
доцент, преподаватель отделения русского языка и литературы
Университета Докуз Эйлюль
(Измир,Турция)
SPIN code: 3312-2952
e-mail: tamilla.aliyeva@deu.edu.tr

Aliyeva Tamilla Israfilobna
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Lecturer at the Department of Russian Language and Literature
Dokuz Eylul University
(Izmir,Turkey)
SPIN-код: 3312-2952
e-mail: tamilla.aliyeva@deu.edu.tr

УДК 81

Н.В. Узолина
Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e-mail: uzolina@gmail.com

ОНОМАСТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ТЕРРИ БРУКСА MAGIC KINGDOM FOR SALE – SOLD! (ЦИКЛ LANDOVER)

В данной статье проводится комплексный анализ ономастического пространства романа Терри Брукса Magic Kingdom for Sale – SOLD!, открывающего фэнтезийный цикл Landover. Ономастика рассматривается как важнейший элемент художественной структуры произведения и как средство формирования авторской модели фантастического мира. В работе исследуются основные классы собственных имен – антропонимы, топонимы, а также имена магических и мифологических сущностей – с точки зрения их семантики, этимологического происхождения и функциональной нагрузки в тексте. Особое внимание уделяется именам персонажей, которые выполняют характерологическую и символическую функцию, а также ироническому потенциалу ономастики, проявляющемуся в сочетании высоких фэнтезийных номинаций с комическими образами. Теоретической базой данного исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области ономастики и поэтики художественного текста. Анализ ономастического пространства показывает, что совокупность собственных имён в произведении Брукса обладает высокой семиотической значимостью и участвует в конструировании художественного мира и жанровой парадигмы текста.

Ключевые слова: литературная ономастика, фэнтези, антропонимия, топонимия, семантика имени собственного, миромоделирование, Терри Брукс, Landover.

N.V. Uzolina
Russian State Hydrometeorological University
(Saint Petersburg, Russian Federation)
e-mail: uzolina@gmail.com

ONOMASTICS IN TERRY BROOKS'S MAGIC KINGDOM FOR SALE – SOLD! (THE LANDOVER CYCLE)

This article presents a comprehensive analysis of the onomastic space of Terry Brooks's novel Magic Kingdom for Sale – SOLD!, which opens the fantasy cycle Landover. Onomastics is examined as a crucial element of the work's artistic structure and as a means of constructing the author's model of a fantastic world. The study investigates the principal classes of proper names – anthroponyms, toponyms, as well as the names of magical and mythological entities – from the perspectives of their semantics, etymological origin, and functional load within the text. Special attention is given to character names that perform both characterological and symbolic functions, as well as to the ironic potential of onomastics, manifested in the combination of elevated fantasy nominations with comic imagery. The theoretical framework of the research is based on the works of Russian and international linguists in the fields of onomastics and the poetics of literary texts. The analysis of the onomastic space demonstrates that the system of proper names in Brooks's work possesses high semiotic significance and plays an active role in constructing the fictional world and the genre paradigm of the text.

Keywords: literary onomastics, fantasy, anthroponymy, toponymy, semantics of proper names, world-building, Terry Brooks, Landover.

Литературная ономастика как раздел лингвистики изучает функционирование собственных имен в художественном тексте, их семантическую, стилистическую и прагматическую роль. В произведениях жанра фэнтези ономастика приобретает особое значение, именно через систему имен создается иллюзия мира, который конституируется как дискретная семиотическая вселенная. А. В. Суперанская отмечала, что «собственные имена – часть языка, демонстрирующая парадоксальные ситуации, анализ которых может способствовать возникновению новых лингвистических концепций» [Суперанская 1973 : 5]. Она также подчёр-

© Узолина Н.В., 2026

кивала, что «помимо чисто лексического компонента, в его значение входят и компоненты экстралингвистические, в том числе этетический, аффективный, морально- и социально-оценочный» [Суперанская 1973 : 266]. Особенно ярко данное положение проявляется в произведениях жанра фэнтези, где имена служат инструментом создания альтернативной реальности. Фэнтезийный жанр реализует модель многоязыкового сознания современного произведения (в понимании М.М. Бахтина), поскольку мир создается посредством интеграции разнородных культурных элементов, а его структурной характеристикой является выраженная многонациональность и многорасовость. Метафора «язык – зеркало культуры» в полной мере отражает взаимозависимость и взаимообусловленность [Тер-Минасова 2000 : 15].

По мнению М.В. Горбаневского, «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик» [Горбаневский 1988 : 4].

Целью данной статьи является анализ ономастического пространства произведения Magic Kingdom for Sale – SOLD! и выявление основных функций собственных имен в структуре текста.

Методологической основой исследования послужили положения литературной ономастики, разработанные в трудах А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, а также зарубежных исследователей, специализирующихся на изучении ономастики фантастической литературы. Под ономастическим пространством в настоящей работе понимается совокупность собственных имён художественного текста, функционирующих как целостная семиотическая система, обладающая внутренней структурной иерархией и репрезентирующая авторскую модель художественного мира. В исследовании применяются три метода: семантический анализ, этимологический анализ и функционально-стилистический подход. Такой комплекс методов позволяет системно описать ономастическое пространство художественного текста и интерпретировать имена как значимые элементы авторской поэтики, особенно в фантастической и мифопоэтической литературе, где они часто становятся концептуальными узлами произведения.

В рамках фэнтезийного художественного дискурса имя собственное функционирует как полифункциональная ономастическая единица, сочетающая семантическую значимость с элементами языковой игры; данная двойственность обусловливает его активное участие в миромоделировании и формировании жанровой специфики произведения. Особый интерес представляют лингвистические особенности имен собственных в жанре фэнтези, отличающемся особой яркостью и богатством авторского ономастикона [Луговая 2006].

Цикл Терри Брукса Landover представляет собой показательный пример синтеза сказочной традиции, иронического фэнтези и современной англоязычной прозы и занимает особое место в англоязычном фэнтези второй половины XX века. В отличие от эпического фэнтези, ориентированного на миф и героику, Брукс использует ироническую модель повествования, в которой магический мир сосуществует с обыденным сознанием современного человека. В этом контексте система собственных имен приобретает двойственную природу: с одной стороны, она подчиняется канонам фэнтезийной традиции, с другой – намеренно разрушает их. Мир Ландовера формируется не только через описание ландшафта и магических законов, но и через тщательно выстроенную систему имен персонажей, топонимов и мифологических сущностей.

В своей статье В. Кольхайм рассматривает функции собственных имён в литературном тексте и утверждает, что их основная задача заключается не в идентификации, а в конституировании литературного персонажа и расширении семиотического потенциала художественного мира, что требует переоценки традиционных ономастических функций в контексте художественной деятельности [Kohlheim 2018, 81–92].

Антропонимическая система романа демонстрирует четкое противопоставление реального и фантастического миров. Главный герой, Бен Холидей, носит подчеркнуто «реалистичное» имя. Имя *Ben* относится к числу наиболее частотных англоязычных антропонимов, что создает эффект типичности. Фамилия Holiday обладает выраженной семантикой временного выхода из повседневности. Как отмечает А.А. Реформатский, в языке художественной литературы бывшее нарицательное значение имени может быть использовано характерологически, имя и фамилия персонажа могут быть элементом его характеристики [Реформатский 1967].

Персонажи Ландовера, в отличии от главного героя, имеют экспрессивные, стилистически маркированные имена. Так, Questor Thews представляет собой пример «говорящего имени», где лексема quest напрямую указывает на его функцию в сюжете. В новоанглийском языке термин *quest* устойчиво ассоциируется со значением «путешествие или усилие в погоне за целью» (преимущественно амбициозной или героической).

Слово *quest* в современном английском языке обладает следующими основными значениями: поиск, стремление к цели (часто с героическим или амбициозным оттенком) — например, the hero’s quest («поиск/миссия героя»); задание, миссия (особенно в контексте игр, квестов) — например, to complete a quest («выполнить задание»); расследование, дознание (архаичное или юридическое значение) — например, inquest (производное от quest, означает «дознание», «следствие»). В этимологическом словаре Э. Уикли значение слова quest определяется как knight’s enterprise. Этот семантический аспект позволяет интерпретировать образ героя как комический, несмотря на принадлежность к магическому ремеслу, персонаж обнаруживает недостаток умений и опыта [Weekley 1921, 1184].

Семантические связи и ассоциации: концепты путешествия, испытания, преодоления препятствий; связь с архетипом героя, мифологическими и литературными сюжетами (поиск Святого Грааля, подвиги Геракла и т. п.); в современной культуре – связь с видеоиграми, RPG (role-playing games), где quest – стандартное задание для игрока.

Особый интерес представляет персонаж Abernathy, говорящий пес и по совместительству придворный юрист. Его имя, заимствованное из реальной антропонимии, вступает в семантический конфликт с образом персонажа, создавая комический эффект. Имя Abernathy имеет кельтские корни и происходит из гэльского языка. Оно состоит из двух частей:

Aber – в гэльском и валлийском языках означает «устье реки», «слияние вод». Этот топонимический элемент часто встречается в географических названиях Британии и Ирландии. Компонент aber- в кельтских языках также традиционно интерпретируется как «устье реки», «слияние вод», что в символическом плане связано с идеями перехода, пограничности и соединения различных начал. Вторая часть имени указывает на локально-родовое происхождение.

Nathy (или Nathyre) – производная от гэльских имён, связанных с понятием «битва», «воин» (например, Nathair — «змей», метафорически ассоциирующийся с воином). [Etymonline.com]

В англоязычном культурном пространстве фамилия Abernathy воспринимается как маркер древности рода, устойчивости традиций и исторической преемственности. Эти ассоциации актуализируются в художественном тексте и влияют на восприятие персонажа читателем.

Ономастика романа Magic Kingdom for Sale – SOLD! представляет собой сложную систему, органично встроенную в художественную структуру произведения. Имена собственные выполняют ключевую роль в формировании мира Ландовера, раскрытии характеров персонажей и выражении авторской иронии. Анализ показывает, что Терри Брукс использует ономастику как полноценный художественный инструмент, что подтверждает высокую лингвистическую значимость его творчества.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990 (1-е изд.- 1965). 543 с.

2. Горбаневский, М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М., 1988.

3. Луговая Е.А. Ономастикон виртуального пространства жанра “fantasy” в аспекте неологии. Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/onomastikon-virtualnogo-prostranstva-zhanra-fantasy-v-aspekte-neologii (дата обращения: 06.01.2026).

4. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967.

5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.

7. Etymonline.com. Online Etymology dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/Aber (дата обращения: 07.01.2025).

8. Kohlheim, V. Proper names in literature: A “reevaluation of all values”. Onoma. Journal of the International Council of Onomastic Sciences. 2018 URL: https://doi.org/10.34158/ONOMA.53/2018/6 (дата обращения 06.01.2026).

9. Weekley E. An etymological dictionary of modern English / E. Weekley. London : J. Murray, 1921. 500 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Узолина Наталья Владимировна
старший преподаватель кафедры зарубежной филологии и прикладных коммуникаций Российского государственного гидрометеорологического университета
SPIN-код: 7542-7770,
e-mail: uzolina@gmail.com

Uzolina Natalia Vladimirovna,
Senior Lecturer at the Department of Foreign Philology and Applied Communications Russian State Hydrometeorological University

SPIN-code: 7542-7770,
e-mail: uzolina@gmail.com

УДК 811.161.1`373.2

С. А. Попов
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: spo@bk.ru

А. В. Шемонаева
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail:Shema6alina@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»

Статья представляет собой комплексное филологическое исследование, посвящённое анализу ономастикона повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» как ключевого инструмента конструирования её уникального пародийно-утопического художественного пространства. Цель работы заключается в доказательстве тезиса о том, что система имён собственных (поэтонимов) выступает в тексте не только как средство характеристики, но и выполняет фундаментальные текстообразующую, жанрообразующую и идеологическую функции, формируя саму модель мира произведения. Методология исследования основана на структурно-семантическом, интертекстуальном и мотивном анализе ономастических единиц в рамках поэтики художественного текста. В работе последовательно и детально исследуются два уровня ономастикона: топонимы (город *Соловец*, улица *Лукоморье*, музей «*ИЗНАКУРНОЖ*», аббревиатура *НИИЧАВО* и названия его отделов), которые создают гротескный хронотоп на стыке научного, бюрократического и сказочного дискурсов, и антропонимы (*Привалов, Выбегалло, Невструев, Киврин, Хунта*), служащие механизмами сатирической типизации, пародии и философской рефлексии. Делается вывод о том, что ономастическая система является центральным семиотическим механизмом повести, обеспечивающим синтез острой социальной сатиры на научный утопизм, глубокой литературно-фольклорной игры и культурной рефлексии, раскрывая авторскую критику технократического мышления через игру с культурными кодами.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, топоним, хронотоп, литературная ономастика, поэтоним, братья Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу», художественное пространство, утопия, сатира, интертекстуальность.

S. A. Popov
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: spo@bk.ru

A.V. Shemonaeva
Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)
e-mail: Shema6alina@gmail.com

THE FUNCTIONING AND SIGNIFICANCE OF PROPER NAMES IN THE FORMATION OF THE ARTISTIC SPACE OF A. AND B. STRUGATSKY'S NOVELLA "MONDAY BEGINS ON SATURDAY"

The article is a comprehensive philological study devoted to the analysis of the onomasticon of A. and B. Strugatsky's novella "Monday Begins on Saturday" as a key tool for constructing its unique parody-utopian artistic space. The purpose of the work is to prove the thesis that the system of proper names (poetonyms) acts in the text not only as a means of characterization, but also performs fundamental text-forming, genre-forming and ideological functions, forming the very model of the world of the work. The research methodology is based on the structural-semantic, intertextual and motivic analysis of onomastic units within the framework of the poetics of a literary text. The work consistently and in detail examines two levels of the onomasticon: toponyms (Solovets city, Lukomorye Street,

© Попов С.А., Шемонаева А.В., 2026

IZNAKURNOZH Museum, the abbreviation NIICHAVO and the names of its departments), which create a grotesque chronotope at the junction of scientific, bureaucratic and fabulous discourses, and anthroponyms (Privalov, Vybegallo, Nevstruev, Kivrin, Junta), which serve as mechanisms satirical typification, parody, and philosophical reflection. It is concluded that the onomastic system is the central semiotic mechanism of the story, providing a synthesis of sharp social satire on scientific utopianism, deep literary and folklore games and cultural reflection, revealing the author's criticism of technocratic thinking through a game with cultural codes.

Keywords: onomastics, anthroponym, toponym, chronotope, literary onomastics, poetonym, Strugatsky brothers, "Monday begins on Saturday", artistic space, utopia, satire, intertextuality.

Фантастическая юмористическая повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», основанная на парадоксальном синтезе фольклорной поэтики и научного дискурса, является одним из наиболее своеобразных воплощений литературной утопии 1960х годов. Она давно признана классикой отечественной фантастики, в которой утопическая мечта о всемогуществе науке сталкивается с тонкой сатирой на научную бюрократию. Одним из ключевых инструментов для построения этого уникального художественного мира стала ономастика.

Ономастическое пространство повести «Понедельник начинается в субботу» представляет собой целостную, продуманную художественную модель мира, где магия систематизирована, ежедневно изучается учёными и поставлена на службу обществу, как и другие науки. Эта художественная пространство построено на антиномии рационального и иррационального, и ономастикон становится главным выражением этого противостояния. Её функционирование можно рассмотреть на двух основных уровнях: топонимы и антропонимы.

Топонимы в повести формируют многослойное пространство, где сталкиваются и взаимопроникают сказочный архаический миф, советская научная институция и литературная традиция. Их основная функция – создание гротескного хронотопа, в котором абсурд становится нормой.

1. Город Соловец: семантика культурной границы. Вымышленный город Соловец является ключевой пространственной координатой. Как отмечал Борис Стругацкий, в названии «соединились и Соловецкие острова, и Соловей-разбойник» [Стругацкий 2023 : 27; OFF-LINE интервью…]. Название функционирует как интертекстуальный поэтоним [Калинкин 1999 : 108–124], построенный на контаминации двух культурных кодов:

• **Историко-географический код:** отсылка к Соловецким островам – месту, воспринимаемому как удалённый, особый «заповедник» с суровой и богатой историей. Это задаёт модель «закрытого института», изолированного от обыденности.

• **Фольклорно-мифологический код:** фонетическая связь с Соловьём-разбойником из былинного эпоса. Этот код вносит смыслы хаоса, непредсказуемости и «разбойничьей» свободы, которые пародийно проецируются на стихийную магическую деятельность института.

Таким образом, топоним «Соловец» выполняет *жанро-* и *текстообразующую функцию*, сразу задавая установку на синтез реалистичного («научный городок») и сказочно-фантастического.

2. Улица Лукоморье и музей «ИЗНАКУРНОЖ»: модель перехода. Данные топонимы непосредственно реализуют мотив границы между мирами.

Улица Лукоморье – поэтоним, заимствованный из пушкинского текста. Он активизирует в читательском сознании целостный сказочный комплекс. Этимология топонима («изогнутый берег водоёма») и его мифологическая семантика (место схождения «яви» и «нави» – материального мира людей и мира мёртвых, загробного мира в славянской мифологии [Настольный словарь… 1864 : 736]) усиливают значение границы. Со стороны реальности «Лукоморье» – это обычная улица, на которой стоят обычные (почти) дома. То, что улицу назвали сказочным местом, говорит читателю о том, что начинается смешение реальностей и чудо становится обыденностью. Происходит ослабление сказки и искажение реальности.

«Улица Лукоморье» – граница. Эта первая явная сказочная единица, которая встречается в произведении и служит сигналом для читателя, говоря, что граница между сказкой и реальностью

начинает размываться. В контексте повести это название выполняет сюжетообразующую функцию: бытовизация чуда начинается именно здесь, знаменуя переход главного героя из мира обыденности в мир магии.

Музей «ИЗНАКУРНОЖ» («Изба на курьих ножках») Научно-исследовательского института Чародейства и Волшебства (НИИЧАВО) на улице Лукоморье в городе Соловце. Место, где оставляют на ночлег главного героя Сашу Привалова [Стругацкий 2023 : 22–26]. В тексте повести он предстает перед нами как трансформированный фольклорный поэтоним. В сказках «Избушка на курьих ножках» – это жилище Бабы-яги, находящееся на краю мира обычного и потустороннего. Поворачиваясь, она открывала дверь в мир мёртвых или живых. «Курьи ножки» могут происходить от куриных ног, что подчёркивает сказочность и необычность жилища. Также «курьи ножки» могли произойти от слова «курные», то есть окуренные дымом, ритуальные. На таких ножках в старину стоял гроб с мертвецом. Это ещё раз подчёркивает связь с границей миров [Ашукин 1986 : 274]. Являясь классическим сказочным атрибутом, избушка превращена в музей. Это метафора всего НИИЧАВО: магия становится объектом систематизации.

Музей «ИЗНАКУРНОЖ», формально являющийся эргонимом (названием учреждения), в художественной топографии повести выполняет функцию ключевого топонима, маркирующего точку перехода между мирами. Топоним здесь работает как *символический код*, обозначающий точку «посвящения» и входа в иную реальность: если улица Лукоморье – это явное выражение границы миров, то музей является пропускным пунктом. Привалов, оставаясь в избушке, словно проходит через досмотр, чтобы ему разрешили пересечь границу миров. Проводит герой в музее ночь, как бы проходя акт посвящения в другой мир, в новую реальность, в которой теперь он будет существовать.

3. НИИЧАВО и его отделы: оксюморон как основа сатиры. Аббревиатура НИИЧАВО (Научно-Исследовательский Институт Чародейства и Волшебства) – центральный *оксюморонный поэтоним* произведения. Его структура основана на столкновении рациональной, бюрократической формы («НИИ») и иррационального, сказочного содержания («ЧАВО»). В этом названии закодирована модель всего художественного мира повести. Фонетическая ассоциация с местоимением «ничего» вносит дополнительную ироническую ноту, ставя под сомнение реализуемость такой утопии.

Научно-исследовательский институт (НИИ) – совершенно обычное государственное учреждение, знакомое всем. *Чародейство и волшебство* (ЧАВО) – нечто сказочное, нереальное, мистическое. В этой аббревиатуре заключена модель всего мира «Понедельника…», где возможно всё, которая существует в реалиях СССР. Через «НИИЧАВО» показана реальность работ в НИИ, ведь прототипом стала Пулковская обсерватория, но это показано через призму соединения фантастики и обычного. В НИИЧАВО работники изучают магию и все формы её выражения, как неизученный раздел физики, показывая этим, что чародейство и волшебство тоже подчиняются законом. Но созвучие аббревиатуры со словом «ничего» напоминает нам, что такой утопии никогда не произойдёт.

Из этого можно сделать вывод, что «НИИЧАВО» – это столкновение логичного и нелогичного, рационального и иррационального, классическая концепция утопии, где магия – это такая же отрасль в науке.

Названия отделов НИИЧАВО (Отдел Линейного Счастья, Отдел Смысла Жизни, Отдел Абсолютного Знания, Отдел Предсказаний и Пророчеств) доводят это столкновение до абсурда, делая экзистенциальные, философские, иррациональные вопросы человечества плановыми темами научных отделов, что пародией на технократический утопизм, веру в возможность решения любых проблем через их институализацию и формализацию.

Отдел Линейного Счастья (заведующий – Фёдор Симеонович Киврин): попытка математизировать и стандартизировать экзистенциальное, субъективное понятие («счастье») – сатира на технократический утопизм.

Отдел Смысла Жизни (заведующий – Кристобаль Хозевич Хунта): институализация фундаментального философского вопроса, что является пародией на претензии науки дать окончательные ответы на все вопросы бытия.

Отдел Абсолютного Знания: ироничное обозначение недостижимого идеала научного познания. Исследует теоретические аспекты магии и как кривая относительного познания приближается к абсолютно истине.

Отдел Предсказаний и Пророчеств (место заведующего вакантно): абсурдность этого отдела в научном институте высмеивает сохраняющуюся веру в иррациональное даже в самой рационалистической системе. Этот отдел – захудалый и запущенный, но его не спешат закрывать. Он – пародия на многие странные и никак не относящиеся области во многих учреждениях, ведь предсказания и пророчества сами по себе ненаучны и привести их к какой-либо систематизации нельзя. Также заведующим таким отделом должен быть тот, кто имеет доступ к реальному будущему, а не его вероятности. Но тогда это будет противоречить сути НИИ, ведь в будущем, которое создаётся через науку и исследования, нет места пророку. Отдел – просто призрак ненужной части, которая до сих пор жива как надежда на то, что всё уже предрешено. Но закрыть отдел для НИИЧАВО – значит, признать то, что есть область в науке, которая не подвластна ей. Это недопустимо для утопической модели мира «Понедельника…».

Таким образом, топонимическое пространство повести представляет собой сложную семиотическую систему, где каждый элемент является поэтонимом с ярко выраженной оценочно-сатирической функцией. Через игру с культурными кодами (фольклор, литература, советская реальность) братья Стругацкие создают хронотоп, в котором критика научной бюрократии и утопического мышления облекается в форму гротескной сказки.

Система антропонимов в повести служит точным инструментом характеристики персонажей и выражения авторской позиции. Имена персонажей формируют собой продуманную систему поэтонимов, в которой каждые имя, отчество и фамилия выполняют характеризующую, оценочную и пародийную функцию.

Имя-проводник. Александр Привалов – герой-повествователь. Наиболее «нейтральный», реалистичный поэтоним. Имя «Александр» («защитник») получает ироническое прочтение: герой защищает не людей, а здравый смысл [Петровский 1966 : 45]. Фамилия «Привалов» (от «привалить», «прибиться») точно обозначает его сюжетную роль – случайного человека, «прибившегося» к институту. Наряду с другими фамилиями персонажей эта фамилия совершенно обычная, человеческая. Она не отражает пародии, не является мифологической или абсурдной. Через эту обычность мы, как читатели, можем почувствовать родство с Александром. Он новичок, сторонний наблюдатель, который становится проводником для нас в мир магии, ведь мы видим чудеса его глазами. Его реакция совершенно обычного человека на непонятное и неизвестное – недоверие, как и у любого читателя. Он задаёт вопросы такие же какие могли бы возникнуть у нас. Он сохраняет связь с реальностью олицетворяя человеческий взгляд на мир. Герой выполняет функцию читательского референта, через восприятие которого мы входим в абсурдный мир НИИЧАВО.

«Говорящие» имена-характеристики

Амвросий Амбруазович Выбегалло – заведующий лабораторией НИИЧАВО, маг-шарлатан, большой мастер демагогии и пускания пыли в глаза. Воплощение псевдонауки, бюрократического карьеризма.

Имя «Амвросий» (греч. – ‘божественный, бессмертный’) в тавтологичном сочетании с отчеством «Амбруазович» создаёт пародийный образ напыщенного позёра, претендующего на элитарность [Петровский 1966 : 48]. Фамилия «Выбегалло» прямо отсылает нас к глаголу «выбегать», точно характеризуя суть деятельности персонажа – бесплотную суету, демагогию и создание вида бурной деятельности.

Поэтоним работает как ёмкая сатирическая формула. Контраст между возвышенными именем с отчеством и фамилией создаёт иронию, разоблачающую тип псевдоучёного-демагога, чьи разрушительные и абсурдные идеи проектов служат лишь карьерному продвижению.

Янус Полуэктович Невструев – директор НИИЧАВО. Существует в двух личностях (А-Янус и У-Янус) одновременно. Никогда не помнит того, что происходило вчера, зато во всех подробностях осведомлен о событиях завтрашнего дня [Стругацкий 2023 : 105].

Его имя отсылает к древнеримскому богу Янусу, что изображался с количеством пальцев, равным дням в году, и с двумя лицами. Это точно отражает двойственную природу героя: выдающийся учёный, не помнящий при этом события прошлого дня и посредственный администратор, который с каждым годом больше походит на настоящего учёного. Этот образ символизирует столкновение двух миров – уходящей традиционной магии и рождающейся рациональной науки.

Искусственно созданное отчество «Полуэктович» приставкой «полу» подчёркивает неполноценность и внутренний раскол героя – каждая из личностей является половиной одного целого. Фамилия «Невструев» образована от отрицательной частицы «не-» и глагола «встраивать», отражая этим невозможность вписать героя в рамки обычного и привычного, в логику и ход времени.

Поэтоним Януса Полуэктовича является символическим конструктом, воплощая философскую проблему времени и идентичности.

Имена-аллюзии: диалог с культурой

Фёдор Симеонович Киврин – заведующий отделом Линейного Счастья. Списан с реального лица, сотрудника Пулковской обсерватории, и одного из начальников Бориса Стругацкого. Имя «Фёдор» (от греческого theos – ‘бог’ и döron – ‘дар’) на Руси традиционно входило в число популярных имён, особенно среди высших слоёв населения – царей, бояр, епископов. Отчество «Симеонович» происходит от имени «Симеон», которое в свою очередь – производное от имени «Семён» [Петровский 1966 : 199], которое в переводе с древнееврейского имеет значение ‘услышанный’.

Архаичное и благородное сочетание имени и отчества подчёркивает глубокую связь с магией у персонажа не как с наукой, а как с природным даром или ремеслом. Этот поэтоним представляет собой важную *характерологическую функцию* противопоставляя органичное знание Киврина мертвящей бюрократии.

Кристобаль Хозевич Хунта – маг-практик, один из самых эксцентричных сотрудников НИИЧАВО, доктор самых неожиданных наук. Его имя создаёт сложный интертекстуальный образ.

Сочетание имени «Кристобаль» (исп. *Christophorus* – ‘несущий Христа’) и отчества «Хозевич» (от *Xoce* – ‘Бог приумножит’) формирует символическое значение ‘несущий и преумножающий знания’, выделяя героя как носителя абсолютного знания. Однако его фамилия Хунта (*junta* – ‘коллегиальный орган власти’) вступает в комический конфликт с одиночеством персонажа и его одержимостью ответами на интересующие его вопросы, создавая ироничный контраст. Поэтому поэтоним-оксюморон «Кристобаль Хозевич Хунта» выполняет *пародийную функцию*, создавая ироничный образ «учёного-мессии», высмеивая научный мессианизм.

Антропонимическая система повести представляет собой тщательно выстроенную иерархию поэтонимов, где каждый тип имени соответствует определённой роли в художественной структуре. «Говорящие» имена служат прямым сатирическим разоблачением, имена-аллюзии создают плотный культурный фон и интеллектуальную игру, а имя главного героя обеспечивает точку идентификации для читателя. В совокупности они образуют целостный образ научного сообщества, увиденного через призму пародии и философской рефлексии.

Таким образом собственные имена являются системообразующим элементом в формировании художественного пространства повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу», выступая как системообразующий элемент. Топонимы, построенные на интертекстуальных отсылках, конструируют научно-сказочный хронотоп, где рациональное и иррациональное находятся в постоянном диалоге-противостоянии. Антропонимы реализуют сатирическую и философ-

скую программу авторов, высмеивая бюрократизм, псевдонауку и утопическую веру во всемогущество научного подхода. Ономастикон повести выступает как мощный инструмент реализации авторского замысла, позволяя совместить острую социальную сатиру, литературную игру и глубокую культурную рефлексию.

Библиографический список

1. OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким. Февраль 2003 / OFF-LINE ИНТЕРВЬЮ: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rusf.ru/abs/int0053.htm (дата обращения – 06.02.2025).
2. Ашукин, Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Москва: Правда, 1986. 766 с.
3. Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
4. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). В 3 томах. Т. 2. / под. ред. Ф. Толя, при деятельном сотрудничестве В. Волленса. Санкт-Петербург: тип. и лит. И. Паульсона и комп, 1864. 1132 с.
5. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. Москва: Советская Энциклопедия, 1966. 384 с.
6. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Понедельник начинается в субботу (Сказка для научных сотрудников младшего возраста) / пред. и коммент. Марины Алферовой; рисунки Дмитрия Никулушкина. Москва: АСТ, 2023. 352 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, доцент кафедры издательского дела Воронежского государственного университета,
SPIN-код: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

Popov Sergey Alexandrovich,
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Relations, Advertising and Design, Associate Professor of the Department of Publishing at Voronezh State University,
SPIN-код: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

Шемонаева Алина Викторовна,
Студент 4 курса направления 42.03.03 «Издательское дело» филологического факультета Воронежского государственного университета,
e-mail: Shema6alina@gmail.com

Shemonaeva Alina Viktorovna,
4th year student of the 42.03.03 direction "Publishing" of the Philological Faculty of Voronezh State University,

e-mail: Shema6alina@gmail.com

УДК: 81373.2

Ф.Ш. Пашаева Юнус
Кавказский университет
(Карс, Турция)
e-mail: firanqiz@mail.ru

БЕЗЫМЯННОСТЬ И ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ В РОМАНАХ ЖОЗЕ САРАМАГО: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ПЕРЕБОИ В СМЕРТИ» И «ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИИСУСА»)

В статье рассматривается философия имени и стратегия безымянности в романах Жозе Сарамаго «Перебои в смерти» и «Евангелие от Иисуса». Предметом исследования является функционирование собственных имён и отсутствие номинации как значимый художественный приём в структуре повествования. Цель работы заключается в выявлении философских, семантических и нарратологических функций имени и безымянности в художественном мире писателя. Методологическую основу исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, включающий ономастический анализ, семантико-интерпретативный, нарратологический и сравнительный методы, а также элементы философской герменевтики. В результате исследования установлено, что имя в прозе Сарамаго утрачивает исключительно идентифицирующую функцию и приобретает экзистенциальное и метафизическое значение, а безымянность персонажей служит средством универсализации образов и критики языковых механизмов власти. Показано, что стратегии номинации и самономинации связаны с проблемами идентичности, ответственности и свободы выбора. Материалы статьи могут быть использованы в исследованиях по литературной ономастике, философии языка, а также в университетских курсах по современной зарубежной литературе.

Ключевые слова: имя, безымянность, ономастика, философия языка, Жозе Сарамаго, идентичность, нарратология.

F. Sh. Pashayeva Yunus
Caucasus University
(Kars, Türkiye)
e-mail: firanqiz@mail.ru

NAMELESSNESS AND THE PHILOSOPHY OF THE PROPER NAME IN THE NOVELS OF JOSE SARAMAGO: AN ONOMASTIC AND PHILOSOPHICAL–LITERARY ANALYSIS (BASED ON THE NOVELS *DEATH WITH INTERRUPTIONS* AND *THE GOSPEL ACCORDING TO JESUS CHRIST*)

The article examines the philosophy of proper names and the strategy of namelessness in José Saramago's novels *Death with Interruptions* and *The Gospel According to Jesus Christ*. The object of the study is the functioning of personal names and the absence of nomination as a meaningful literary device within the narrative structure. The aim of the research is to reveal the philosophical, semantic, and narratological functions of names and namelessness in Saramago's literary world. The methodological framework is based on a complex interdisciplinary approach combining onomastic analysis, semantic-interpretative and narratological methods, comparative analysis, and elements of philosophical hermeneutics. The study demonstrates that in Saramago's prose proper names lose their purely identificatory function and acquire existential and metaphysical meanings, while namelessness serves as a means of universalization and a critique of linguistic mechanisms of power. It is shown that strategies of nomination and self-nomination are closely connected with the problems of identity, responsibility, and freedom of choice. The results of the study can be applied in literary onomastics, philosophy of language, and academic courses on contemporary world literature.

Keywords: proper name, namelessness, onomastics, philosophy of language, José Saramago, identity, narratology.

Имя в художественном тексте традиционно осмысляется как элемент номинации и идентификации персонажа. Однако в литературе второй половины XX века, особенно в философской прозе, имя всё чаще проблематизируется и утрачивает статус нейтрального знака.

© Ф.Ш. Пашаева Юнус, 2026

В романах Жозе Сарамаго имя становится объектом рефлексии, а безымянность — осознанной эстетической и философской стратегией. Сарамаго последовательно демонстрирует, что имя может выступать формой символического насилия, механизмом предзаданности и инструментом власти. В этом смысле его проза соотносится с тем направлением философии языка и литературы, которое рассматривает имя как нестабильный, исторически и идеологически нагруженный знак (Беньямин, Барт). Цель данной статьи — показать, что в романах «Евангелие от Иисуса Христа» и «Перебои в смерти» имя и безымянность функционируют как ключевые категории философского осмысления человеческого существования. В основе исследования лежит междисциплинарный подход, объединяющий литературную ономастику, философию языка и нарративную герменевтику. В отличие от классических антропонимических работ, внимание сосредоточено не на этимологии имён, а на их семантической и символической функции в тексте.

Концепция имени как носителя исторической и метафизической нагрузки восходит к Вальтеру Беньямину, для которого имя является первичной формой языка и способом соотнесения человека с миром. В работе «О языке вообще и о языке человека» он утверждает, что «языковая сущность вещей есть их язык» [Беньямин 2012: 72–75], а высшим проявлением этой сущности в человеческом мире становится акт именования. Имя не сообщает информацию о вещи – в имени язык «сообщает сам себя», выступая медиумом духовной сущности. Именно поэтому имя, по Беньямину, есть «язык языка», место, где язык достигает своей предельной полноты и непосредственности. Утрата подлинного значения имени ведёт к его превращению в пустую метку – симптом современной эпохи, в которой слово отрывается от своей онтологической глубины и превращается в условный знак. Этот тезис принципиален для анализа прозы Жозе Сарамаго, где имя либо гипертрофировано (Иисус), либо намеренно устранено. В «Евангелии от Иисуса» имя главного героя повторяется с навязчивой регулярностью, утрачивая индивидуализирующую функцию и превращаясь в тяжёлую историко-религиозную конструкцию, определяющую судьбу персонажа до его личного выбора. Имя здесь не обозначает человека – оно предшествует ему и подчиняет его своей семантике. В «Перебоях в смерти», напротив, устранение собственных имён демонстрирует обратный процесс: лишённый имени персонаж теряет не индивидуальность, а связь с языковой структурой мира. Тем самым Сарамаго на художественном уровне воспроизводит то, о чём пишет Беньямин: имя не является внешней меткой, а представляет собой форму существования человека в языке. Отсюда в романах Сарамаго имя и безымянность выступают не как противоположности, а как два способа проявления одного и того же языкового закона: либо язык чрезмерно нагружает человека историей имени, либо, устраняя имя, обнажает зависимость человеческой идентичности от самого акта именования.

Нарративная идентичность осмысляется с опорой на идеи Поля Рикёра, согласно которым идентичность субъекта формируется в процессе повествования о себе: «рассказанная история говорит о „кто?“ деятельности» [Рикёр 2008: 172]. Повествование, по Рикёру, «созидает идентичность персонажа» [Рикёр 2008: 180]. При этом акт называния выступает формой «вписывания» личности в социальную и повествовательную реальность [Рикёр 2008: 74–75]. Отсутствие имени в этом контексте означает разрыв между личностью и повествованием, утрату возможности быть субъектом истории, когда исчезает сам ответ на вопрос «кто я?» [Рикёр 2008: 201]. У Сарамаго отсутствие имени делает персонажа не индивидуальностью, а частью системы. Такой герой не может быть субъектом своей истории, он становится элементом обезличенного повествования, в котором действуют не люди, а институты власти.

Интертекстуальная природа имени в романе Сарамаго может быть осмыслена через концепцию текста как «мозаики цитат», предложенную Ю. Кристевой [Кристева 2000], согласно которой любой знак художественного текста уже включён в систему предшествующих культурных текстов.

Наконец, идеи Р. Барта позволяют рассматривать имя как элемент мифа – вторичной семиотической системы, в которой знак утрачивает историческую конкретность и начинает обслуживать идеологию. Барт подчёркивает, что «миф есть вторичная семиологическая система» [Барт 1996: 78], в которой первичный знак становится лишь формой для нового, идеологически нагруженного значения. В результате «смысл опустошается, обедняется, из него уходит история» [Барт 1996: 82].

В этом контексте имя Иисуса в романе Сарамаго может быть рассмотрено как мифологема. Оно уже не функционирует как историческое имя конкретного человека, а как знак, «похищенный языком мифа» [Барт 1996: 85], скрывающий под собой сложную человеческую драму. Сарамаго, возвращая персонажу телесность, сомнения, страх и любовь, разрушает мифологическую оболочку имени и возвращает ему утраченный исторический и человеческий смысл.

Таким образом, в терминах Барта, автор производит «демифологизацию» имени, извлекая его из идеологической вторичной системы и возвращая в пространство человеческого существования.

Имена персонажей в романе «Евангелие от Иисуса»: ономастическая стратегия Жозе Сарамаго

В романе «Евангелие от Иисуса» система собственных имён функционирует не как нейтральный идентификационный механизм, а как особый нарративный инструмент, посредством которого автор выстраивает историческую достоверность, иерархию персонажей и семантическую нагрузку образов. Сарамаго последовательно обращается к дофамильной антропонимической модели, характерной для античного и раннехристианского общества, в которой имя собственное нуждается в уточняющих компонентах –топонимических и патронимических. Одним из ключевых ономастических приёмов романа является добавление к личному имени географического указания: Иисус из Назарета, Иосиф из Аримафеи, Симон из Кирены, Иуда из Галилеи, Мария Магдалина. Эти конструкции отражают историческую реальность эпохи, в которой фамилия как устойчивая наследуемая единица ещё не сформирована, а идентификация осуществляется через связь человека с местом рождения или проживания.

Сарамаго специально подчёркивает «примитивность» подобного способа именования, указывая, что подобные определения не являются стилистическим архаизмом, а воспроизводят реальную антропонимическую практику. Тем самым имя приобретает пространственную привязку и фиксирует персонажа в историческом времени. Как отмечал Р. Барт, собственное имя в тексте всегда несёт «избыточный смысл», выходящий за пределы простой номинации; в данном случае этим смыслом становится география как элемент судьбы. Особенно показателен спор между Иисусом и Марией Магдалиной о том, является ли он галилеянином. Здесь топоним перестаёт быть внешним маркером и превращается в предмет рефлексии: имя с географическим компонентом оказывается подвижным и зависимым от интерпретации, что разрушает иллюзию устойчивой идентичности.

Вторая важная группа имён – патронимические конструкции: Иисус, сын Иосифа; Иаков, сын Зеведея; Иаков, сын Алфея; Иосиф, сын Илии. Эти формы отражают социальную модель, в которой личность определяется прежде всего через родственную связь, а не через индивидуальную автономию. Патроним здесь выполняет не только различительную функцию, но и нарративную: он подчёркивает включённость персонажа в цепь поколений и одновременно ограниченность его свободы. В этом смысле имя фиксирует человека внутри структуры происхождения, что соотносится с идеей П. Рикёра о «нарративной идентичности», формируемой через рассказ о происхождении и принадлежности. Однако у Сарамаго эта идентичность не укрепляется, а, напротив, становится проблематичной: имя напоминает о происхождении, от которого персонажи пытаются дистанцироваться.

Особое место занимает антропоним *Мария Магдалина*. Повторяемость имени *Мария* в романе делает необходимым дополнительный дифференцирующий элемент – топоним *Магдалина*, указывающий на происхождение из Магдалы. С ономастической точки зрения, это классический пример ранней топонимической «протофамилии».

Этимология имени *Мария* многозначна и допускает противоречивые интерпретации – от «чистоты» и «избранности» до «горечи» и «упрямства». Сарамаго использует эту семантическую размытость, чтобы противопоставить Марию Магдалину матери Иисуса: одно и то же имя перестаёт быть гарантом тождественности. Здесь имя функционирует как «пустой знак», наполняемый контекстом, что перекликается с идеей Ю. Кристевой о подвижности значения в интертекстуальном пространстве.

Наиболее радикальный ономастический жест романа связан с персонажем, названным *Пастух,* – дьяволом, который отказывается назвать своё истинное имя и заменяет его обозначением профессии. Самоименование *Пастух* является стратегией сокрытия: имя здесь осознаётся как носитель социально закреплённого значения, от которого персонаж стремится уйти. Отказ от имени демонстрирует, что в мире романа имя не нейтрально: оно несёт моральную и культурную нагрузку. Именно поэтому имя *Люцифер*, несмотря на свою исходную поэтическую семантику («несущий свет»), оказывается полностью вытесненным. В терминах В. Беньямина имя здесь утрачивает свою «чистую номинативность» и становится знаком осуждения.

Таким образом, имена персонажей в романе *Евангелие от Иисуса* образуют не вспомогательный, а концептуальный слой текста. Сарамаго демонстрирует процесс формирования именования, его нестабильность и зависимость от социального, пространственного и нарративного контекста. Имя в романе – это не результат, а процесс, не данность, а проблемное поле.

В отличие от романа «Перебои в смерти», где доминирует стратегия безымянности, в «Евангелии от Иисуса» Сарамаго конструирует сложную иерархию имён, в которой каждое имя не просто идентифицирует персонажа, но функционирует как носитель культурной памяти, библейского интертекста и авторской переинтерпретации. В романе «Евангелие от Иисуса» Сарамаго выстраивает сложную систему антропонимической номинации, в которой тип имени напрямую определяет способ интерпретации персонажа и его место в повествовании.

Библейские канонические имена – Иисус, Иосиф, Мария – вводятся в текст как носители устойчивой культурной памяти. Их узнаваемость создаёт мощную интертекстуальную опору на Священное Писание и заранее формирует у читателя определённые ожидания относительно роли и статуса персонажей. Однако по мере развития сюжета эти ожидания систематически разрушаются: знакомые имена оказываются связаны с человеческой слабостью, сомнением, страхом и бытовой повседневностью, что приводит к эффекту десакрализации через переосмысление канона. Патронимическая номинация (Иисус, сын Иосифа; Иосиф, сын Илии) восходит к древнееврейской традиции именования и выполняет функцию социальной и родовой идентификации. В романе она принципиально смещает акцент с божественного происхождения на человеческое: персонажи оказываются включёнными в цепочку поколений, в структуру родства и земной истории. Имя здесь фиксирует не избранность, а происхождение, подчёркивая телесность и историчность фигуры Иисуса.Топонимическая номинация (Иисус из Назарета) вводит географический маркер как средство идентификации. Сакральная фигура оказывается привязанной к конкретному месту, что создаёт эффект локализации и одновременно десакрализации: имя перестаёт указывать на трансцендентность и начинает функционировать как указание на пространственную принадлежность. Функционально-религиозная номинация (ангел, пастух, пророк) строится на обозначении роли, а не личности. Подобный тип именования типизирует персонажей и сводит их к выполняемой функции внутри религиозного дискурса. Личность растворяется в роли, а имя перестаёт быть

маркером индивидуальности. Особое значение имеет множественная номинация одного и того же персонажа: Иисус, Иисус из Назарета, сын Иосифа. Разные формы имени возникают в разных дискурсивных контекстах и демонстрируют расщепление идентичности героя. Имя оказывается нестабильным и зависимым от точки зрения повествования. Показательно также отсутствие личного имени у высших сил – Бог и Дьявол чаще выступают без индивидуализирующих обозначений. Такая номинация носит характер намеренной абстракции и приводит к деперсонализации сакральных фигур. Наконец, сакральное имя Бог подвергается в романе переинтерпретации. Оно сохраняет традиционную форму, но утрачивает привычный статус: дистанция между божественным и человеческим стирается, а имя начинает функционировать как объект авторской деконструкции. Таким образом, разные типы антропонимической номинации в романе не просто обозначают персонажей, а формируют особый способ их понимания, превращая имя в один из ключевых инструментов смыслообразования.

В романе имя перестаёт быть фиксированным знаком и превращается в поле смыслового напряжения. Например, имя Jesus функционирует одновременно:

-как историческое имя человека,

- как религиозный символ,

- как нарративный конструкт, лишённый догматической завершённости.

Частое использование патронимических конструкций («son of Joseph») систематически подчёркивает человеческое происхождение героя, вытесняя традиционное христологическое толкование. Это соответствует общей стратегии Сарамаго – переноса сакрального в плоскость антропологического. Несмотря на внешнее изобилие имён, роман активно использует латентную безымянность. Бог, дьявол, ангелы лишены собственных имён в антропонимическом смысле и обозначаются через обобщающие номинации, что лишает их индивидуальности и сближает с человеческими персонажами. Таким образом, в *«Евангелии от Иисуса»* Сарамаго не отменяет имя, как в «Перебоях в смерти», но лишает его трансцендентной устойчивости, превращая в подвижный, интерпретируемый элемент текста.

Ономастическая организация романа «Перебои в смерти»

В романе «Перебои в смерти» Жозе Сарамаго выстраивает особую систему номинации, основанную на принципиальном отказе от собственных имён. Эта стратегия не является стилистической прихотью, а выполняет чётко определённые семантические и структурные функции, формируя альтернативную ономастическую модель художественного мира. В анализируемом романе система номинации персонажей построена на принципиальном отказе от традиционной антропонимической модели, в которой собственное имя выполняет функцию индивидуальной идентификации. Вместо личных имён Сарамаго последовательно использует иные типы обозначений, каждый из которых обладает самостоятельной ономастической функцией и формирует специфический семантический эффект. Функционально-должностная номинация (премьер-министр, кардинал, директор телевидения) подменяет имя социальной ролью. Персонаж обозначается не как индивидуальный субъект, а как носитель определённой институциональной функции. В результате происходит деперсонализация: человек редуцируется до выполняемой им роли, а его личностное измерение оказывается исключённым из повествовательного поля. Институциональная номинация (комиссия, государство, церковь) распространяет принцип безымянности на коллективные структуры. Здесь исчезает не только индивидуальность, но и персональная ответственность. Действие переносится в плоскость анонимных механизмов власти, где субъект растворяется в безличной системе. Описательная номинация (старик, больная, ребёнок) основывается на физических или возрастных характеристиках. Отказ от индивидуального идентификатора приводит к универсализации персонажей: они воспринимаются не как конкретные личности, а как типы, репрезентирующие обобщённое человеческое состояние. Музыкально-профессиональная номинация (виолончелист) демонстрирует промежуточную форму между полной анонимностью и индивидуализацией. Профессия указывает на уникальность персонажа, однако отсутствие имени

сохраняет его в зоне принципиальной безымянности. Особое место занимает абстрактная ономастическая фигура – смерть, обозначаемая со строчной буквы. Здесь происходит радикальное переосмысление статуса собственного имени: понятие, традиционно наделяемое метафизическим и онтологическим весом, утрачивает привилегированное положение и оказывается включённым в общий ряд номинаций.Таким образом, имя в романе утрачивает свою классическую идентификационную функцию и перестаёт быть маркером индивидуальности. Его место занимают номинации, производные от социального, телесного или институционального статуса, что принципиально трансформирует антропологическую модель текста и выстраивает мир, в котором личность оказывается подчинена роли, функции и системе.

Функции безымянности в романе следующие:

1. Онтологическая функция. Безымянность подчёркивает неустойчивость человеческого существования в мире без смерти. Если смерть — предел, то имя — его отражение в языке. Устранение предела делает имя необязательным.
2. Нарративная функция. Отказ от имён позволяет Сарамаго избежать психологизации персонажей и сосредоточиться на системных реакциях общества, а не на частных судьбах.
3. Семиотическая функция. Имя перестаёт быть знаком «я» и превращается в пустой маркер. Это демонстрирует разрыв между языком и бытием.
4. Идеологическая функция. Безымянность разоблачает иллюзию уникальности власти, религии и институций: перед смертью все номинации равны.

Парадоксально, но единственный устойчиво номинируемый субъект – Смерть – лишён традиционного графического оформления собственного имени. Написание со строчной буквы разрушает представление о ней как о персонифицированной трансцендентной силе и превращает её в элемент ономастической системы, подчинённый тем же правилам, что и остальные номинации. В этом смысле Смерть у Сарамаго не возвышается над человеком, а включается в общий ряд безымянных сущностей.

В романах Жозе Сарамаго имя персонажа перестаёт выполнять исключительно идентифицирующую функцию и превращается в философский инструмент осмысления человеческого существования. Писатель систематически подрывает традиционное представление об имени как о стабильном знаке личности, выдвигая на первый план либо его утрату, либо его условность. В этом отношении сарамаговская поэтика имени соотносится с пониманием имени как проблематичного знака, утратившего сакральную прозрачность, о чём писал В. Беньямин, рассматривая разрыв между именованием и сущностью в постмифологическом языке.

В романе «Перебои в смерти» отсутствие собственных имён у персонажей является не стилистической эксцентричностью, а принципиальной философской позицией. Персонажи обозначаются через социальные функции, профессии или институциональные роли (премьер-министр, кардинал, начальник полиции, виолончелист), что подчёркивает редукцию личности до дискурсивной функции. Имя здесь не раскрывает индивидуальность, а, напротив, маскирует её, превращая человека в элемент безличного механизма власти и порядка. В этой логике имя выступает как форма символического контроля, что сближает позицию Сарамаго с бартовским пониманием имени как мифологизированного знака, закрепляющего социальные конструкции.

Особое значение приобретает фигура Смерти — единственного персонажа, обладающего «именем», которое, однако, не индивидуализирует, а обозначает абстрактную категорию. Более того, это имя намеренно пишется со строчной буквы, что разрушает иерархию между собственным и нарицательным. Таким образом, имя утрачивает статус уникального маркера субъекта и превращается в подвижный знак, подверженный смысловым сдвигам. Подобная нестабильность имени коррелирует с идеей П. Рикёра о нарративной идентично-

сти, согласно которой личность не дана изначально, а формируется в процессе повествования и может радикально трансформироваться.

В «Евангелии от Иисуса» проблема имени получает иную, но концептуально связанную разработку. Здесь имя оказывается не просто знаком, а полем напряжения между властью, языком и индивидуальным сознанием. Самоименование персонажа как «Пастора» вместо раскрытия истинного имени демонстрирует отказ от навязанной идентичности и попытку ускользнуть от заранее заданного семантического кода. Имя «Люцифер», обладающее богатой этимологией и первоначально позитивной семантикой, оказывается стигматизированным культурной традицией, что наглядно демонстрирует зависимость имени от интертекстуального контекста и коллективной памяти, о чём писала Ю. Кристева.

Таким образом, в романах Сарамаго имя функционирует не как нейтральный элемент ономастической системы, а как философская категория, связанная с проблемами власти, языка, идентичности и интерпретации. Именование и безымянность образуют у писателя не бинарную оппозицию, а динамическое поле смыслов, в котором имя может как порабощать, так и освобождать, а его утрата становится не исчезновением личности, а условием нового способа существования в тексте и мире.

Библиографический список

1.Барт Р. Мифологии / Пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический проект, 1996. 312 с.

2.Беньямин В.О языке вообще и о языке человека // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения : сб. ст. / пер. с нем. И. Болдырева и др.; филол. ред. А. В. Белобратов; сост. и послесл. И. Чубаров, И. Болдырев. М. : РГГУ, 2012. https://abuss.narod.ru/Biblio/benjamin1.htm (дата обращения – 02.02.206).

3.Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2000.

4.Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

5.Сарамаго Ж. *Евангелие от Иисуса* / пер. с португ. А. С. Богдановского. М.: Вагриус, 1999. 384 с.

6.Сарамаго Ж. *Перебои в смерти* / пер. с португ. А. С. Богдановского. М.: Эксмо, 2006. 256 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пашаева Юнус Фиренгиз Шахмуровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая отделением славянских языков и литератур,
Кавказский университет (Карс, Турция),
SPIN-код: 3716-8391,
e-mail: firanqiz@mail.ru

Pashaeva Yunus Firangiz Shakhmurovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Division of Slavic Languages and Literatures,
Kafkas University (Kars, Türkiye),
SPIN-code: 3716-8391,
e-mail: firanqiz@mail.ru

УДК 81’373.2:821.161.1

Н.Б. Бугакова
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОНИМА *ПЕТЕР КРЕЙЦКОПФ*

В статье на материале рассказа А. Платонова «Лунная бомба» анализируется семантический потенциал антропонима *Петер Крейцкопф.* Делается заключение, что семантический потенциал рассматриваемого антропонима реализуется на нескольких уровнях: этимологическом, философском и сюжетном (мотивы жертвенности, избранничества, одиночества). Компонент Kreuz актуализирует в образе героя мотив жертвенности, страдания и искупления, который разворачивается в сюжете через добровольный полет Крейцкопфа в «лунной бомбе» и его трагическую изоляцию от общества. Компонент Kopf маркирует рационалистическое, техническое начало в личности героя, его принадлежность к миру инженеров и изобретателей. В контексте платоновской антропологии этот компонент также указывает на трагический разрыв между «головой» и «сердцем», между интеллектуальным могуществом и душевной немотой.

Ключевые слова: А. Платонов, «Лунная бомба», литературная ономастика, антропоним, семантика имени, Петер Крейцкопф.

N.B. Bugakova
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

SEMANTIC POTENTIAL OF THE ANTHROPONYM PETER KREITSKOPF

Based on the material of A. Platonov's short story "The Lunar Bomb", the article analyzes the semantic potential of the anthroponym Peter Kreutzkopf. It is concluded that the semantic potential of the anthroponym in question is realized on several levels: etymological, philosophical, and narrative (the motifs of sacrifice, chosenness, and loneliness). The component *Kreuz* actualizes in the image of the hero the motif of sacrifice, suffering, and redemption, which unfolds in the plot through Kreutzkopf's voluntary flight in the "lunar bomb" and his tragic isolation from society. The component *Kopf* marks the rationalistic, technical aspect of the hero's personality, his belonging to the world of engineers and inventors. In the context of Platonov's anthropology, this component also indicates a tragic rupture between the "head" and the "heart", between intellectual power and spiritual muteness.

Keywords: A. Platonov, "The Moon Bomb", literary onomastics, anthroponym, name semantics, Peter Kreutzkopf.

В модели ономастического творчества А. Платонова особое место занимают антропонимы; на это обстоятельство мы обращали внимание в наших работах (например, [Бугакова 2023]. Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению семантического потенциала антропонима главного героя рассказа «Лунная бомба» Петера Крейцкопфа и продолжает цикл работ, направленных на выявление семантического потенциала платоновских онимов (в частности, [Бугакова 2025 : 30-332, Бугакова 2024 : 65-68]).

Рассказ «Лунная бомба» относится к раннему периоду творчества А. Платонова, когда писатель активно осваивал жанр научной фантастики, увлекаясь технико-утопическими проектами, восходящими к идеям Н.Ф. Федорова. Как отмечает М. Кувекалович, «А. Платонов утверждал, что перед людьми новой эры должна стоять задача формирования ученого-изобретателя, жертвующего собой ради общего дела» [Кувекалович 2020].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного изучения именника А. Платонова, что позволяет глубже понять механизмы смыслопорождения в художественном мире писателя.

© Бугакова Н.Б., 2026

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка комплексного семантического анализа антропонима *Петер Крейцкопф*.

Материалом исследования является рассказ А. Платонова «Лунная бомба», который также известен под названием «Рассказ о “кирпиче”». Центральный персонаж произведения, инженер Петер Крейцкопф, охвачен стремлением покорить космическое пространство, поскольку, по его убеждению, это открывает путь к полному контролю над природными стихиями. Герой прибывает в город, полностью оторванный от естественной среды: перед читателем предстаёт «бетонно-металлический оазис, замкнутый в себе, совершенно изолированный…» [Платонов 1984 : 1 : 49]. Этот рукотворный мир притягивает Крейцкопфа, потому что воплощает близкую ему стихию камня.

Интересно, что герой «Рассказа о “кирпиче”» наделяется именно именем *Петер*. Имя *Петер* является немецким вариантом имени *Петр* ‘скала, камень’ (др.-греч. Πέτρος ‘камень’) [Суперанская 1998 : 324]. Полагаем, что данное имя присваивается герою с целью подчеркнуть его твердость, например, при принятии решений. Обладатель такого символичного имени, к тому же сын шахтера, инженер с каменным именем, Петер Крейцкопф чувствует родную стихию камня повсюду: «Роскошный театр из смуглого матового камня привлек взор Крейцкопфа» [Платонов 1984 : 1 : 49].

Вся жизнь Петера Крейцкопфа подчинена одной грандиозной задаче – созданию изобретения, представляющего собой шар, закреплённый на диске, предназначенный для полёта в газообразной среде. По замыслу инженера, «металлический камень полетит, брошенный, как всякий камень, но лишь в обратном падению направлении» [Платонов 1984 : 1 : 50]. Эта идея оказывается неразрывно связана не только с именем, но и с фамилией героя. *Крейцкопф* от нем. *Kreuzkopf* – деталь движущего механизма паровозной машины, служащая для соединения поршневого штока с ведущим дышлом и передающая движение поршня через дышло и палец кривошипа ведущему колесу локомотива [Технический железнодорожный словарь 1941]. Крейцкопф изготавливается из металла; таким образом, сочетание имени и фамилии порождает образ того самого «металлического камня», запуск которого и составляет цель жизни персонажа. Эмблематичным в этом отношении становится финал рассказа, где Петера Крейцкопфа помещают в кирпич. В имени и фамилии героя, оказавшегося в бетонно-металлическом оазисе, причудливо соединяются камень и металл. Возникновение такой фамилии не случайно: она восходит к профессиональному опыту самого А. Платонова, который родился в семье железнодорожника, с четырнадцати лет работал на железной дороге, а в 1921 году окончил Воронежское техническое железнодорожное училище.

М. Геллер, один из исследователей творчества А. Платонова, пишет о герое рассказа «Лунные изыскания» следующее: «Крейцкопф – гениальный изобретатель, стремящийся к прогрессу. Поэтому-то он так торопится, ибо, как отметил Н. Федоров, спешка, торопливость – неотъемлемый атрибут прогресса, движения в никуда, в сторону от души» [Геллер 1982 : 78]. С точки зрения М. Геллера, главный герой носит фамилию Крейцкопф, потому что это означает «круглая голова», что связано с характером героя, находящегося постоянно в круговороте мыслей и чувств [Геллер 1982 : 78].

Отметим, что фамилия персонажа состоит из лексем *Kreuz* (в переводе с немецкого крест) и *Kopf* (голова). В этом сложном слове аккумулируются несколько смысловых слоев, которые проецируются на образ героя. Первый, наиболее очевидный смысл – символика креста. В христианской традиции крест – символ страдания, жертвы и искупления, что напрямую соотносится с судьбой Петера Крейцкопфа, который жертвует собой ради общего дела. Он пишет заявление правительству, настаивая на своем участии в эксперименте, и фактически обрекает себя на гибель (или, по крайней мере, на неизвестность), становясь жертвой собственного изобретения. Мотив жертвенности, зашифрованный в фамилии, реализуется в сюжете: изобретатель добровольно отправляется в «лунную бомбу», не зная, вернется ли он обратно.

Кроме того, лексема *Kopf (голова)* в составе антропонима персонажа позволяет говорить о высоком интеллекте героя: в европейской культурной традиции голова – символ разума, рационального начала, интеллекта. Крейцкопф – инженер, изобретатель, человек мысли. Его проект – плод многолетних размышлений и расчетов. Однако в контексте платоновской антропологии рационализм, оторванный от чувства, сердца, оценивается двойственно. В связи с этим фамилия *Крейцкопф* может указывать на трагический разрыв между интеллектуальным могуществом и душевной немотой, между стремлением преобразовать мир и неспособностью к простому человеческому теплу. Крейцкопф тоскует по другу, по «задушевному негромкому разговору и простой теплоте», но оказывается неспособен их обрести: «его чуждались» [Платонов 1984 : 1 : 61].

Обратим внимание на возможную религиозную коннотацию. Выражение «крестная голова» может ассоциироваться с главой Голгофы – местом распятия Христа. Эта аллюзия усиливает мотив жертвенности и искупительного страдания. Антропоним *Петер*, использованный писателем для именования главного героя, также отсылает к образу евангельского апостола Петра, который, как известно, трижды отрекся от Христа, но затем был прощен и стал «камнем» церкви. В судьбе Крейцкопфа также присутствует мотив отречения: он отрекается от личного счастья, от любви (Эрна уходит от него), от нормальной человеческой жизни во имя «общего дела». Однако, в отличие от апостола, его жертва оказывается невостребованной: общество не понимает его, газеты искажают смысл его проекта, а сам он исчезает в космическом пространстве.

Семантический потенциал антропонима *Петер Крейцкопф* раскрывается полнее при учете философского контекста, в котором создавался рассказ. Известным является тот факт, что на А. Платонова 1920-х годов сильно повлияли идеи Н.Ф. Федорова, который призывал к активному преобразованию мира, к победе над смертью. По мнению Н.Ф. Федорова, космос должен быть не объектом созерцания, а ареной человеческой деятельности. Именно эту идею реализует Петер Крейцкопф, конструируя «лунную бомбу» и отправляясь в космос. Отметим также влияние на писателя идей Ф. Ницше. По мнению Х. Гюнтера, «мотив преобразования и преображения мира путем технических достижений отсылает в произведениях А. Платонова к заимствованному у Ницше мотиву любви к дальнему, который, в свою очередь, сочетается с мотивом восторженного, самоотверженного, одержимого труда над проектами овладения природой и космосом для блага общества. Любовь к дальнему сопровождается мотивом одиночества и крайней человеческой изоляции» [Гюнтер 2012 : 145]. Рассматриваемый антропоним аккумулирует эту ницшеанскую амбивалентность. С одной стороны, изобретатель – сверхчеловек, дерзающий бросить вызов природе и космосу. С другой – он глубоко одинок, непонят и непринят. Фамилия *Крейцкопф* как бы предвосхищает этот крест одиночества, который он вынужден нести.

Мотив жертвенности, заложенный в компоненте *Kreuz*, реализуется в нескольких эпизодах. Прежде всего, это финальное решение Крейцкопфа лететь в «лунной бомбе» лично. Он пишет заявление, угрожая отозвать патент на изобретение, и добивается своего: «Он создал безвыходное положение для правительства, и оно разрешило ему сесть в “лунную бомбу”» [Платонов 1984 : 1 : 62]. Важно, что этот поступок не находит понимания у окружающих. Его избранничество – это избранничество мученика, которого не признают современники.

Семантика *Kopf* («голова») реализуется в портрете Крейцкопфа как человека, живущего исключительно разумом, идеей. Он «полусамоучка, инженер по призванию». Его отношения с женой Эрной рушатся именно потому, что между ними нет взаимопонимания: она – «овладевшая последними цветами культуры» [Платонов 1984 : 1 : 62], он – погруженный в технические расчеты.

А. Платонов подчеркивает, что Петер Крейцкопф «хотел бы друга, задушевного негромкого разговора и простой теплоты», но его жизнь – «сумрачный сон». Эта душевная

немота – оборотная сторона его гениальности. Антропоним Петер Крейцкопф фиксирует этот трагический разрыв между «головой» и «сердцем».

Интересно, что Петер Крейцкопф, оказавшись в космосе, не просто транслирует технические данные, а передает на Землю «звездные песни». В одном из радиосообщений он говорит: «Передайте, что я у источников земной поэзии… Скажите, что звездная песня существует физически… здесь симфония, а не какофония» [Платонов 1984 : 1 : 63]. В этом эпизоде происходит трансформация героя. Из инженера-рационалиста он превращается в поэта, в слушателя «звездной симфонии». Семантика Kopf («голова») как бы дополняется семантикой «слуха», «восприятия», что сближает его с платоновскими «странниками» и «чудаками», ищущими «праведную землю».

В этой связи примечателен эпизод чтения Крейцкопфа в книжном магазине. У него нет денег, но он «подкупил… десятка полтора книг, заинтересовываясь лишь их названиями» [Платонов 1984 : 1 : 54]. Среди них – «Путешествие в смрадном газе» Бурбара, «Голубые дороги» Вогулова, «Лунный огонь» Феррента, «Антисексус» Беркмана, философия Горгонда. Этот перечень пародиен, но значим: Крейцкопф ищет не столько знания, сколько откровения, «источник земной поэзии». И чтение становится для него катарсисом: «Он увидел совсем новых людей – мрачных, горячих, подвижных, ревущих страстью и восторгом» [Платонов 1984 : 1 : 54]. Это перекличка с собственной судьбой.

В контексте модели ономастического творчества писателя антропоним Петер Крейцкопф представляет собой онимную единицу, семантический потенциал которой реализуется на стыке языковой этимологии и философского контекста. Такая фамилия требует от читателя «дешифровки», что создает дополнительный смысловой слой и дистанцию между героем и читателем. Крейцкопф становится персонажем, воплощающим комплекс идей, связанных с жертвенным изобретательством, техническим гением и трагическим одиночеством.

Завершая исследование, обобщим результаты. Антропоним *Петер Крейцкопф* в рассказе А. Платонова «Лунная бомба» обладает высоким семантическим потенциалом, который реализуется на нескольких уровнях: этимологическом, философском и сюжетном (мотивы жертвенности, избранничества, одиночества). Компонент Kreuz актуализирует в образе героя мотив жертвенности, страдания и искупления, который разворачивается в сюжете через добровольный полет Крейцкопфа в «лунной бомбе» и его трагическую изоляцию от общества. Компонент Kopf маркирует рационалистическое, техническое начало в личности героя, его принадлежность к миру инженеров и изобретателей. В контексте платоновской антропологии этот компонент также указывает на трагический разрыв между «головой» и «сердцем», между интеллектуальным могуществом и душевной немотой. Семантический потенциал антропонима определяет всю сюжетно-образную структуру рассказа: от конфликта с обществом и разрыва с женой до финального «вознесения» в космос, где Крейцкопф обретает способность слышать «звездные песни».

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2023. 420 с.

2. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал библионима А. Платонова *неодушевленный враг* // Дух, душа и тело в мировой культуре. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2025. С. 30-33.

3. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал библионима повести А. Платонова «Джан» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 65-68.

4. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Paris: YMCA-Press, 1982. 387 с.

5. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии. Контексты творчества А. Платонова. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 209 с.

6. Кувекалович М. Философская концепция рассказа «Лунная бомба» Андрея Платонова [Электронный ресурс] // Slavisches Seminar der Universität Zürich. 2020. URL: Философская концепция рассказа «Лунная бомба» Андрея Платонова – Мария Кувекалович – SlavicumPress (дата обращения: 13.04.2026).

7. Платонов А. Лунная бомба / А. Платонов. Собрание сочинений: [в 3 томах]. Москва: Советская Россия, 1984-1985. Т. 1: Повести, рассказы. С. 49-71.

8. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. Москва: АСТ, 1998. 528 с.

9. Технический железнодорожный словарь; под редакцией инженера Н.Н. Васильев, профессора О.Н. Исаакяна, профессора Н.О. Рогинского и др. Москва: Государственное транспортное железнодорожное издательство, 1941. 608 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бугакова Надежда Борисовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного технического университета,
SPIN-код: 1080-8136,
e-mail: *bugakovanb@yandex.ru*

Bugakova Nadezhda Borisovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 1080-8136,
e-mail: *bugakovanb@yandex.ru*

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЯТВОРЧЕСТВА
PRAGMATIC ASPECT OF NAME CREATION

УДК 811.161.1

В.Е. Замальдинов
Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Нижний Новгород, Российская Федерация)
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

В.В. Замальдинова
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 4»
(Балахна, Российская Федерация)
e-mail: zamaldinova.viktoriya@yandex.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ЗАВЕДЕНИЙ КРАСОТЫ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Анализируются наименования заведений красоты Приволжского федерального округа в аспекте лингвокреативности. Материал работы – корпус названий салонов красоты, парикмахерских, студий маникюра, барбершопов, спа-салонов. В основе данного исследования лежит целый ряд приемов и методов: прием сплошной выборки, описательный метод, словообразовательный, прагматический, структурно-семантический виды анализа номинаций. Рассматриваются названия, в которых применяется игра с графическими средствами языка. Описываются номинации, созданные с помощью таких разновидностей графиксации, как монографиксация, полиграфиксация, кодографиксация. Изучается такой лингвокреативный прием создания наименований заведений красоты, как игра с орфографией. Номинации с ошибками отрицательно влияют на состояние носителей языка. Потенциальные покупатели не придают значения правильной орфографии и отвлекаются от смысла текста. Демонстрируется такой лингвокреативный прием, как трансформация прецедентных феноменов. Подобные названия обладают запоминаемостью и привлекают внимание адресатов. Делается вывод, что с помощью данных лингвокреативных средств имядатели усиливают зрительное восприятие информации, активизируют внимание потенциальных клиентов, способствуют созданию определенных ассоциаций у носителей языка. Результаты работы могут представлять интерес для преподавателей, студентов вузов, а также всех интересующихся русской ономастикой.

Ключевые слова: заведения красоты, лингвокреативность, прецедентные феномены, графическая игра, орфографическая игра.

V.E. Zamaldinov
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

V.V. Zamaldinova
Municipal budgetary educational institution
«Secondary school No. 4»
(Balakhna, Russian Federation)
e-mail: zamaldinova.viktoriya@yandex.ru

NAMES OF BEAUTY ESTABLISHMENTS VOLGA FEDERAL DISTRICT: THE LINGUISTIC AND CREATIVE ASPECT

© Замальдинов В.Е., Замальдинова В.В., 2026

The names of beauty establishments in the Volga Federal District are analyzed in terms of linguistic creativity. The material of the work is a corpus of names of beauty salons, hairdressers, manicure studios, barbershops, and spas. This study is based on a number of techniques and methods: continuous sampling, descriptive method, word-formation, pragmatic, structural and semantic types of nomination analysis. The titles in which the game is used with graphical language tools are considered. The nominations created using such types of grafication as monografication, polygrafication, and codografication are described. Such a linguocreative technique of creating names of beauty establishments as playing with spelling is being studied. Nominations with errors negatively affect the condition of native speakers. Potential buyers do not attach importance to the correct spelling and are distracted from the meaning of the text. Such a linguocreative technique as the transformation of precedent phenomena is demonstrated. Such names are memorable and attract the attention of the addressees. It is concluded that with the help of these linguistic and creative means, readers enhance the visual perception of information, activate the attention of potential customers, and contribute to the creation of certain associations among native speakers. The results of the work may be of interest to teachers, university students, as well as anyone interested in Russian onomastics.

Key words: beauty establishments, linguistic creativity, precedent phenomena, graphic game, spelling game.

Индустрия красоты – одна из динамично развивающихся отраслей экономики. Носители языка уделяют все больше внимания внешнему виду, заботятся о состоянии ментального и физического здоровья, следят за актуальными тенденциями в сфере моды. Основными направлениями индустрии красоты являются парикмахерские и ногтевые услуги, массаж, СПА, косметология и т.д.

Для привлечения внимания потенциальных потребителей к заведениям красоты имядатели создают креативные названия. Подобные неймы обладают экспрессией новизны, вызывают, как правило, положительные эмоции у адресата, помогают потребителю оперативно найти предприятие.

Цель работы – изучить имена заведений красоты в аспекте лингвокреативности.

В качестве материала использовались имена заведений красоты Приволжского федерального округа. Корпус данных составил более 100 номинаций.

В XXI в. изучением ономастических единиц занимались И.В. Крюкова и В.И. Супрун [Крюкова, Супрун 2025], Т.В. Поплавская и И.Л. Ильичева [Поплавская, Ильичева 2025], С.А. Скуридина и Е.Н. Карташова [Скуридина, Карташова 2025], М.Н. Лату [Лату 2025], В.Е. Замальдинов [2017; 2021] и др. Ученые исследовали разряды онимов с различных точек зрения, однако комплексному изучению наименований заведений красоты Приволжского федерального округа в аспекте лингвокреативности не уделялось достаточного внимания.

Для создания неймов имядатели используют различные средства и способы лингвокреативности. Так, в ономастическом пространстве Приволжского федерального округа активно появляются наименования заведений красоты, в которых применяется игра с графическими средствами языка. Под графиксацией мы понимаем использование адресантом шрифтового выделения, курсива, кавычек и т.д. Ее разновидностью является монографиксация – употребление неймером единиц только одной языковой системы. Она воплощается в следующих приемах:

- апострофизация (разбиение лексемы надстрочным знаком в виде запятой). Приведем примеры: студия маникюра *О’пилки* в Нижнем Новгороде;

- капитализация (чередование в узуальной лексеме строчных и прописных букв). Приведем примеры: центр моделирования тела *ТалиЯ* в Саранске; барбершоп *ShturMAN*, парикмахерская *ЭКОНОМка* в Нижнем Новгороде;

- релитерографиксация (архаизация написания). Приведем примеры: парикмахерская *ЦИРЮЛЬНИКЪ* в Уфе, салон красоты *Печоринъ* в Нижнем Новгороде.

Монографиксаты передают дополнительную информацию клиенту, сообщают ему о надежности фирмы. Кроме того, подобные номинации свидетельствуют о творческих способностях имядателя.

Другой разновидностью графической игры является полиграфиксация. Для создания новых номинаций неймеры манипулируют средствами разных алфавитов. Так, например, в названиях заведений красоты имядатели заменяют одну букву кириллического алфавита ла-

тинским шрифтом. Проиллюстрируем сказанное: салон красоты *РеволюциЯ* в Саранске, салон красоты *SAXAP* в Нижнем Новгороде, бьюти бар *Цvети* в Оренбурге, студия красоты *ЛиZa* в Пензе. Передаваемая латиницей графема может располагаться в начале, середине, конце слова. Однако бо́льшим воздействием на носителей языка обладают названия, в которых неймеры заменяют часть русского слова латинским шрифтом. Приведем примеры из нашей картотеки: спа-салон *SPAкойствие* в Кирове, ногтевая студия *МаниQR* в Йошкар-Оле, салон-студия *NOVAЯ* в Оренбурге, парикмахерская *БИGOODИ* в Перми, парикмахерская *СТРИGOOD* в Самаре. Достаточно часто выделенный латиницей сегмент слова гарантирует названиям заведений красоты двойное прочтение. Итак, полиграфиксаты привлекают внимание потенциального потребителя, участвуют, как правило, в создании позитивной оценки рекламируемого заведения, свидетельствуют об интернационализации общения.

Еще одна разновидность графической игры – кодографиксация. При создании номинаций с помощью данного типа графиксации неймеры применяют неалфавитные единицы. Кодографиксация реализуется в инетографиксации (использовании адресантом символов интернет-коммуникации). Приведем примеры: экспресс-парикмахерская *#НАСТРИЖКЕ*, студия красоты *Питер.ру* в Йошкар-Оле; спа-салон *Тай.ру* в Нижнем Новгороде; салон красоты *#ХОЧУГЛАДКО* в Казани. Данные названия свидетельствуют о развитии интернет-технологий в мире, привлекают внимание молодежной аудитории к заведению.

Таким образом, для создания наименований заведений красоты неймеры активно используют такой лингвокреативный способ, как графиксация. Подобные номинации усиливают зрительное восприятие информации, указывают на творческое мышление адресанта.

Другим лингвокреативным приемом, с помощью которого образуются названия заведений красоты, является игра с орфографией. Его суть заключается в том, что имядатели намеренно искажают орфографический облик слова. Проиллюстрируем сказанное: детская парикмахерская *КРАСАФЧИКИ* в Оренбурге; салон красоты *ШИКолад*, дом отдыха и расслабления *СПА.КОЙНО* в Перми. Орфографические окказионализмы указывают на целевую аудиторию, сообщают потенциальным клиентам об исключительности заведения, информируют адресатов о специализации предприятия. Однако написание неймерами слов с ошибками негативно влияет на состояние потребителей. Носители языка начинают не придавать значения правильной орфографии, отвлекаются от смысла текста.

Менее востребованный лингвокреативный прием создания наименований заведений красоты в Приволжском федеральном округе — трансформация прецедентных феноменов (далее – ПФ). Одним из видов модификации ПФ является замена компонента. Приведем пример из нашей картотеки: парикмахерская ***СТРИЖКА*** *И ТОЧКА* в Самаре. В наименовании данного заведения красоты обыгрывается название российской сети предприятий быстрого питания «**Вкусно** – и точка». Подобные номинации информируют носителей языка об оказываемой им услуге, обладают запоминаемостью, привлекают внимание потенциальных потребителей.

Таким образом, для создания наименований заведений красоты в Приволжском федеральном округе неймеры используют следующие лингвокреативные средства: графическая игра, орфографическая игра, трансформация прецедентных феноменов. Новые номинации влияют на покупательское поведение, усиливают зрительное восприятие текста, активизирует внимание адресата, способствуют формированию у носителя языка определенных ассоциаций.

Библиографический список

1. Замальдинов В.Е. Актуальные антропонимы и их словообразовательные возможности в современных медиатекстах // Текст. Структура и семантика: доклады Международной

научной конференции: сборник статей, Москва, 02–03 декабря 2016 года. Москва: Российский новый университет, 2017. С. 245-250.

2. Замальдинов В.Е. Особенности образования и функционирования графиксатов-эргонимов салонов красоты Нижегородского региона // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 2(41). С. 12-18.

3. Крюкова И.В., Супрун В.И. Региональная топонимия в лексикографическом освещении. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2025. 181 с.

4. Лату М.Н. Лингвокреативная специфика эргонимов-жаргонизмов сферы инвестиций: особенности словотворчества // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 1. С. 91-102.

5. Поплавская Т.В., Ильичева И.Л. Эргонимия региона: динамика и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2(896). С. 44-51.

6. Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Лексемы родственно-антропонимического кода в рассказе В.М. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 1(56). С. 224-234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Замальдинов Владислав Евгеньевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
SPIN-код: 8866-5365,
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

Замальдинова Виктория Валентиновна,
заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель русского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 4»,
SPIN-код: 1740-1441,
e-mail: zamaldinova.viktoriya@yandex.ru

Zamaldinov Vladislav Evgenievich,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
SPIN-code: 8866-5365,
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

Zamaldinova Victoria Valentinovna,
Deputy Director for Educational Work, teacher of Russian language and literature at the municipal Budgetary Educational Institution Secondary School No. 4,

SPIN-code: 1740-1441,
e-mail: zamaldinova.viktoriya@yandex.ru

УДК 811.11

Е.В. Егорова
АНОВО «Московский международный университет»
(Москва, Российская Федерация)
e-mail: 3kv7@mail.ru

В.И. Чечетка
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МИФОНИМОВ В РЕКЛАМЕ

Статья посвящена исследованию мифонимов – имен собственных, функционирующих в мифологических и эпических текстах – на материале древнегерманского героического эпоса («Песнь о Нибелунгах», «Беовульф», «Старшая Эдда»). Мифонимы рассматриваются не просто как номинативные единицы, но как свернутые культурные тексты, хранящие в себе архаичные представления о мироустройстве, судьбе и героическом идеале. В статье анализируется этимология и семантика имен героев (Зигфрид, Беовульф), богов (Один, Тор) и названий артефактов, выявляется их роль в формировании концептосферы германской лингвокультуры. Особое внимание уделяется тому, как древние мифонимические модели продолжают влиять на современные культурные коды и национальную идентичность, их использование в рекламе, в том числе. Методология анализа включает этимологический, лингвокультурологический и когнитивно-герменевтический подходы. Результаты исследования демонстрируют, что мифонимы служат ключевыми маркерами мифологического сознания, связывая профанное и сакральное в структуре эпического повествования.

Ключевые слова: лингвокультурный феномен, мифоним, древнегерманский эпос, ономастика, этимология, культурный код, героический идеал.

E.V. Egorova
ANOVO "Moscow International University"
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: 3kv7@mail.ru

V.I. Chechetka
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

A PRAGMATIC APPROACH TO THE STUDY OF MYTHONYMS IN ADVERTISING

The article is devoted to the study of mythonyms – proper names functioning in mythological and epic texts – based on the material of the ancient Germanic heroic epics ("The Song of the Nibelungs", "Beowulf", "The Elder Edda"). Mythonyms are considered not just as nominative units, but as condensed cultural texts that preserve archaic ideas about the world order, fate, and the heroic ideal. The article analyzes the etymology and semantics of the names of heroes (Siegfried, Beowulf), gods (Odin, Thor) and the names of artifacts, and identifies their role in the formation of the conceptosphere of German linguoculture. Particular attention is paid to how ancient mythonymic models continue to influence modern cultural codes and national identity, among other things, they are used in advertising. The methodology of the analysis includes etymological, linguoculturological and cognitive-hermeneutical approaches. The results of the study demonstrate that mythonyms serve as key markers of mythological consciousness, linking the profane and the sacred in the structure of epic narrative.

Key words: linguistic and cultural phenomenon, mythonym, ancient Germanic epic, onomastics, etymology, cultural code, heroic ideal.

© Егорова Е.В., Чечетка В.И., 2026

В последние десятилетия общество выработало новые функции мифа как инструмента манипуляции массовым сознанием. Современный миф обладает широким спектром функций, он влияет на сознание, содействует психологической адаптации и общению, но не духовно-интеллектуальному, а примитивному взаимодействию в толпе. Кроме того, современный миф способен восстанавливать систему ценностных ориентиров, помогать индивидууму корректировать свои поступки и взаимоотношения с окружающими. В этой связи, изучение мифонимов – имен собственных, принадлежащих сфере мифа и эпоса – является одним из актуальных направлений современной лингвистики и культурологии. Имя в архаической культуре никогда не было случайным звуковым комплексом; оно являлось онтологической сущностью носителя, определяя его судьбу, характер и социальную роль. В контексте древнегерманской традиции, где слово обладало магической силой, анализ мифонимов позволяет реконструировать фрагменты древней картины мира, легшей в основу современной немецкой ментальности.

Как показывают современные исследования, мифонимы и теонимы обладают особой семиотической функцией в тексте, часто выступая в роли смысловой доминанты [Чечетка 2004; 2016]. Они становятся ключом к пониманию культурного наследия и эмоциональной окраски эпических произведений. В древнегерманском эпосе, например, можно выделить несколько групп мифонимов, каждая из которых несет специфическую когнитивную нагрузку: теонимы (имена богов), антропонимы (имена героев) и хрематонимы (собственные имена предметов и артефактов) [Чечетка 2004].

Центральное место в пантеоне занимает теоним *Odin* (сканд. *Óðinn*, древнев.-нем. *Wotan*). Этимология этого имени восходит к протогерманскому **Wōđanaz*, связанному с корнем **wōþqz* – «ярость», «исступление», «поэтическое вдохновение». Здесь мы видим прямую связь с концептом *Arbeitswut* (рабочая ярость/усердие), рассмотренным нами ранее [Чечетка 2025]: божественная энергия понимается германцами как активная, порой разрушительная, но созидающая сила. Современные исследования подтверждают, что амбивалентные концепты, такие как «порядок» (*Ordnung*) и «хаос» (*Chaos*), фундаментальны для немецкой лингвокультуры [Zubenko 2023], и фигура Одина/Вотана является воплощением этой диалектики – он и мудрец, и воин, и шаман.

Особый интерес представляют «говорящие» имена эпических героев. Имя *Siegfried* (Зигфрид) из «Песни о Нибелунгах» состоит из двух основ: *sigu* (победа) и *frithu* (мир, защита, безопасность). В этом имени, можно сказать, закодирована идеальная программа жизни германского вождя – обеспечение мира через победу. Аналогично, имя героя англосаксонского эпоса *Beowulf* традиционно расшифровывается как «пчелиный волк» (*bee-wolf*), что является метафорическим наименованием медведя (кеннингом). Это указывает на тотемические корни образа и его связь с культом силы и природной мощи. Как отмечают исследования, анализ таких ономастических единиц в различных языковых корпусах позволяет глубже понять национальные коннотации, зафиксированные и во фразеологии, и в образе мыслей [Seidikarimova 2024].

Небезынтересно отметить, что уникальной чертой германского эпоса является персонификация оружия и артефактов, выражающаяся в присвоении им личных имен (хрематонимов). Меч Зигфрида *Balmung*, молот Тора *Mjölnir* или меч Беовульфа *Hrunting* – это не просто инструменты, а полноправные акторы повествования. Наличие имени переводит предмет из категории «вещь» в категорию «субъект», что отражает специфический материализм германской мифологии, где материя одухотворена. Когнитивные исследования сегодня подчеркивают, что подобные метафорические переносы (одушевление неодушевленного) остаются продуктивными моделями и в современном немецком языке [Gradečak 2023].

В результате проведенного исследования было определено, что феномен мифонима также тесно связан с категорией времени и памяти. Имя героя в эпосе служит инструментом «победы над забвением». Слава (*Ruhm*) в германской этике – это, прежде всего, сохранение

имени в устной традиции. В этой связи нам представляется интересным сопоставить данный факт с современным восприятием мифологем. В работах по ономастике, когнитивнстике нередко отмечается, что мифологизмы сегодня активно используются и в русском языке для описания сил, существующих в реальной жизни, в виде живых сущностей [Ширгазина 2013]. Древний страх перед хаосом и стремление к его упорядочиванию через именование (номинацию) трансформировались, но не исчезли.

Рассмотрим, как в рекламе могут применяться мифологические образы (архетипы), пробуждающие у людей яркие эмоции и ассоциации, что способствует успеху брендов и помогает им формировать устойчивые и долговременные ассоциации. Например, мифологические символы позволяют бренду выделяться среди конкурентов, формировать не просто запоминающийся логотип, но и полноценную историю. Ср.: рекламный ролик из серии «Олимпийцы среди нас» для Сбербанка представляет собой историю о приключениях олимпийских богов (Афродиты, Зевса, Посейдона и их проводника в мир людей – Гермеса) на Земле. Сюжет выдержан в традициях античной мифологии, что подтверждается атрибутами Зевса – громом и молнией, а также древним храмом – местом обитания богов Олимпа. Или другой пример – на логотипе Versace изображена голова Медузы Горгоны – символа экстравагантности, роскоши и величия.

Мифонимы могут способствовать также передаче нематериальных активов – бренды используют мифы и своих героев, чтобы связать характеристики персонажей со своим брендом; или добавить концепции глубины и неоднозначности. Например, Apple использует мифологический контекст, создавая не просто образ, а целую философию, за которой стоят инновации и изменения в мире.

В рекламе может также использоваться мифоним с помощью приема обыгрывания или присвоения мифа. Ср.: Nike использует образ Ники – богини победы, что апеллирует к архетипу победителя. Skittles обыгрывают миф о царе Мидасе: вместо превращения в золото прикосновение одного из работников трансформирует объекты в сладости бренда.

Таким образом, мифонимы являются сложными когнитивными структурами. Они не только идентифицируют персонажа, но и содержат в свернутом виде сценарий его судьбы и его социальную функцию. Если *Arbeitswut* (чрезмерное усердие) можно рассматривать как поведенческий стереотип, то мифонимическая система – это языковой каркас, на котором этот стереотип исторически формировался. Усердие героев эпоса, их яростное стремление к цели, закодированное в самой семантике их имен (Вотан – ярость, Зигфрид – победа), подтверждает глубокую укорененность активного, преобразующего начала в германской ментальности.

В заключение отметим, что обращение к мифонимам древности – это не только исторический экскурс. Анализ этих имен с позиций современной науки (когнитивной лингвистики, ономастики) открывает новые перспективы для понимания механизмов культурной памяти. Как показывают новейшие исследования древних текстов [5], семантические поля древних понятий гораздо шире и динамичнее, чем считалось ранее, и продолжают резонировать в современном языке и культуре.

Библиографический список

1. Gradečak, T., Brdar, M. All this metonymy stuff or conceptual indeterminacy as emotional response to crisis // 16th International Cognitive Linguistics Conference (ICLC16). Book of Abstracts. Düsseldorf: Heinrich-Heine-University, 2023. P. 112.

2. Seidikarimova, M., et al. Representativeness of Mythonyms and Theonyms in Language Corpora // International Journal of Society, Culture & Language. 2024. Vol. 12 (2). PP. 85-98.

3. Zubenko, Y. Ambivalent emotion concepts SEHNSUCHT, FERNWEH and HEIMWEH in the German linguo-culture: ORDNUNG vs. CHAOS // European Journal of Literature and Linguistics. 2023. No. 2. PP. 45-52.

4. Чечетка В.И. Концепт «одежда» как один из доминантных элементов мифопоэтической картины мира (на примере древнегерманских героических легенд, сказаний) // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2004. Вып. 2. С. 33-41.

5. Чечетка В.И. Мифологема «золото» в прагматическом аспекте (на материале древнегерманских мифопоэтических текстов) // Прагматика языка и язык прагматики. Орел, 2004. С. 71-73.

6. Чечетка В. И. Доминантные концепты в древнегерманском героическом эпосе // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2016. № 1(29). С. 68-81. EDN VNXUFH.

7. Чечетка В.И., Рыжков О.И. Феномен Arbeitswut (чрезмерное усердие в работе) в немецкой лингвокультуре: стереотип или реальность? // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 2(57). С. 121-126. DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.015. EDN JYPUCD.

8. Ширгазина А.Э., Чистякова А.А. Мифотехнологии в рекламе//Современные наукоемкие технологии. 2013. № 10 (часть 2) С. 244-245 URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=33454 (дата обращения: 08.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чечетка Валентина Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
и технологии перевода
Воронежского государственного
технического университета
SPIN-код: 1138-2588
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Chechetka Valentina Ivanovna
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Foreign Languages and
Translation Technology
Voronezh State Technical University
SPIN-код: 1138-2588
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Егорова Екатерина Валерьевна,
магистрант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
АНОВО «Московский международный университет»
e-mail: 3kv7@mail.ru

Egorova Ekaterina Valerjevna,
Master's student of the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Autonomous non-profit organization of higher education «Moscow International University»
e-mail: 3kv7@mail.ru

УДК 811.161.1’373.2

У. С. Батанова
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Российская Федерация)
e-mail: ulyabatanova@mail.ru

ЭРГОНИМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В настоящей статье анализируются эргонимы образовательных учреждений Российской империи начала XX века на примере двух губерний: Вологодской и Ярославской. Материал для исследования был собран с помощью справочных губернских книг 1914-1916 годов. Анализ языкового материала позволил выявить основные элементы, которые могли быть включены в эргоним: в наименовании мог упоминаться человек, важный для страны или региона, пол учеников, специализация учреждения, его территориальное расположение, тип заведения, ступень получаемого образования, количество классов и т. д. Сопоставление эргонимов образовательных учреждений двух губерний дало возможность проследить наличие в номинации региональных особенностей. Отмечается, что для эргонимов Вологодской губернии, по сравнению с Ярославской, наиболее характерно указание на пол учеников, в то время как эргонимы Ярославской губернии чаще содержат в себе имя человека – как правило, важного для региона, в то время как в эргонимах Вологодской губернии подобная номинация почти не встречается. Автор приходит к следующим выводам: во-первых, общая модель номинации была схожа, несмотря на отсутствие упорядоченности в системе образования Российской империи; во-вторых, в эргонимах могла проявляться территориальная специфика, позволяющая судить об особенностях региона.

Ключевые слова: эргонимы, образовательные учреждения, принципы номинации, идентифицирующая функция, информирующая функция.

U. S. Batanova
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinskiy
(Yaroslavl, Russian Federation)
e-mail: ulyabatanova@mail.ru

ERGONYMS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE BY THE EARLY 20TH CENTURY (BASED ON VOLOGDA AND YAROSLAVL GOVERNORATES)

The article includes an analysis of ergonyms of educational institutions in The Russian Empire by the early 20th century based on Vologda and Yaroslavl governorates. The material was found in provincial reference books from 1914-1916. The analysis revealed the main ergonym’s elements: it can be a some person’s name (important to the country or region), students gender, the institution's specialization, geographical location, the type of institution, grade level, the number of classes, etc. A comparison of ergonyms in the two governorates showed that the nomination in different regions has regional characteristics. Ergonyms of the Vologda governorate regularly include students gender, and ergonyms of the Yaroslavl governorate often contain the name of a person (important for the region). The author concludes: firstly, the general model of nomination was similar; secondly, regional specificity could be manifested in ergonyms.

Key words: ergonyms, educational institutions, principle of nomination, identifying function, informative function.

Система образования Российской империи начала XX века в некоторых аспектах была близка современной. В зависимости от учредителя и источника финансирования образовательные учреждения делились на государственные и частные; ещё одно сходство – трёхступенчатая модель системы: выделялись учреждения начального, среднего и высшего образования.

Система номинации дореволюционных образовательных учреждений в Российской империи представляет несомненный интерес для ономатологов. Анализируя эргонимы и про-

© Батанова У.С., 2026

изошедшие с ними изменения, мы можем увидеть те характеристики образовательных учреждений, которые учитывались в первую очередь, какие культурные реалии представляли для общества наибольшую ценность – достаточную, чтобы закрепить их в названиях учреждения.

Наименования образовательных организаций в ономастике традиционно относят к эргонимам. По определению Н. В. Подольской, *эргоним* – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 151].

Цель настоящей статьи – анализ особенностей названий дореволюционных учебных заведений Российской империи. В качестве материала для исследования были выбраны эргонимы образовательных учреждений начала XX века Ярославской и Вологодской губерний, что позволит проследить в том числе наличие региональных предпочтений в наименовании объектов.

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что в состав дореволюционного эргонима образовательного учреждения могли быть включены следующие номинативные элементы:

1. наименование в честь человека – важной для региона или страны личности, действующего начальника учреждения, его основателя, попечителя и т. д.; *Мужская гимназия* ***императора Николая Александровича, Ионафановское*** *женское училище;*
2. наименование, указывающее на специализацию учреждения; в Российской империи существовали образовательные учреждения и курсы, готовившие учеников к работе в той или иной сфере: кадетские, коммерческие, ремесленные и пр. училища, что могло быть отражено в эргониме; *Вологодское* ***техническое железно-дорожное*** *училище,* ***Речное*** *училище;*
3. наименование, указывающее на пол учеников; поскольку дореволюционное образование было преимущественно раздельным – юноши и девушки учились обособленно друг от друга – это нередко отражалось в наименованиях; ***Женская*** *прогимназия,* ***Мужская*** *гимназия Щеголева;*
4. наименование, указывающее на территориальное расположение; в большей степени это касалось учебных заведений в небольших городах и сельской местности: в их эргонимах закреплялось название населённого пункта; ***Айкинская*** *низшая ремесленная школа,* ***Угличское*** *духовное училище;*
5. наименование, указывающее на количество классов; количество лет обучения в разных учреждениях могло варьироваться от одного года до восьми лет – иногда эта информация закреплялась в названии; *Коммерческое* ***8-классное*** *училище, Духовное* ***4-классное*** *мужское училище в Спасском монастыре;*
6. наименование, указывающее на порядковый номер учреждения; если в населённом пункте было несколько однотипных учреждений, они могли нумероваться; *Вологодская* ***третья*** *женская гимназия,* ***3-е*** *высшее начальное училище;*
7. наименование, указывающее на ступень обучения; многие названия указывали, какое именно образование получит обучающийся: начальное, среднее или высшее; *Коммерческое* ***училище****, Мужская церковно-приходская* ***школа****;*
8. наименование, указывающее на индивидуальные признаки учреждения; *Екатерининская женская гимназия* ***при Сиротском доме****, Устьсысольское высшее начальное училище* ***с профессиональным классом****.*

Как правило, в одном эргониме сочетались разные компоненты: *Вологодская третья женская гимназия* (Вологодская губ.) – эргоним указывает на тип учреждения, его местоположение, порядковый номер, ступень обучения и пол учеников; *Городское Ольги Соболевой ремесленное училище* (Ярославская губ.) – эргоним несёт информацию о типе учреждения,

ступени обучения, о его специализации и основателе (ярославский купец Николай Соболев основал училище, которое впоследствии содержалось на проценты с капитала, который пожертвовала Ольга Соболева, купеческая вдова).

В зависимости от компонентов, учтённых при номинации учреждения, эргонимы могли выполнять несколько функций.

И. Э. Ратникова и Т. Б. Хоанг выделяют четыре функции эргонима:

1. *идентифицирующую функцию*, которая обеспечивает узнавание объекта и может указывать на назначение предприятия (*агентство, дом* и пр.), на его организационно-правовую форму (*ООО, ЗАО* и пр.), может включать в себя и собственно ономастический компонент (*Меркурий, Старая фабрика* и пр.);
2. *дифференцирующую функцию*, помогающую выделить предприятие из ряда подобных; здесь наиболее важную роль будет играть собственно ономастический компонент;
3. *информирующую функцию*, обеспечивающую сообщение разных видов информации об объекте;
4. *аттрактивную функцию*, воздействующую на адресата: имя должно вызывать положительные эмоции и ассоциации, чтобы обеспечить позитивное отношение и к объекту номинации [Ратникова 2015: 226–227].

Следует учитывать, что эта классификация в большей степени относится к современным наименованиям коммерческих объектов. Дореволюционные эргонимы образовательных учреждений выполняли преимущественно две из четырех перечисленных функций: идентифицирующую и информирующую.

Основное проявление **идентифицирующей функции** – указание на назначение учреждения: *Духовная* ***семинария****, Реальное* ***училище****, Женская* ***гимназия*** (Вологодская губ.), *Учительский* ***институт****, Женское духовное* ***училище****,* ***Школа-мастерская*** *портняжного ремесла для девочек* (Ярославская губ.). Так, *гимназии* давали традиционное классическое образование, *институты* – высшее образование, *школа-мастерская* предполагала обучение с большим количеством практической подготовки и пр.

Информирующая функция проявлялась, когда в название было включено указание на наиболее значимую информацию об учреждении. Так, поскольку деление образования на женское и мужское было одной из основ образовательной системы в Российской империи, многие эргонимы начала XX века отражают этот параметр: *Вологодское епархиальное* ***женское*** *училище,* ***Мужская*** *церковно-приходская школа,* ***Мужская*** *гимназия* (Вологодская губ.), ***Мужская*** *гимназия Щеголева,* ***Женское*** *духовное училище, Мариинская* ***женская*** *гимназия* (Ярославская губ.).

Некоторые эргонимы могли выполнять и **дифференцирующую функцию**, т. е. помогали отличить одно учреждение от ряда ему подобных. Однако если в современных эргонимах эту роль в основном выполняет собственно ономастический компонент, в начале XX века было иначе. В качестве средства дифференциации могли использовать:

1) нумерацию: *Вологодская* ***вторая*** *женская гимназия* (Вологодская губ.), ***2-я*** *Торговая городская школа* (Ярославская губ.);
2) имя (действующего директора, основателя и пр.): *Вологодская мужская* ***имени Императора Александра Благословенного*** *гимназия,* ***Александринская*** *женская гимназия* (Вологодская губ.); *Женская гимназия* ***О. Н. Корсунской****, Женская гимназия* ***М. Л. Люйтен*** (Ярославская губ.);
3) специализацию: *Вологодский* ***молочно-хозяйственный*** *институт, Вологодский* ***учительский*** *институт* (Вологодская губ.); *Городская* ***торговая*** *школа,* ***Учительский*** *институт* (Ярославская губ.);

4) отличительную особенность учреждения: *Устьсысольское высшее начальное училище* ***с профессиональным классом*** (Вологодская губ.), *Частное начальное училище* ***с Детским садом для мальчиков и девочек*** *Б. А. Розенблюма* (Ярославская губ.).

Поскольку в начале XX века образование ещё не было массовым, количество образовательных учреждений в населённых пунктах было ограничено. Большинство из них были государственными – конкуренции и необходимости рекламировать себя у учреждений не было, поэтому и дифференцирующая функция была представлена в меньшей степени, чем сегодня. По этой же причине в эргонимах начала XX века не проявляет себя **аттрактивная** функция: не было потребности в наименованиях, вызывающих положительные эмоции и ассоциации.

При сопоставлении эргонимов образовательных учреждений двух губерний можно заметить, что некоторым принципам номинации отдаётся предпочтение, в то время как другие почти не используются.

Анализ эргонимов образовательных учреждений **Вологодской губернии** позволяет отметить следующие особенности системы названий:

1) почти полное отсутствие наименований в честь человека; Памятные книжки Вологодской губернии начала XX века свидетельствуют лишь о шести учреждениях, носящих чьё-то имя: *Вологодская мужская* ***имени Императора Александра I Благословенного*** *гимназия, Вологодское* ***Александровское*** *реальное училище* (названо в честь 25-летия царствования Александра II), *Мужская гимназия* ***императора Николая Александровича***, ***Александринская*** *женская гимназия* (в честь императрицы Александры Фёдоровны, жены Николая II), а также две ***Мариинские*** *женские гимназии* – в Вологде и в Тотемском уезде (в честь императрицы Марии Александровны, жены Александра II); интересно, что ни одно наименование не связано с регионом: учреждениям присваивались имена членов императорской семьи;

2) преобладание наименований, указывающих на пол учеников: *Вологодское епархиальное* ***женское*** *училище,* ***Мужская*** *церковно-приходская школа,* ***Женская*** *церковно-приходская школа,* ***Женская*** *прогимназия, Учительская семинария (****женская****),* ***Женское*** *профессиональное училище, Городское* ***мужское*** *училище,* ***Мужское*** *приходское училище* и пр.

У эргонимов образовательных учреждений **Ярославской губернии** можно выделить следующие отличительные особенности:

1. распространена номинация в честь человека, причём в большинстве случаев это либо важная для региона личность: ***Демидовский*** *юридический лицей* (в честь П. Г. Демидова – ярославского мецената, основавшего Ярославское училище высших наук), *Низшее механико-техническое училище* ***Н. П. Пастухова*** (Н. П. Пастухов – ярославский меценат, выделивший средства на открытие училища), *Низшее механико-техническое училище* ***М. Е. Комарова*** (М. Е. Комаров – промышленник, общественный деятель родом из Ярославской губернии); либо указание на действующего руководителя: *Женская гимназия* ***П. Д. Антиповой***, *Детский сад и школа* ***О. И. Нечаевой***, *Частная подготовительная школа* ***А. Г. Вахрамеевой***, *Вечерние курсы французского языка* ***М. Ф. Пижа-де-Шапель***, *Курсы бухгалтерии* ***П. П. Кузнецова****;*
2. почти полное отсутствие в эргонимах указания на местоположение учреждения; все подобные эргонимы Ярославской губернии относятся к сельской местности: ***Новинская*** *учительская семинария,* ***Пошехонское*** *уездное духовное училище,* ***Романов-Борисоглебское*** *духовное училище,* ***Ростовское*** *Димитриевское духовное училище,* ***Угличское*** *духовное училище*; в регионе чаще встречаются эргонимы с указанием на организацию, например, *Ремесленная школа* ***при Пастуховском техническом училище***, но это, скорее, указание на учредителя, чем на месторасположение;
3. большое количество эргонимов, подчёркивающих исключительные, уникальные характеристики образовательного учреждения или курсов: *Частное начальное училище с Детским садом* ***для мальчиков и девочек*** *Б. А. Розенблюма, Общеобразовательные*

курсы ***для мужчин и женщин*** *Уткина* – оба эргонима указывают на совместность получаемого образования, без разделения по полу; *Курсы* ***для увечных воинов*** *при ярославской школе садоводства, огородничества и пчеловодства* – наименование подчёркивает целевую – достаточно нетипичную – аудиторию; *Центральные* ***сельско-хозяйственные и кооперативные курсы*** *губернского земства,* ***Строительные курсы****, организованные управлением сельского строительства, 6-недельные* ***курсы сестёр милосердия военного времени*** *при обществе ярославских врачей, Вечерние* ***курсы французского языка*** *М. Ф. Пижа-де-Шапель,* ***Курсы бухгалтерии*** *П. П. Кузнецова,* ***Родовспомогательное учебное заведение*** *общества врачей,* ***Школа массажа и гимнастики*** *Е. А. Протопоповой* – в эти названия вынесен профиль подготовки, подчёркивающий, что образование, которое можно получить, носит узкую специализацию (наиболее яркое проявление дифференцирующей функции).

При сравнении эргонимов образовательных учреждений обеих губерний можно увидеть и некоторые сходства. Так, с одинаковой частотой встречаются наименования, указывающие на:

- общую специализацию учреждения: *Земская* ***фельдшерская*** *школа,* ***Духовная*** *семинария, Вологодский* ***учительский*** *институт* (Вологодская губ.); ***Кадетский*** *корпус, Городская* ***торговая*** *школа,* ***Речное*** *училище* (Ярославская губ.);
- ступень обучения: *Вологодский молочно-хозяйственный* ***институт****, Высшее начальное* ***училище****, Начальная* ***школа*** *при учительской семинарии* (Вологодская губ.); *Реальное* ***училище****, Мужская* ***гимназия*** *Щеголева, Частная подготовительная* ***школа*** *А. Г. Вахрамеевой* (Ярославская губ.).

Благодаря анализу эргонимов системы образования двух губерний конца XIX – начала XX века можно сделать два ключевых вывода.

Во-первых, общая модель номинации схожа. Хотя количество образовательных учреждений в Российской империи было невелико, все они были включены в общую государственную систему, попытки упорядочить которую были предприняты несколькими реформами конца XIX века – это отразилось в том числе в названиях. Так, эргоним всегда содержит специальное слово, обозначающее ступень обучения: *гимназия* – учреждение среднего образования, *институт* – учреждение высшего образования и пр. Многие эргонимы включали в себя указание на пол учеников, т. к. образование было преимущественно раздельным – за редким исключением, которое тоже могли обозначить при номинации.

Во-вторых, в названиях мог проявляться региональный компонент, что позволяет по эргонимам судить и о некоторой территориальной специфике. В Вологодской губернии, по сравнению с Ярославской, преобладают наименования, указывающие на пол учеников или на месторасположение учреждения – можно предположить, что особая важность на её территории придавалась раздельному обучению мальчиков и девочек и образованию в сельской местности. В Ярославской губернии, в свою очередь, значительно выше количество эргонимов, включающих в себя чьё-то имя (как правило, важное для региона) или указание на узкую специализацию получаемого образования – это говорит о большем внимании к региональной идентичности и о более широком распространении частного образования (курсов и пр.). Иными словами, эргонимы Вологодской губернии выполняли преимущественно идентифицирующую и информационную функции, в то время как в Ярославской губернии, помимо них, значительную роль играла и дифференцирующая, в целом мало свойственная эргонимам начала XX века.

Несмотря на то, что дореволюционная система образования требовала некоторых реформ и не была до конца упорядочена, в эргонимах уже прослеживается ряд закономерностей, которые позволяют судить о принципах номинации (в том числе использующихся в современной России), а в некоторой степени – об обществе того времени.

Библиографический список

1. Памятная книжка Вологодской губернии на 1915 год. Вологда: Типография губернского правления, 1915. 37 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1988. 192 с.
3. Путеводитель-справочник по Ярославлю на 1917 год / сост. П. Критский. Ярославль: Типография издательства «Голос». 92 с.
4. Ратникова И. Э., Хоанг Т. Б. Эргонимы в ономастическом пространстве языка // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 9: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск: «Белорусский Дом печати», 2015. С. 224 – 228.
5. Справочная книга Ярославской губернии на 1914 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль: Типография губернского правления, 1914. 115 с.
6. Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль: Типография губернского правления, 1916. 104 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Батанова Ульяна Сергеевна,
Ассистент кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского,
SPIN-код: 4175-1230,
e-mail: ulyabatanova@mail.ru

Batanova Ulyana Sergeevna,
Assistant at the Department of Russian Language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinskiy,
SPIN-code: 4175-1230,
e-mail: ulyabatanova@mail.ru

ОНИМНАЯ ПЕРИФЕРИЯ
ONYM PERIPHERY

УДК 81’373.2

В.Р. Абдулова
Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
(Бишкек, Кыргызстан)
e-mail:vika-abdulova@mail.ru

НАРУШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В ОНОМАСТИКЕ ДЕЛОВЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДА БИШКЕКА

В статье рассматривается проблема нарушения лексической сочетаемости в ономастике деловых объектов г. Бишкека. Материалом исследования послужили названия магазинов, кафе, ресторанов и сервисных предприятий, собранные методом сплошной выборки. В ходе анализа выявлены различные типы отклонений от нормативной лексической сочетаемости в русском и кыргызском языках, а также случаи межъязыковой интерференции. Особое внимание уделяется механизмам формирования креативных коммерческих названий, среди которых выделяются семантическая контаминация, метафорический и метонимический перенос, калькирование и активное использование англицизмов и гибридных номинативных моделей. Установлено, что нарушение лексической сочетаемости в коммерческой ономастике в большинстве случаев носит осознанный характер и выступает как прагматический приём, направленный на привлечение внимания потребителя, повышение запоминаемости названия и формирование выразительного образа бренда в городской языковой среде.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость; ономастика Бишкека; эргонимика; коммерческая номинация; креативные названия; урбанонимы

V. R. Abdulova
Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn
(Bishkek, Kyrgyzstan)
e-mail:vika-abdulova@mail.ru

LEXICAL COLLOCATIONAL VIOLATIONS IN THE ONOMASTICS OF COMMERCIAL URBAN OBJECTS IN THE CITY OF BISHKEK

The article examines the phenomenon of lexical collocational violations in the onomastics of commercial urban objects in the city of Bishkek. The research material includes the names of shops, cafes, restaurants, and service enterprises collected through continuous sampling. The analysis reveals various types of deviations from normative lexical collocability in Russian and Kyrgyz, as well as cases of cross-linguistic interference. Particular attention is paid to the mechanisms underlying creative commercial naming, such as semantic contamination, metaphorical and metonymic transfer, calquing, and the active use of anglicisms and hybrid nominative models. The study demonstrates that lexical collocational violations in commercial onomastics are predominantly intentional and function as pragmatic strategies aimed at attracting consumer attention, enhancing name memorability, and constructing a distinctive brand image within the urban linguistic landscape.

Key words: lexical collocability; onomastics of Bishkek; ergonymy; commercial naming; creative naming; urbanonyms

Городское номинативное пространство на протяжении длительного времени характеризовалось функциональной прозрачностью. Названия торговых и сервисных объектов выполняли, прежде всего, информативную функцию, прямо указывая на тип деятельности или ассортимент: «Хлеб», «Молоко», «Овощи», «Гастроном», «Универмаг», «Детский Мир» и др. Подобные наименования были семантически однозначны и не требовали интерпретационных усилий со стороны адресата.

© Абдулова В.Р., 2026

Ситуация существенно изменилась в конце XX – начале XXI века, когда в условиях трансформации городской среды, развития рыночных отношений и усиления конкуренции в городском пространстве стали активно формироваться новые номинативные стратегии и прежние названия уже не соответствуют новым реалиям и утрачивают исключительно информационный характер. Они начинают приобретать выраженную прагматическую и экспрессивную направленность, ориентированную на привлечение внимания и создания запоминающего образа.

Указанные изменения в городском номинативном пространстве приводят к качественному усложнению языкового облика города. Современные названия деловых объектов всё чаще выходят за рамки традиционной номинативной прозрачности, сочетая элементы разных языков, образные компоненты и нестандартные лексические связи. В результате в городском пространстве формируются урбанонимы, которые с одной стороны, ориентированы на привлечение внимания, а с другой – могут вызывать затруднения в интерпретации и восприниматься как отклоняющиеся от привычных норм лексической сочетаемости. Это обстоятельство ***актуализирует*** необходимость лингвистического осмысления процессов коммерческой номинации в условиях современной урбанистической среды.

По словам М.В. Голомидовой, искуственная номинация представляет собой «сознательную деятельность субъекта при номинировании конкретных реалий», при этом «степень креативности номинатора может быть различной» [Голомидова 1998 : 45]. В контексте города Бишкека, где сосуществуют русский и киргизский языки, а также активно проникает английская лексика, процесс коммерческой номинации приобретает особую лингвистическую специфику.

Проблема лексической сочетаемости, по определению В.Г. Гака, связана со «способностью слов соединяться друг с другом в речи» [Гак 1990 : 437]. При этом, как справедливо отмечает Т.Н. Матвеева, лексическая сочетаемость в языке является отражением языковой картины мира, а различия в лексической сочетаемости в разных языках обусловлены как системно-языковыми, так и национально-культурологическими факторами [Матвеева 2022 : 194].

Объектом данного исследования являются коммерческие названия (эргонимы) деловых объектов г. Бишкека. Предметом исследования – нарушения лексической сочетаемости в структуре данных ономастических единиц. Цель работы – выявить и классифицировать типы нарушений лексической сочетаемости в коммерческой ономастике современного Бишкека, определить их функционально-прагматическую направленность.

Материалом исследования послужили названия магазинов, кафе, ресторанов, сервисных центров и других коммерческих объектов г. Бишкека, собранные методом сплошной выборки.

Анализ собранного материала требует обращения к теоретическим положениям лексикологии, в рамках которых рассматриваются закономерности сочетания слов. В связи с этим представляется необходимым уточнить понятие лексической сочетаемости, являющееся ключевым для настоящего исследования.

Лексическая сочетаемость представляет собой одну из фундаментальных категорий лексикологии, изучающая способность слов вступать в синтагматические связи. По определению В.В. Виноградова, «сочетаемость слов есть их способность к совместному употреблению в речи, обусловленная соотнесенностью их лексических значений» [Виноградов 1964 : 77]. Ю.Д. Апресян подчеркивает, что сочетаемость отражает «систему ограничений на совместимость слов, вытекающую из их семантики» [Апресян 1995 : 168]. К.М. Шилихина в своем исследовании «Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии» отмечает, что «нетривиальная лексическая сочетаемость приводит к усложнению семантики текста и появлению новых прагматических эффектов» [Шилихина 2010 : 34]. Именно этот аспект и

представляет особый интерес для анализа коммерческих названий, где нарушение сочетаемости часто является осознанным приемом.

Эргонимика как раздел ономастики изучает названия производственных и коммерческих предприятий. В современных условиях коммерческая номинация все чаще обращается к креативным приемам, направленным на создание запоминающегося образа. Как отмечает Е.Н. Иванова, «чем выше показатель информативной функции в названии, тем менее креативным выглядит название» [Иванова 2012 : 112]. Таким образом, снижение информативности за счет нарушения сочетаемости может служить инструментом креативности названия.

Е.В. Рахилина в работе «Когнитивный анализ предметных имен» подчеркивает, что «семантика и сочетаемость сложным образом взаимосвязаны: зная сочетаемость слова, мы можем судить о его значении, и наоборот» [Рахилина 2000 : 156]. Применительно к коммерческой ономастике это означает, что нарушение ожидаемой сочетаемости создает семантический эффект неожиданности, привлекающий внимание потребителя.

Представленные теоретические положения позволяют перейти к анализу фактического материала и выявить основные типы лексико-семантических отклонений в структуре эргонимов. В собранном материале выделяется группа названий, построенных на принципе семантической контаминации – слияния двух или более лексических единиц в одном контексте.

В ходе анализа собранного материала исследование было структурировано по группам в зависимости от характера нарушения лексической сочетаемости в названиях коммерческих объектов**.** ***Первая группа*** включает эргонимы, в которых прослеживается *семантическая контаминация* – слияние лексических единиц, не находящихся в отношениях традиционной семантической совместимости. К данной группе относятся такие названия, как: «*Чистый блик*», «*Дым культуры*», «*Бодрый гриль*», «*Бодрый хошан*». Так, в названии «*Чистый блик*» (магазин бытовой химии) прилагательное ***чистый*** сочетается с существительным ***блик*** как оптическое явление, что нарушает ожидаемую сочетаемость, поскольку ***блик*** как оптическое явление не может обладать характеристикой чистоты в прямом значении. Название «*Дым культуры*» (название кальян-бара) представляет собой пример семантически абсурдного сочетания, в котором конкретное существительное ***дым*** соотносится с абстрактным понятием ***культура***, формируя иронический эффект. Аналогичное нарушение наблюдается в эргонимах «*Бодрый гриль*» (сеть по продажам курицы-гриль) и «*Бодрый хошан*», где признак, характерный для живых существ, переносится на неодушевленные объекты, усиливая экспрессивность и прагматическую направленность номинации. Таким образом, эргонимы основанные на семантической контаминации, демонстрируют сознательное нарушение ожидаемой лексической сочетаемости, выступающее не как ошибка, а как функционально мотивированный приём номинации. Семантическая несовместимость компонентов создаёт эффект неожиданности и иронии, активизируя интерпретационную деятельность адресата и повышая запоминаемость названия. В условиях городской коммерческой коммуникации подобные номинации выполняют преимущественно прагматическую функцию, ориентированную на привлечение внимания, что свидетельствует о трансформации традиционных принципов номинации в современном урбанонимическом пространстве. Как справедливо отмечает К.М. Шилихина, «одним из вероятных прагматических эффектов, возникающих в результате нарушения лексической сочетаемости, является ирония» [Шилихина 2010 : 35]. В приведенных примерах иронический эффект достигается именно за счет семантической несовместимости компонентов названия. Но с точки зрения потребителя, названия коммерческих объектов, построенные на нарушении лексической сочетаемости, обладают двойственным эффектом. С одной стороны, семантическая неожиданность и ироничность подобных эргонимов способствует их запоминаемости и выделению объекта в городском пространстве. С другой стороны, ослабление семантической мотивации может затруднять первичное понимание профиля деятельности заведения и требовать от адресата дополнительных интерпретацион-

ных усилий. Таким образом, эффективность подобных номинаций для потребителя зависит от баланса между экспрессивностью и информативностью названия.

Вторая группа включает эргонимы, построенные на нарушении лексической сочетаемости в моделях с обобщающими номинативными компонентами *центр*, *база*, *мир*. В современном языке данные лексемы обладают широкими возможностями сочетания и традиционно употребляются для обозначения пространственных или функционально-организованных объектов (*торговый центр, культурный центр, база отдыха, мир книг*). Однако, в коммерческой ономастике г. Бишкека они нередко сочетаются с существительными, не предполагающими подобной организации. Так в названии «*Центр отопления*» (продажа приспособлений для отопления) нарушается семантическая сочетаемость, поскольку ***отопление*** как процесс не может выступать в роли центра в пространственном или функциональном смысле. Аналогичное нарушение наблюдается в названии «*Центр плова*» (название кафе восточной кухни), где конкретное блюдо не соотносится с понятием центра. Схожий тип семантической несоотнесённости представлен в названии «*База отопления*» (продажа отопительных котлов), где процессуальное существительное сочетается с лексемой, предполагающей предметную или территориальную организацию. Особый случай представляет собой название «*Мир строй*» (продажа стройматериалов), в котором помимо семантической неопределенности, фиксируется нарушение синтаксической нормы, выражающееся в отсутствии ожидаемой формы управления (*мир строя, мир строительства*). Рассмотренные эргонимы данной группы демонстрируют тенденцию к формальному расширению сочетательных возможностей обобщающих лексем при одновременном ослаблении семантической мотивации названия, что может привести к снижению его интерпретационной прозрачности для адресата.

Третью группу составляют гибридные эргонимы, сформированные в результате кодового переключения и сочетающие элементы разных языков. В условиях многоязычного общества Кыргызстана подобные номинации получают широкое распространение и отражают взаимодействие русской, кыргызской и английской лингвокультур. Как отмечает В.В. Матвеева, «одни и те же факты действительности в сопоставляемых лингвокультурах могут обозначаться разными сочетаниями лексем» [Матвеева 2022 : 195]. В коммерческой ономастике данная тенденция реализуется в форме лексико-семантических гибридов, в которых нарушается внутриязыковая сочетаемость компонентов. Так, в названии «*Fresh маркет*» (название продуктового магазина) наблюдается смешение английского прилагательного ***fresh*** с русскоязычным написанием слова ***маркет***, что приводит к нарушению языковой однородности и согласованию элементов названия. Аналогичный прием используется в эргониме «*Берекет техно*» (название магазина по продаже бытовой техники), где кыргызская лексема ***берекет*** («достаток, благополучие») сочетается с усечённым англицизмом ***техно***, а также в названии «*Берекет гранд*», в котором тот же компонент соединяется с заимствованным словом ***гранд.*** Название Mobi центр» (магазин по продаже сотовых аксессуаров) представляет собой сочетание усечённого англицизма ***mobi*** (от *mobile*) с русским существительным центр, что также нарушает принцип языковой однородности. Особый интерес представляет эргоним «*Astpa dent*» (название стоматологической клиники), в котором имя собственное ***Астра*** (возможно, название цветка или личное имя) сочетается с латинским/английским компонентом ***dent***, обозначающим стоматологические услуги. Такое сочетание демонстрирует кодовое переключение и ослабление семантической сочетаемости: собственное имя не несёт прямой информации о сфере деятельности, а заимствованный элемент требует интерпретации. В то же время прагматический эффект проявляется в высокой запоминаемости и в индивидуализации названия среди конкурентов. Таким образом, гибридные эргонимы, основанные на кодовом переключении, демонстрируют расширение номинативных возможностей за счёт взаимодействия разных языков, однако одновременно приводят к ослаблению лексической и структурной сочетаемости компонентов названия. Подобные номинации ориентированы на создание эффекта современности и международности, но могут снижать семантическую прозрачность

и усложнять интерпретацию для адресата, не обладающего достаточной межъязыковой компетенцией.

Четвертая группа эргонимов основана на метафорическом и метонимическом переносе значений, что приводит к намеренному нарушению буквальной лексической и стилистической сочетаемости. В подобных названиях происходит переосмысление исходных значений лексем, в результате чего формируется образная, эмоционально-окрашенная номинация, ориентированная, прежде всего на прагматическое воздействие. Так, в названии «*Планета электроники*» (магазин по продаже бытовой техники) лексема ***планета*** используется метафорически для обозначения масштабности и многообразия ассортимента, что выходит за рамки ее прямой пространственной сочетаемости. Аналогичный прием наблюдается в названии «*Планета развития*» (название детского сада), где абстрактное существительное ***развитие*** вступает в семантически нестандартные отношения с конкретным существительным ***планета***, создавая эффект концептуального расширения значения. Название «*Улыбка радуги*» (магазин детских товаров) основано на поэтической метафоре и антропоморфизации: природное явление наделяется человеческим действием, что нарушает нормативную сочетаемость, но усиливает эмоциональное и визуальное восприятие бренда. В примере «*Курочка рядом*» (сеть фастфудов) наблюдается смешение стилистических норм: разговорно-фамильярная лексика переносится в сферу коммерческой ономастики, что создает эффект «домашности» и снижает дистанцию между объектом и потребителем. Название «*Ковры «страшные*»» (магазин по продаже ковров) реализует иронический прием за счёт использования оценочного прилагательного с намеренно инвертированной семантикой, что вызывает когнитивный диссонанс и стимулирует интерес. Метафорические и метонимические трансформации в коммерческих эргонимах демонстрируют осознанное отклонение от норм лексической и стилистической сочетаемости. Нарушение нормативности в данном случае не является ошибкой, а выступает как инструмент смысловой компрессии, экспрессии и прагматического воздействия. Подобные названия апеллируют к образному мышлению адресата и формируют эмоционально насыщенное восприятие городского пространства.

На основании анализа выделенных групп эргонимов деловых объектов г. Бишкека представляется возможным выделить типологию нарушения лексической сочетаемости, отражающую основные механизмы формирования нестандартных номинаций в современной коммерческой ономастике. Выявленные типы демонстрируют как системно-языковые отклонения от нормы, так и прагматически мотивированные приёмы речевого воздействия.

1.**Семантическая несовместимость**. Нарушение сочетаемости возникает при сочетании лексем с несовместимыми или слабо совместимыми семантическими признаками. Как отмечает Э.В. Кузнецов, «сочетаемость слова определяется его семантикой и семантикой окружения» [Кузнецов 1980 : 45]. В анализируемом материале данный тип представлен названиями, в которых компоненты вступают в отношения логико-семантического конфликта: *«Чистый блик»*, *«Дым культуры»*, *«Улыбка радуги».* Подобные номинации нарушают ожидания адресата, формируя эффект образной неожиданности.

2.**Стилистическая несовместимость.** Стилистическое нарушение лексической сочетаемости связано с объединением единиц, принадлежащим к разным функционально-стилистическим пластам языка. В коммерческой номинации это приводит к смещению регистров и созданию эффекта сниженной или иронической экспрессии. К данному типу относятся, в частности, названия *«Курочка рядом»*, где разговорная лексика используется в официально-деловом контексте, а также «*Ковры «страшные*»», основанное на просторечном оценочном слове с намеренно парадоксальной семантикой.

3.**Морфологическая и синтаксическая некорректность.** Данный тип включает случаи отклонения от морфологических и синтаксических норм русского языка. Нарушения проявляются в неполных, усечённых ил грамматически неоформленных конструкциях, а также в калькировании иноязычных моделей. Примерами служат названия «*Мир строй*»,

демонстрирующее синтаксическую редукцию, а также «*Точка питания*» и «*Точка роста*», где наблюдается калькирование английской модели ***point*** в значении «*пункт, место*», не полностью совпадающей с нормами русской сочетаемости.

4.**Интерференция языков**. Нарушение лексической сочетаемости, обусловленное межъязыковой интерференцией, является характерной чертой коммерческой ономастики в многоязычном пространстве Бишкека. В подобных названиях сочетаются элементы русского, кыргызского и английского языков, что приводит к размыванию языковой нормы и усложнению семантической интерпретации. К данному типу относятся названия *«Fresh маркет»*, *«Mobi центр»*, *«Берекет техно»*, *«Астра dent»*, в которых наблюдается смешение языковых кодов и несовпадение сочетаемостных моделей.

Таким образом, нарушения лексической сочетаемости в коммерческой ономастике г. Бишкека носят системный характер и реализуются в виде семантических, стилистических, морфолого-синтаксических и межъязыковых отклонений. Эти нарушения в большинстве случаев не являются случайными ошибками, а выступают как осознанные номинативные стратегии, направленные на повышение аттрактивности, запоминаемости и прагматической эффективности городских названий.

Проведённое исследование показало, что нарушение лексической сочетаемости в ономастике деловых объектов г. Бишкека представляет собой массовое и системное явление, формирующееся под воздействием комплекса лингвистических и социокультурных факторов. К числу ключевых причин относятся: стремление номинаторов к креативности и оригинальности как инструментам маркетингового воздействия, многоязычный характер городской языковой среды, способствующий межъязыковой интерференции, а также влияние глобальных тенденций коммерческой номинации, в том числе активное использование англоязычных элементов.

Установлено, что в большинстве случаев нарушения лексической сочетаемости носят осознанный характер и выполняют прагматические функции: привлечение внимания потребителя, создание яркого и запоминающегося образа объекта, а также его выделение в конкурентной городской среде. Как отмечается в научных исследованиях, «нарушение языковых норм в рекламных и номинативных текстах зачастую является намеренным и переходит из разряда языковой ошибки в разряд стилистического и коммуникативного приёма» [URL: https://spravochnick.ru/reklama (дата обращения: 04.02.2026)].

В то же время анализ материала выявил и группу названий, в которой нарушения сочетаемости обусловлены недостаточным владением нормами русского языка, либо механическим переносом лексико-синтаксических моделей из других языков. Подобные случаи могут приводить к затруднению интерпретации названия и снижению его коммуникативной эффективности, а в отдельных ситуациях – к негативному восприятию со стороны адресата.

Таким образом, исследование подтверждает актуальность лингвистического анализа коммерческой ономастики в условиях современной урбанистической среды и указывает на необходимость привлечения лингвистической экспертизы при создании названий деловых объектов. Это позволит сохранить баланс между креативностью и нормативностью, обеспечивая эффективную коммуникацию в городском языковом пространстве.

Библиографический список

1.Апресян Ю.Д. Избранные труды : лексическая семантика. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

2.Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 77–87.

3.Гак В. Г. Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 437.

4.Голомидова М.В. Искусственная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1998. 245 с.

5.Епифанова В.В. Сочетаемостные возможности русского языка для описания простоты явлений и ситуаций в аспекте РКИ // Филологический аспект. 2024. № 9 (113).

6.Иванова Е. Н. Приёмы креативной номинации (на примере названий книжных магазинов г. Екатеринбурга) // Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2013. С. 111–115.

7.Коммерческое имя в мировой ономастике: современное состояние // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 214–228.

8.Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980. 90 с.

9.Матвеева Т.Н. Национально-детерминированная лексическая сочетаемость в практике преподавания русского языка как иностранного // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3 (117). С. 193–196.

10.Ошибки в рекламном тексте // Справочник рекламиста. URL: https://spravochnick.ru/reklama (дата обращения: 04.02.2026).

11.Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён. Семантика и сочетаемость. М., 2000. 416 с.

12.Шилихина К. М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 2. С. 34–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдулова Виктория Рашидовна,
старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына,
SPIN-код: 7514-7882,
e-mail: vika-abdulova@mail.ru

Abdulova Viktoriia Rashidovna,
Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language Faculty of Russian and Slavic Philology Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,
SPIN-код: 7514-7882,
e-mail: vika-abdulova@mail.ru

УДК 902/903:81'373

Л.И. Маслихова
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: lmaslihova@cchgeu.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР: РОССИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРИМЕРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

В статье рассматриваются основные подходы и принципы формирования названий археологических культур, представленных, в первую очередь, на территории Центрального Черноземья. Основное внимание уделено историко-археологическим причинам закрепления тех или иных наименований в научной традиции. На материале культур энеолита, бронзового века и раннего Средневековья (ямной, катакомбной, срубной, абашевской, роменско-боршевская и др.) показано, что названия археологических культур формируются преимущественно по топонимическому и описательному принципам и отражают этапы изучения памятников, а не этническую принадлежность древнего населения. Делается вывод о значимости анализа происхождения культурных названий для понимания истории археологической науки и региональной культурной динамики.

Ключевые слова: археологическая культура; происхождение названий; топоним; Центральное Черноземье; роменско-боршевская культура; культура шнуровой керамики; культура многоваликовой керамики; древнеямная культура; срубная культура, салтово-маяцкая культура.

L.I. Maslikhova
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: lmaslihova@cchgeu.ru

THE ORIGIN OF ARCHAEOLOGICAL CULTURE NAMES: RUSSIAN SCHOLARLY TRADITION AND CASE STUDIES FROM THE CENTRAL BLACK EARTH REGION

The article discusses the main approaches and principles of the formation of names of archaeological cultures, represented primarily on the territory of the Central Chernozem region. The main attention is paid to the historical and archaeological reasons for the consolidation of certain names in the scientific tradition. Based on the material of the cultures of the Chalcolithic, the Bronze Age and the Early Middle Ages (Yamnaya, Catacomb, Srubnaya, Abashevskaya, Romansko-Borshevskaya, etc.), it is shown that the names of archaeological cultures are formed mainly according to toponymic and descriptive principles and reflect the stages of studying monuments, rather than the ethnicity of the ancient population. It is concluded that the analysis of the origin of cultural names is important for understanding the history of archaeological science and regional cultural dynamics.

Keywords: archaeological culture; origin of names; toponym; Central Chernozem region; Romansko-Borshevskaya culture; culture of corded ceramics; culture of mulberry ceramics; ancient Yamnaya culture; srubnaya culture, Saltovo-Mayak culture.

Понятие «археологическая культура» сформировалось в археологической науке в конце XIX – начале XX века. Традиционно под археологической культурой понимается совокупность археологических памятников, объединённых сходством материальной культуры, хозяйственных форм и погребальных традиций. При этом названия археологических культур, как правило, возникают в процессе первичного описания и систематизации археологического материала. Они отражают либо место первых находок, либо наиболее характерные особенности погребального обряда или материальной культуры. Анализ происхождения таких названий позволяет не только уточнить историю изучения памятников, но и выявить специфику культурной интерпретации археологических комплексов.

В археологической практике можно выделить несколько устойчивых подходов к формированию культурных названий. Наиболее распространённым является *географический /топонимический подход,* при котором культура получает название по первому или наиболее

© Маслихова Л.И., 2026

изученному (эталонному) памятнику. В этом случае названия археологических культур образуются от географических названий. Так, абашевская культура получила своё название по селу Абашево (Чувашская республика), где были выявлены характерные археологические материалы. Несмотря на то, что ареал культуры значительно шире и включает, в том числе, территории Центрального Черноземья, именно данный топоним оказался закреплён в научной традиции. Это свидетельствует о том, что при названии археологической культуры первичную роль играет статус конкретного памятника как отправной точки исследования. К топонимическим культуронимам также относится и роменская культура. Свое название культура получила по городу Ромны в Сумской области, где были найдены её первые памятники [Енуков 2024 : 42-50].

Как разновидность географического подхода можно рассматривать регионально-пространственные наименования археологических культур, основанные на указании географического ареала распространения культуры. В качестве примера можно вспомнить среднедонскую неолитическую культуру, выделенную А.Т. Синюком в 70-е годы XX века. Название данной культуры отражает локализацию археологических памятников, имеющих общие признаки в бассейне Среднего Дона. Подобные наименования археологических культур, как правило, носят обобщённый характер и сближаются с научными географическими терминами. С ономастической точки зрения, они занимают промежуточное положение между собственными именами и описательными номинациями, поскольку не связаны с конкретным памятником.

В качестве отдельного подхода к названию археологических культур выделяется так называемый *«описательный» подход.* В этом случае названия образуются на основании характерных черт материальной культуры или погребального обряда. Подобные названия отличаются высокой семантической мотивированностью и наглядностью. Другими словами, если у культуры есть уникальный признак, его переносят на всё название. В рамках «описательной» модели выделяется особый «керамический» подтип, когда имя культуры напрямую мотивировано техникой орнаментации сосудов. Так, культурно-историческая общность шнуровой керамики получила название по отпечаткам шнура на кубках и амфорах, которые выступают одним из наиболее узнаваемых диагностических признаков [Зальцман, Кузьминых 2017 : 72]. Сходным образом обозначаются культуры валиковой керамики позднего бронзового века: термин связан с орнаментом из налепных валиков под венчиком, по горлу или плечикам сосудов. Для рубежа средней и поздней бронзы в степи и лесостепи Восточной Европы используется название «культура многоваликовой керамики» (бабинская культура), также мотивированное орнаментом из рядов валиков [Кузьминых, Литвиненко 2012 : 537].

Особенности погребального обряда дали названия «ямной», «катакомбной» и «срубной» культурам. Эти культуры были выделены В.А. Городцовым в начале XX века, а их названия носят также описательный характер и отражают наиболее яркий признак культуры. В частности, ямная культура получила название по типу захоронений в простых грунтовых ямах; катакомбная культура названа по наличию катакомбных погребений – боковых камер, отходящих от вертикальной шахты; название срубной культуры связано с использованием деревянных срубов в погребальных сооружениях [Сафонов 2002 : 23].

К третьей группе названий археологических культур можно отнести *составные или комбинированные наименования*. Такие названия, как правило, соединяют два ориентира (чаще всего – региональный и локальный топонимический, но возможны и другие варианты). Они типичны для пограничных зон, где требуется одновременно указать и «адрес», и типовую основу археологической культуры. Так, салтово-маяцкая культура, названа по двум крупным памятникам – Салтовскому городищу близ села Верхний Салтов на правом берегу Северского Донца (Харьковская область) и Маяцкому городищу близ впадения в Дон реки Тихая Сосна (Воронежская область). Подобная практика отражает сложный характер культурного комплекса, объединяющего различные региональные традиции [Плетнёва 2003].

Все указанные подходы можно проиллюстрировать материалами археологических культур Центрального Черноземья, где в терминологии сосуществуют географические, описательные и комбинированные наименования. Для наглядности основные группы названий и соответствующие им примеры сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Подходы к названию археологических культур и примеры Центрального Черноземья

подход	принцип мотивации	примеры (ЦЧР и прилегающие районы)
географический (топонимический/гидронимический и региональный)	по типовым памятникам/поселениям	рыбноозерская (Рыбное Озеро I-II) археологическая культура, городецкая археологическая культура (Городецкое городище), абашевская археологическая культура (Абашево)
	по реке, бассейну, историко-географической зоне	Среднедонская неолитическая культура (Средний Дон), воронежская культура эпохи бронзы (Воронежское Подонье).
описательный	по ключевому признаку (элементы материальной культуры/обряд и др.)	культуры шнуровой керамики, культуры валиковой и многоваликовой керамики, древнеямная (ямная), катакомбная, срубная
комбинированный	сочетание двух ориентиров	рязанско-долговская археологическая культура (регион + типовой памятник), роменско-боршевская археологическая культура

Центральное Черноземье занимает контактную зону леса и степи и пересекается крупными речными системами Дона и Оки. Высокая насыщенность многослойными памятниками и большая практика полевых исследований создают ситуацию, когда локальные вариации керамики или обряда фиксируются раньше, чем выстраивается общая типологическая схема археологических культур.

Рассмотрим подробнее реализацию подходов к названиям археологических культур на примере памятников Центрального Черноземья.

Географический подход.

Для бассейна Дона характерно сосуществование нескольких «локальных» культурных памятников раннего неолита. В числе выделяемых комплексов упоминаются рыбноозерская и рязанско-долговская (в формулировке В.П. Левенка), среднедонская (А.Т. Синюк) и ряд верхнедонских локальных групп [Смольянинов, Сурков 2014 : 161].

Среднедонская неолитическая культура – пример гидронимическо-региональной номинации. Название задает широкие географические рамки (Средний Дон), и тем самым предполагает возможности внутренней вариативности археологической культуры.

Истоки термина связаны с работами А.Т. Синюка: в 1971 г. им была выделена среднедонская культура, главным образом по материалам Среднего Дона [Юркина 2022 : 183–184]. С точки зрения ономастики, преимущество такого имени в нейтральности: оно не привязано к одному памятнику и не «закрывает» путь к расширению базы данных. Одновременно реги-

ональный ориентир может скрывать неоднородность: по мере роста источниковой базы появляется необходимость уточнять локальные варианты и контактные зоны, не разрушая при этом привычного термина.

Рыбноозерская культура названа по группе памятников «Рыбное Озеро I–II» и представляет типично топонимическую схему: короткое, «адресное» имя, удобное для первичного картирования.

Абашевская культура эпохи бронзы, как отмечалось, названа по селу Абашево, где были выявлены ранние материалы, ставшие типовыми для выделения данной культуры. Хотя исходный «опорный» комплекс связан с Поволжьем, памятники абашевской общности фиксируются в сопредельных регионах, в том числе и в Центральном Черноземье [Пряхин 1987 : 124-131].

Комбинированные (составные) названия.

Рязанско-долговская культура демонстрирует комбинированный подход к формированию названия: компонент «рязанско-» отсылает к региональной традиции выделения и сопоставления материалов, а «долговская» часть – к типовому признаку культуры. Комбинированное имя здесь работает как компромисс между географией и типологией: оно сразу «подсказывает» археологу и круг сравнений, и типовой ориентир.

Роменско-боршевская (роменско-борщёвская) культура также имеет составное название, которое объединяет две топонимические опоры – Ромны и Борщёво – и тем самым фиксирует межрегиональный характер комплекса и историю его изучения. Внутри такого термина «боршевский» компонент показывает привязку к памятникам Воронежского Подонья, а «роменская» часть указывает на более широкий ареал распространения материалов [Енуков 2024 : 42-50].

Наряду с топонимами и составными именами в Центральном Черноземье широко представлены *описательные названия* археологических культур. К классическим примерам относятся древнеямная (ямная), катакомбная и срубная культуры, названные по типам погребальных сооружений. В лесостепном Подонье они образуют последовательные горизонты эпохи бронзы и часто используются как «хронологические метки» в региональных обзорах [Сафонов 2002 : 23]. Также необходимо отметить, что расширение источниковой базы привело к тому, что в рамках указанных культурных общностей в настоящее время выделяют региональные археологические культуры, имеющие специфические признаки. Для обозначений этих культур, как правило, используются комбинированные названия, отражающие ареал распространения памятников той или иной культуры. Так, применяются термины «среднедонская срубная культура», «среднедонская катакомбная культура», «доно-волжская абашевская культура и др.

Подводя итог, можно отметить, что в археологической практике закрепились три основных подхода к наименованию археологических культур:

1. географический;
2. описательный (включая погребальный обряд);
3. составной (комбинированный).

Сопоставление этих подходов позволяет выявить их методологические особенности, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнение подходов к наименованию археологических культур

Критерий	Географический	Описательный	Комбинированный
Основание	Эталонный памятник	Артефакт/особенности погребального обряда	Сочетание

Информативность	Низкая	Высокая	Средняя
Устойчивость	Стабильная	Условная	Зависит от этапа

Проведённый сравнительный анализ показал, что описательный подход к названию археологической культуры, основанный на выделении диагностического признака (артефакта или черты погребального обряда), обладает высокой классификационной наглядностью и способствует первичной типологизации памятников. Вместе с тем он имеет ряд существенных недостатков: так, по мере расширения источниковой базы может выясниться, что обозначенный признак не является универсальным для всех памятников. Н.Я. Мерперт отмечал, что терминология бронзового века нередко закреплялась на раннем этапе изучения материала и впоследствии функционировала условно [Мерперт 1982 : 112–118]. Кроме того, описательное название может создавать иллюзию однородности, тогда как внутри культуры существуют хронологические и региональные различия.

Географический (топонимический) подход отличается большей методологической нейтральностью и терминологической устойчивостью. Он не предполагает этнической интерпретации и не выделяет ключевой признак культуры. Однако информативность такого наименования обычно невысокая и требует дополнительного описания для раскрытия сущности той или иной археологической культуры.

Комбинированные наименования отражают, как правило, накоплением нового материала и необходимостью дифференциации и уточнения территории распространения выявленных археологических культур. Кроме того, составные названия часто отражают переходный этап научной классификации, когда границы культур ещё окончательно не определены.

Материалы Центрального Черноземья наглядно демонстрируют сосуществование всех трёх подходов к формированию названий археологических культур. Описательный подход характерен преимущественно для культур бронзового века (ямная, катакомбная, срубная), географический – для ряда комплексов, выделенных по эталонным памятникам (абашевская, роменская), комбинированный – для локальных вариантов культур. Следовательно, название археологической культуры следует рассматривать не как отражение объективно существующей «культурной реальности», а как научный инструмент классификации и описания археологических комплексов, но не тождественный этническим или социальным реалиям древности [Клейн 1991 : 70; Мерперт 1982 : 119].

Библиографический список

1. Андреев С.И., Сурков А.В., Уваров А.Г. Новые неолитические материалы Тамбовской области // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009. С. 42-50.

2. Зальцман Э.Б., Кузьминых С.В. Шнуровой керамики культуры // Большая Российская энциклопедия. Москва, 2017. С. 72-73.

3. Енуков В.В. Роменская культура // История России. В 20-ти томах. Москва, 2024. С. 106-114.

4. Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: Наука, 1991. 448 с.

5. Кузьминых С.В., Литвиненко Р.А. Многоваликовой керамики культура (бабинская культура) // Большая Российская энциклопедия. Москва, 2012. С. 537.

6. Мерперт Н. Я. Очерки археологии бронзового века. М.: Наука, 1982. 360 с.

7. Плетнёва С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 2003. 209 с.

8. Пряхин А.Д. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Москва, 1987. С. 124-131.

9. Сафонов И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи : автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2002 23 с.

10. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. 180 с.

11. Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона (по данным керамических комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 30 с.

12. Смольянинов Р.В., Сурков А.В. Ранний неолит Верхнего Дона // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 161-171.

13. Сурков А.В. Стоянка Ивница на р. Воронеж: итоги исследования 2010-2012 гг. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 15. Воронеж, 2013. С. 167-186.

14. Юркина Е.С. Формы сосудов среднедонской неолитической культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 183-191. DOI: 10.55355/snv2022114204.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Маслихова Лариса Ивановна,
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета,
SPIN-код: 2800-4308,
e-mail: lmaslihova@cchgeu.ru

Maslikhova Larisa Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Voronezh State Technical University,

SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

ОНОМАСТИКА В ЛИЦАХ
ONOMASTICS IN FACES

К 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Валерия Михайловича Калинкина

УДК 81'373.2:929

С.А. Попов
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: spo@bk.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО: НАУЧНОЕ СЛУЖЕНИЕ ПРОФЕССОРА В.М. КАЛИНКИНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОНОМАСТИКИ

Статья посвящена 80-летию выдающегося российского филолога-ономаста, доктора филологических наук, профессора Валерия Михайловича Калинкина. В ней рассматривается многогранная научная, педагогическая и общественная деятельность юбиляра. Особое внимание уделено его роли в формировании и развитии поэтонимологии как самостоятельной научной дисциплины, анализируются его ключевые труды. Подчеркивается духовная и научная преемственность между В.М. Калинкиным и его учителем, основателем Донецкой ономастической школы, профессором Е.С. Отиным. Освещаются личностные качества профессора Калинкина, его роль в подготовке научных кадров, а также плодотворные связи с Воронежской ономастической школой. Статья призвана стать словом признательности и уважения к научному подвигу юбиляра.

Ключевые слова: В.М. Калинкин, ономастика, поэтонимология, поэтонимия, Донецкая ономастическая школа, Е.С. Отин, Воронежская ономастическая школа, преемственность, личность ученого, персоносфера.

S.A. Popov
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: spo@bk.ru

CONTINUITY AND INNOVATION: THE SCHOLARLY SERVICE OF PROFESSOR V.M. KALINKIN IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN ONOMASTICS

The article is dedicated to the 80th anniversary of the distinguished Russian philologist and onomastician, Doctor of Philology, Professor Valery Mikhailovich Kalinkin. It examines the multifaceted scientific, pedagogical, and social activities of the jubilarian. Special attention is paid to his role in the formation and development of poetonymology as an independent scientific discipline; his key works are analyzed. The article emphasizes the spiritual and academic continuity between V.M. Kalinkin and his teacher, the founder of the Donetsk Onomastic School, Professor E.S. Otin. It also highlights Professor Kalinkin's personal qualities, his role in training scientific personnel, as well as his fruitful ties with the Voronezh Onomastic School. The article is intended as a word of gratitude and respect for the jubilarian's scholarly achievement.

Keywords: V.M. Kalinkin, onomastics, poetonymology, poetonymy, Donetsk Onomastic School, E.S. Otin, Voronezh Onomastic School, continuity, scholar's personality, personosphere.

Апрель 2026 года – время, когда филологическая общественность отмечает славный юбилей – 80-летие со дня рождения доктора филологических наук, профессора Валерия Михайловича Калинкина. Для всех нас, связанных с наукой о слове, это событие не просто календарная дата. Это повод остановиться и с глубоким уважением оглянуться на путь, прой-

© Попов С.А., 2026

денный человеком, чья жизнь – это образец беззаветного служения филологии, воспитания учеников и преданного следования научным идеалам.

Значение Валерия Михайловича для современной ономастики трудно переоценить. Он не просто блестящий исследователь, но и подлинный подвижник, в самом высоком смысле этого слова. Его имя неразрывно связано с развитием одного из самых тонких и многообещающих направлений в изучении имени собственного – поэтонимологии, основателем и главным идеологом которой по праву считают юбиляра. Его скрупулезный труд, энциклопедические знания и редкая научная интуиция позволили не просто поставить изучение роли имен собственных в художественной литературе на строгую лингвистическую основу, но и придать этому направлению поистине мировое звучание.

Но в основе любого большого ученого всегда лежит незаурядная человеческая личность. В статье предпринята попытка осмыслить феномен профессора В.М. Калинкина в единстве его научных достижений, педагогического дара и глубоких человеческих качеств. Особое внимание уделено связи юбиляра с Воронежской ономастической школой, которая, как и Донецкая, видит в нем не просто коллегу, но верного друга и единомышленника.

Человек и ученый: служение филологии как жизненное кредо

За долгие годы научной и преподавательской деятельности Валерий Михайлович Калинкин сформировал вокруг себя атмосферу высокой научной принципиальности в сочетании с глубочайшей человеческой доброжелательностью. Все, кто имеет честь быть знакомым с юбиляром, отмечают его удивительную способность сочетать академизм с простотой в общении, строгость научного анализа – с искренним интересом к собеседнику.

Эта гармоничность личности проявляется во всем. В.М. Калинкин – автор нескольких сотен фундаментальных научных трудов, среди которых особое место занимают его многочисленные статьи и монографии, посвященные вопросам теории и практики поэтонимологии. Стоит выделить его программную работу «Поэтика онима» (Донецк, 1999), ставшую настольной книгой для нескольких поколений исследователей. В ней он не только систематизировал существующие знания об имени собственном в художественном тексте, но и заложил основы новой научной парадигмы. Его перу принадлежат десятки статей, развивающих и углубляющих эти идеи, таких как цикл статей «Знакомьтесь: поэтонимология», публикации о терминологии и метаязыке ономастических исследований, проблемах писательской онимографии и поэтонимографии.

Примечательно, что научные интересы профессора не замыкаются исключительно на «высокой» филологии. Он – автор учебных пособий по психолингвистике, что говорит о широте его научного кругозора и стремлении сделать науку понятной и востребованной для студентов.

Но, пожалуй, одна из самых ярких черт Валерия Михайловича – это его удивительная научная и человеческая благодарность. В своих работах он постоянно обращается к памяти и наследию своих учителей и коллег. Он – автор глубоких статей, посвященных жизни и творчеству Евгения Степановича Отина, таких как «Е.С. Отин – подвижник науки и человек» и «Евгений Степанович Отин – ономаст: попытка научной популяризации в миноре». В этих работах он не только отдает дань уважения своему учителю, но и продолжает его дело, фиксируя для будущих поколений саму историю донецкой филологической науки.

Верность корням: профессор В.М. Калинкин и Донецкая школа ономастики

Любой разговор о Валерии Михайловиче был бы неполным без упоминания его духовного наставника – выдающегося филолога XX века, профессора Евгения Степановича Отина (1932–2015). Именно Е.С. Отин был основателем всемирно известной Донецкой ономастиче-

ской научной школы, и именно он воспитал целую плеяду блестящих ученых. В числе его благодарных учеников – Валерий Михайлович Калинкин.

Таким образом, перед нами классическая история научной преемственности. От Евгения Степановича Отина, создавшего мощную базу для изучения ономастики на юге России и Украины, его лучший ученик, В.М. Калинкин, получил не только сумму знаний, но и саму методологию, этику и философию научного поиска. Он перенял у своего учителя умение видеть в частном факте общее значение, способность отстаивать научную истину с принципиальностью, не переходящую в догматизм.

Сегодня профессор В.М. Калинкин по праву является не только наследником, но и активным продолжателем и новым лидером Донецкой ономастической школы, свято храня и развивая заложенные основателем традиции. Под его руководством школа не только не утратила своего значения, но и обогатилась новыми идеями, в частности, в области поэтонимологии – направления, которое при его активном участии из области научных изысканий превратилось в самостоятельную и динамично развивающуюся дисциплину.

Вся творческая деятельность В.М. Калинкина – это поиски и достижения на пути становления поэтической ономастики, этого особого направления в изучении собственных имен в художественной литературе. И эти поиски под руководством Валерия Михайловича продолжаются его многочисленными учениками, которые сегодня разъехались по разным городам и странам, но сохранили верность научным идеалам Донецкой ономастической школы.

Мосты сотрудничества: Воронежская ономастическая школа и профессор В.М. Калинкин

Для нас, представителей Воронежской ономастической школы, имя Валерия Михайловича Калинкина – это не просто имя выдающегося коллеги из соседнего региона. Это имя друга, соратника и единомышленника. Наша школа, которую основал и долгие годы возглавляет наш учитель – доктор филологических наук, профессор Геннадий Филиппович Ковалёв, исторически связана с Донецкой множеством научных, культурных и человеческих связей.

Валерий Михайлович всегда желанный гость на наших конференциях, семинарах и чтениях. Его выступления отличаются глубиной, полемическим задором и всегда вызывают живой интерес у воронежских филологов. Он является одним из тех ученых, кто формирует общее научное пространство, стирая региональные границы. Мы видим в нем не просто коллегу, но и человека, который своим примером показывает, как важна межрегиональная научная коммуникация, как плодотворно сотрудничество между сильными научными центрами.

Связь В.М. Калинкина с воронежской филологией не ограничивается личным общением. Его труды широко известны и цитируемы в работах воронежских исследователей. Он участвовал в совместных публикациях и научных проектах. Это сотрудничество – яркое свидетельство того, что настоящая наука не знает границ, а обмен идеями между школами-лидерами только обогащает каждую из них. В лице Валерия Михайловича Калинкина Воронежская ономастическая школа обрела не просто глубокого ученого, но и человека редкого такта, доброжелательности и открытости к диалогу.

80 лет – это возраст мудрости, подведения итогов и передачи эстафеты новым поколениям. Оглядываясь на пройденный Валерием Михайловичем Калинкиным жизненный и научный путь, мы видим целую эпоху в развитии отечественной филологии. Он прошел этот путь с честью, сохранив и приумножив лучшие традиции своего учителя, заложив основы нового научного направления и воспитав плеяду талантливых учеников. Его жизнь – это блестящий пример того, как глубокая научная принципиальность уживается с человеческой теплотой, а новаторские идеи – с верностью традициям.

Дорогой Валерий Михайлович! От лица всех Ваших воронежских коллег, друзей и почитателей Вашего таланта позвольте пожелать Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и дальнейших творческих успехов. Ваша преданность науке, ваш неустанный исследовательский поиск и ваше умение щедро делиться знаниями с молодежью – это пример для всех нас. Мы гордимся тем, что имеем честь быть Вашими современниками и соратниками. С юбилеем Вас, дорогой Валерий Михайлович!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики, доцент кафедры издательского дела филологического факультета Воронежского государственного университета,
SPIN-код 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

Popov Sergey Alexandrovich,
Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor; Associate Professor at the Department of Public Relations, Advertising and Design, Faculty of Journalism, and Associate Professor at the Department of Publishing, Faculty of Philology, Voronezh State University,
SPIN-код 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Файл со статьей в формате .doc, .docx, .rtf должен быть назван Статья_ФИО

Статья должна включать:

1) УДК;

2) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный курсив, выравнивание по центру);

3) место работы автора, город, страну (шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив, выравнивание по центру);

4) название статьи (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (150–200 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) перевод пунктов 2-6 на английский язык;

8) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

9) библиографический список на русском языке (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

10) сведения об авторе на русском и английском языках в виде таблицы: ФИО полностью - жирным шрифтом, степень, звание, должность, место работы, SPIN-код elibrary, e-mail (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис**. с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки, указывается фамилия автора работы или название издания (в случае коллектива авторов), год издания, после двоеточия приводятся номера страниц, например: [Иванов 1996 : 54–67], [Фольклор Русского Устья 1986 : 115], если издание многотомное, то ссылка оформляется следующим образом: [Достоевский 1975 : 3 : 4–6], где 3 – том издания.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

1) предмет, тему, цель работы;
2) метод или методологию проведения работы;
3) результаты работы;
4) область применения результатов;
5) выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 81

С.А. Скуридина
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микротопонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топосов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в апеллятивно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микротопонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень. …….. (150-200 слов).

Ключевые слова: Достоевский, микротопонимы, оним, хронотоп, «Братья Карамазовы» (5-10 слов).

S.A. Skuridina
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

MICROTOPONYMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE KARAMAZOV BROTHERS »

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level. ..

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope, «The Brothers Karamazov».

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975 : 234].

Текст, текст, текст…….

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975. 504 с.
3. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ре-

сурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).

4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.

5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10-22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного технического университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,

SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Научное издание

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2 (6) 2026

Издается с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 13.07.2026. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 11,5. Усл. печ. л. 13,8. Тираж 25 экз. Заказ № 118.
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84